

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

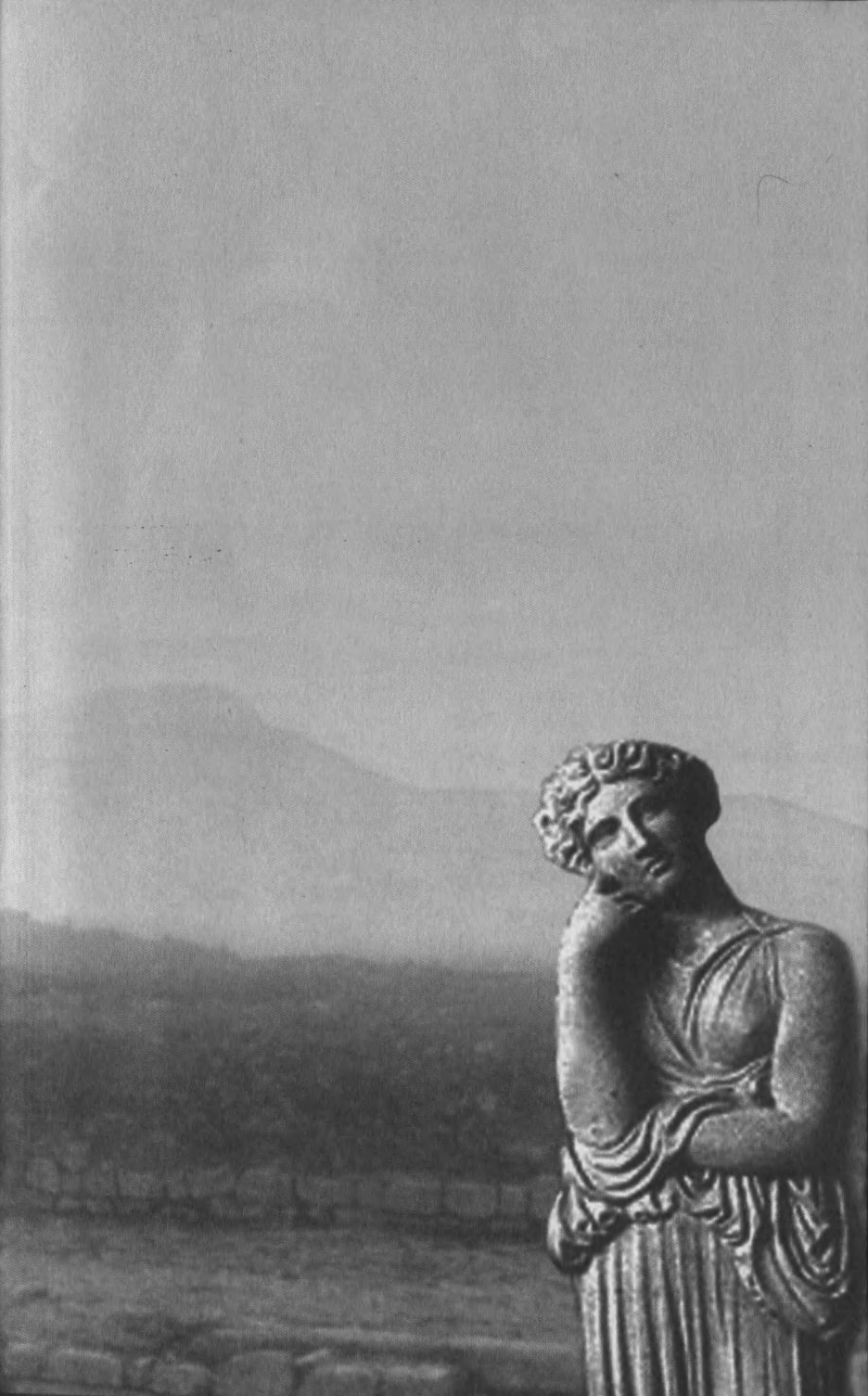
Пьер Брюле

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Пьер Брюле

Pierre Brulé

LES FEMMES GRECQUES
À L'ÉPOQUE CLASSIQUE

HACHETTE

ЖИЗНЬ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ
ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ
ЭПОХУ

МОСКВА МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2005

УДК 94(38)-055.2
ББК 63.3(0)32
Б 89

*Перевод с французского
Т. А. ЛЕВИНОЙ*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

*Перевод осуществлен по изданию:
Pierre Brulé. Les femmes grecques à l'époque classique.
Paris, Hachette Littératures, 2001*

ISBN 5-235-02786-8

© Hachette Littératures, 2001
© Левина Т. А., перевод, 2005
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2005
© «Палимпсест», 2005

... Очень часто

*Я говорила себе, думая о нашей женской доле,
Что мы были ничем. Таковы дети, сердца, питающиеся
Сладостной беспечностью, а также младенцы,
Живущие в отчем доме, где дни наполнены счастьем*

нежного возраста.

Но наступает прекрасный возраст, возраст замужества.

Договор заключен: нас изгоняют, нас продают

Далеко от домашних богов и милых родителей,

Одну — греку, другую — какому-то варвару.

И в доме, где все кажется нам чужим и ужасным,

Где нам зачастую не рады,

С первой же ночи плетется ткань нашей жизни,

Навечно определенная... И, бедные души,

Мы еще мечтаем о счастье...

СОФОКЛ

КАК С НИМИ ВСТРЕТИТЬСЯ?

Встреча с греческими женщинами предполагает погружение в глубь веков, и, следовательно, ответы на два вопроса: какие источники о них сообщают и кто о них писал? Родиться женщиной означало практически не иметь шансов оставить след в истории. Прибавьте к этому бедность, неучастие в политических делах и подчиненное положение — и наши попытки узнать что-либо об их жизни почти равны нулю. Так было повсеместно. И античная Греция не исключение. Здесь женщины несли двойной груз, если они являлись еще и рабынями, либо чужестранками, либо людьми, исключенными из общества. Их следы могли сохраниться только случайно, в то время женщины не интересовали своих современников. Поэтому в этой книге речь пойдет в основном о тех, кто страдал от своей принадлежности к женскому роду, о женщинах, социально изобранных, о небольшой их части. А на вопрос — кто о них писал, ответить довольно просто: в Греции слово всегда принадлежало мужчинам. Обрывки стихов Сапфо, с одной стороны, и целая библиотека, с другой! Таким образом, все или почти все, что известно о женщинах, исходит от мужчин, и все или почти все возвращается к ним же. Но это только на первый взгляд непонятно, какая им от этого выгода.

Дело в том, что, говоря о женщинах, мужчины все время говорят о себе и, значит, обо мне тоже. Итак, мои поиски греческих женщин оказались связаны с преодолением трудностей: освобождением от мужского кожуха, мешающего мне увидеть хоть немного из принадлежавшего им «каждодневного мира», постичь суть культуры, столь мало ими интересовавшейся. Однако в нашем распоряжении только свидетельства мужчин, поэтому нам не остается ничего другого, как внимательно к ним прислушаться. И если невозможно проникнуть в мысли женщин, узнать, каковы были их взгляды на мир, попытаемся по крайней мере составить представление об их обыденной жизни. А поскольку они не существовали сами по себе, исследования женского пола вновь возвращают нас к мужчинам, к «союзу» полов (как говорит один из персонажей книги), к обществам, в которых они жили, к культуре, в которой они были растворены.

Конечно, описать в этой книге одновременно повседневную жизнь греческих женщин и их историю довольно трудно. «Повседневность» — это жизнь во всем ее многообразии, это то, что делает ее сносной. Но как сочетать историю и повторяющиеся изо дня в день события? Как рассказать об одном обычном дне женщины? И о какой женщине? Конечно, существуют тексты, изображения (плохие и редкие), глядя на которые, можно попытаться представить, чем они занимались, но подобная реконструкция их повседневной жизни представляется утопичной. Повседневность убивает историю, а между тем история господствует над повседневностью. И как ответить на вопрос (если это вообще возможно) — каким образом, куда ускользнул этот человеческий поток, образованный миллиардами дней, наполненный мириадами слов, жестов, мыслей, в общем то, что могло бы называться историей, если бы об этом сохранились хоть какие-то сведения? Будучи повседневной, жизнь все равно меняется. Как повторить это движение? Что касается мужчин, то это не так сложно. Нам известно, как менялись их способы строительства,

ведения войны, их политические, философские, религиозные взгляды, их мечты; но их равнодушие к делам и заботам своих современниц — к приготовлению пищи, стирке, ткачеству, беременности, родам, воспитанию детей, молчаливое игнорирование чувств женщин лишают нас этой части истории. Между тем история ссылается на повседневность, не признаваясь в этом. Греческие женщины были в тени и там и остались. Отсутствие «греческой женщины» в истории объясняется тем образом жизни, который заставляло ее вести тогдашнее общество, ее более низким положением по отношению к мужчине.

Что же мы выберем: фиксированный образ, в котором нагромодились бы в калейдоскопическом беспорядке предметы «повседневной жизни» — веретена, прялки, жернова и т.п., — или мешанину фактов, годных лишь для того, чтобы нарисовать картину или снять фильм, но содержащих всего несколько эпизодов и множество белых пятен. Из двух решений я выбираю историю, историю как возможность поразмышлять о мире.

Обычные греческие женщины — вы вне времени, вне морей, вне культур: вас нет, вы немые и анонимны. Что за парадокс! Мы же знаем, как громко звучат голоса других женщин, живущих «в философских дворцах» мужских рассуждений! Имена этих выдуманных героинь широко известны благодаря драматургам, музыкантам, философам не только греческой, но и западной культуры. Это Ариана, Ифигения, Федра, Елена, Навсикая, Андромаха, Электра, Антигона, Пенелопа. Длинный и блистательный список греческих героинь, иллюстрирующий разнообразие их типов, тоже является парадоксом. Эти образы родились в культуре, где мужское господство полностью заглушает женский голос*. Непонятно, почему надо было заставлять молчать одних и громко говорить о других? С одной стороны, неизвестные женщины, притаившиеся «в глубине темных жилищ», погло-

---

* Разумеется, статус и роль женщины в Древней Греции не везде были одинаковыми. Больше всего нам известно об их положении в Афинах. (Прим. авт.)

щенные своими домашними делами, с другой — женщины-героини, описанные греческими поэтами, воспетые Оффенбахом, Жироду, Расином, оплаканные Гете, — две загадки.

Жизнь повседневная и жизнь частная? Ассоциация автоматическая, а следовательно, симптоматичная: говорить о женщинах — значит рядом с частным видеть интимное. Читать книгу о женщинах — значит найти в ней сведения не только о них, но и о домашнем хозяйстве, семье, сексуальной жизни. Словно мужчины не имеют ни дома, ни семьи, ни секса. Асимметрия налицо: в противоположность мужскому миру женский состоит из тысячи интимных, индивидуальных элементов. Мужчины женщин не понимают. И ставят им в вину качество, которого нет у них самих, — способность отходить в сторону, скромность. «Уделом женщины молчанье служит». Перикл, долго перечисляя богатства и добродетели граждан (взрослых мужчин), удостоил женщин одной-единственной фразы:

«Если вы не испытываете недостатка в том, что является вашей натурой, это послужит к вашей славе; то же касается и тех, чьи достоинства или недостатки не обсуждаются мужчинами».

Мужчинам показалось мало заглушить голоса женщин, поэтому они «лишили» их имен. Хотя женщины получали от отца собственное «официальное» имя, современники, говоря о них, использовали главным образом местоимения или слова, идентифицирующие их по отношению к мужчине, отцу или супругу: *дочь такого-то* или *жена такого-то*. То, что мужчины придавали особое значение своим именам и игнорировали женские, является показателем низкого социального статуса женщин. Это было характерно не только для греческой, но и для других культур. Римляне, например, вообще не давали женщине собственного имени, обычно называя ее по имени семьи или отца.

Главная цель этой книги — рассказать о греческих женщинах, живших в античную эпоху. В ходе исследования я выбрал несколько «жизнеописаний»: от

Пенелопы (начало VII века до н. э.) до Ниры (конец IV века до н. э.). Хотя это не совсем обычные судьбы, они, на мой взгляд, позволяют реконструировать обобщенный образ женщины. Нам предстоит побывать в шатрах «Илиады», в афинских «домах»* и судах. Некоторые наши гиды известны, как, например, Гомер, другие останутся анонимными.

Документы и источники, с которыми я работал, обусловили специфику тем, рассматриваемых в этой книге: Гомер и его женщины, Плутарх и «дом» Перикла, Ксенофонт и «дом» Исхомаха, Аполлодор и проституция. Нас будут интересовать представления греческих врачей (последователей Гиппократы) о женском и мужском теле, биологические трактаты Аристотеля. А начнется наше исследование с темы, которая обычно рассматривается в исторических книгах в последнюю очередь, — это религия и отношения греческих женщин с богами.

---

* Греческий дом — *oikos* — ставит перед переводчиком сложную проблему: термин описывает одновременно совокупность недвижимого имущества (дома, землю), движимого (включая скот), считающегося нематериальным, а также совокупность людей: семью гражданина и рабов, духовную личность и единство символическое и религиозное. «Дом» будет означать в книге эту совокупность. «Дом» в последней главе книги будет означать «дома» проститутток. (Прим. авт.)

ЖЕНСКИЙ ПОЛ, ЖЕНЩИНЫ И СВЯЩЕННОЕ

Пытаясь понять место женщины в греческом обществе, невозможно обойти вниманием след, оставленный ею в религии. В том мире и в том времени большая часть того, что мы называем религией, всецело определяла общественную (и даже политическую) жизнь, составляла ее сущность. Верования и религиозные обычаи выражали концепцию того или иного общества и его отношение к человеку. Территория, которую религия занимает в греческом мире, благодатна для исследователя, потому что, далекая от какой-либо экзогенной правды, она тем не менее содержит в себе цвет времени, цвет мира. В нем не было кажущихся нам такими привычными различий между мирским и священным, между естественным и сверхъестественным. Трудно сравнивать греческую религию с нашей современной концепцией веры. Проще перечислить то, чего в ней нет: пророка, Мессии, откровения, *книги*, догмы, духовенства в нашем понимании этого слова, Церкви, веры, отделенной от ритуала*, боготворца, всемогущего, всевидящего. В греческой ре-

---

* Я говорю в данном случае о религии, а не о метафизических домыслах. Все позволяет считать, что взгляды философов в этой области, Платона например, мало или совсем не зависели от общества. (*Прим. авт.*)

лигии — не бог, а боги, боги в сравнении, а не в превосходной степени, их количество неизвестно даже самим грекам. Есть и другие божественные существа, они не боги, а *души* (если рассматривать их в христианских терминах). В ней нет ни «вечной жизни», ни противоборства добра и зла, ни «учета» в небесной канцелярии... Что еще? Проблема популяризатора в том, что ему приходится гораздо больше говорить о том, что есть, чем о том, чего нет.

Нам предстоит окунуться в мир, населенный людьми, богами, героями, в мир, где есть определенные правила общения между смертными и представителями сверхъестественного. Эти правила мы обычно называем ритуалами. Отношение древних греков к ритуалам также отличается от нашего: в их «религии» ритуал не вторичен, а приравнен к вере. Там главенствует социальное. Проще сказать: ритуал обусловлен принципом коллективности — без ритуального одобрения невозможно ни одно более-менее значимое событие в жизни общества и индивидуума. Поскольку человеческое и сверхчеловеческое не существовало независимо друг от друга и не противопоставлялось, очевидно, что разделение мира на две половины, мужскую и женскую, присуще и миру людей, и миру богов. Поэтому, обращаясь к греческой культуре, которую, к сожалению, часто характеризуют как женоненавистническую, извлечем из ее пантеона несколько самых прекрасных женских образов — образов богинь.

Женщины-богини

В иерархии родов (и полов) этих бессмертных греков женщины занимали вовсе не подчиненное положение. Совсем не секретарской работой в министерстве Олимпа занимаются Деметра, Афина и Гера. Естественно, за долгую историю этих богов и создавшего их народа божественный *sex ratio* (*половой коэффициент*) изменился — перевесил в сторону мужчин; иными словами, примерно с середины

II тысячелетия до н.э., когда в Греции появились боги, и до интересующего нас периода количество женщин в этом пантеоне уменьшалось. Тем не менее по сравнению с другими религиями греческая достигла рекордного «процента феминизации». И это вовсе не мимолетные женские образы.

Первичная классификация богинь очевидна: богини классифицируются как женщины по статусам — сексуальный, биологический и социальный. Все эти три статуса соединены в трех самых великих богинях-*parthenoi*, то есть девах — Афине, Артемиде и Гестии. Они обладают и такими качествами, как непорочность, необузданность, жестокость. Они горды своей девственностью. «Головою твою [Зевса] клянусь, что безбрачною / Буду девой в пустынных горах звероловствовать*», — восклицает Артемиде. Она и Афина — дочери Зевса. Афина — старшая дочь. «Родил ее сам многомудрый Кронион [Зевс]. / Из головы он священной родил ее, в полных доспехах, / Золотом ярко сверкавших». А поскольку отец в отношении этих дочерей не имел никаких matrimониальных планов, девственность их является вечной, а это предполагает зависть и, возможно, склонность к жестокости. Что доказывает злосчастная судьба тех, кто добивался с ними близости, — в мифах рассказывается, как смертные теряли зрение или умирали всего лишь из-за того, что подглядывали за купающейся богиней. Всего лишь мечтая о соитии с богиней, мужчины чувствовали приближение смерти. Другие боги и богини, получив от любви наслаждение, обещали смертному помощь. А вот с «Атремидой, Афиной и Гестией соединяться опасно, *даже если это сулит наслаждение*: сон о них предсказывает скорую смерть тому, кто его видит; ибо это великие богини, а по традиции мы знаем, что те, кто налагал на них руку, кончал жизнь в ужасных мучениях» (Артемидор).

В этой семье «непорочных» каждая из трех надделена определенными полномочиями. У Афины они, не-

---

* *Алкей*. Артемиде. 3, 304 / Пер. М. Гаспарова. (Прим. ред.)

сомненно, самые сложные: она учит людей искусствам и ремеслам, покровительствует детям и юношам, хранит от врагов города, дает героям Греции советы и помогает им, выполняя тем самым функцию политическую. Артемида, как и Афина, защищает детей, и особенно новорожденных, покровительствует беременным и роженицам. Она главенствует в мире дикой природы и является покровительницей охоты.

Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
Рощи, богатые тенью, и город мужей справедливых.

Гомер «К Афродите» (18–20). Пер. В. Вересаева.

Зато она не вмешивается в область политики, где царит ее сестра (по отцу, но не по матери) Афина. Третья, Гестия, сестра Зевса, имеет более узкую специализацию: эта богиня «домашняя» — не зря ведь в центральной комнате дома *гестией* называли очаг. Рассматривая город как метафору «дома», эту богиню можно считать покровительницей учреждений, зданий, а также людей, находящихся в центре и во главе политического сообщества.

Следовательно, речь идет о трех типах девственниц: первая является покровительницей мужского мира, вторая — мира диких животных, а также рожениц, а третья — настоящая *parthenos* сердца «дома». Но почему эти богини, обладая такой властью и наделенные такими функциями, остаются девственницами? Афина и Артемида — самые важные богини греческих войн. О них не забывали ни до, ни во время, ни после боя. Может быть, девственность = жестокости = безрассудной храбрости? Но способна ли такая женственность сравниться с *andreia* (мужественностью)? Судя по всему, девичья непорочность переносится на неприкосновенность места, на покровительство сообщества.

Другие населяющие Олимп богини ведут сексуальную жизнь: музы, нимфы, Мать богов и конечно же Афродита, Гера и Деметра.

«Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах: / Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой

Афины... Также не в силах Киприда улыбкалюбивая страстью / Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной... Дел Афродиты не любит и скромная дева-Гестия...» Потому что главное занятие Афродиты — любовь:

Муза! Поведай певцу о делах многознатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни дает пропитанье земля или море,
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея*.

Гомер «К Афродите» (1—6). Пер. В. Вересаева.

Афродита — вот сила, соединяющая полы. Разумеется, есть и другой бог, конкурирующий или помогающий, которого боятся и чью мощь превозносят, бог мужественный, обладающий непомерной властью, бог, пробуждающий желание: «Эрос / Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных / Душу в груди покоряет и всех рассуждений лишает». Но Афродита выше этих женских/мужских категорий, с ней жизнь проходит в наслаждениях; ее закону подчиняются все — и люди, и боги,

Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, —
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге.

Гомер «К Афродите» (36—40). Пер. В. Вересаева.

Афродита разными средствами добивается своего. Но главное ее оружие — красота. Ее тело ослепительно, одежда, духи, украшения, цветы, улыбки... такие, что при ее приближении каждый желает сделать ее своей законной супругой и ввести к себе в «дом». Но разве богиня любви может быть чьей-либо супругой? Да, разумеется. Но представьте: богиня любви — и «замужем». Кем бы ни был тот, кто является ее «мужем и господином», она всегда стремится быть лю-

---

* Считается, что Афродита родилась у острова Киферы, а потом ее прибило к Кипру, отсюда названия Киферея и Киприда. (Прим. авт.)

бимой другими. В «Одиссее» описан самый знаменитый эпизод ее любовных приключений — она осмеливается осквернить ложе своего супруга Гефеста с богом войны Аресом. Даровала ли ей любовь материнство? Да, в некоторых историях ее сыном является Эрос. И она покровительствует зачатию, но это не та мать, которая может служить образцом.

Что касается Геры, то она прежде всего супруга. Эта великая богиня — «госпожа», на самом деле очень зависима. Без Зевса нет и Геры. Она его сестра, как и Гестия, но прежде всего его супруга. К тому же она занимает всего лишь третью строку в «хронологическом» списке его официальных браков — после Метиды (матери Афины) и Фемиды (богини правосудия). Когда Крон еще наслаждался своей властью над космосом, юные Зевс и Гера любили друг друга, и от их вешней любви родились на свет божественные дети: Эфаистос, Арес, Эйлейфия и Геба. Но о чем больше всего обожают рассказывать поэты, так это об их знаменитой брачной ночи. То ли на горе Ида, то ли в саду Гесперид случилось это божественное совокупление на манер *bieros gamos*, «божественного коитуса», или «священной свадьбы». Мифический мотив, столь обожаемый греками: супруги наслаждаются и зачинают потомство. Алилуйя! В Греции сие памятное событие даже увековечено: статую Геры в виде нимфы несут во главе процессии, аналогичной свадебной, в святилище и укладывают там на брачное ложе. Однако, если и существует супруга, более всех других страдающая от сексуальной конкуренции по причине бурного темперамента своего мужа, то это, разумеется, Гера. Следует признать, она великолепно исполняет роль ревливой и сварливой супруги. Она неустанно кричит на Олимпе на всех любовниц и внебрачных детей Зевса. Гераклу не было никакого резона совершать двенадцать подвигов. Избавиться от гнева Геры — вот это подвиг! Гера покровительствует женщинам и браку, как институту, а в Аргосе и Самосе она, подобно Афине в Афинах, занимает более важное место — является всемогущей и суверенной богиней.

Остается Деметра, не менее почитаемая богиня. Она вторая во фратрии основных греческих богов, детей Крона и Реи.

Рея, поята Кроном, детей родила ему светлых —
Деву-Гестию, Деметру и златообутую Геру,
Славного мощью Аида, который живет под землею,
Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея,
И промыслителя Зевса, отца и бессмертных, и смертных,
Громы которого в трепет приводят широкую землю.

Гесиод (453—8). Пер. О. Цыбенко.

Эта фратрия очень интересна. С одной стороны, три блистательных персоны — Зевс (небо), Гадес (подземный мир) и Посейдон (море) — мужество, очевидно, выражается только в образе зрелого мужчины (судя по статуям Посейдона и его брата Зевса). С другой стороны, женственность, принимающая различные формы и выполняющая раз и навсегда определенные социальные и сексуальные роли: Гестия — домашняя девственница, «златообутая» Гера — супруга, а Деметра — мать. Она — богиня плодородия. Разумеется, плодородие земли, плодовитость животных и людей весьма важны, и этому благоприятствуют другие боги и герои, которым люди приносят жертвы, чтобы продолжать жизнь и увеличивать богатство. Тем не менее в греческом представлении только плодородная и оплодотворяющая Деметра по-настоящему воплощает в себе образ *матери*.

Однако две другие богини вносят некоторую путаницу: Земля — Гея, и Мать богов — Рея. «Широкогрудая» Гея, которая только что испытала соитие и впитала оплодотворяющий «дождь» Урана или Зевса, представляет собой гигантскую матку для производства детей (которых иногда производит и самостоятельно, без чьего-либо участия). Она даже фигурирует среди предков Деметры. Однако хотя поэты и описывали первую в тех же выражениях, что и вторую, культы этих богинь абсолютно различны. Не похожи они и на культ Матери богов. Как и Деметра, эти богини рожают и выкармливают детей, но они не привязаны к своим детям, а те к ним, тогда как связь Деметры со своим потомством неразрывна.

Материнские качества Деметры проявляются постоянно. Богиня в самом деле неотделима от своего дитя, прекрасной Кору. И связь и единство эти были столь сильны, что греки называли их «Двумя богинями». Зевс, разумеется, был отцом своей племянницы (в чем не было ничего необычного), но каким-то безликим отцом.

История Кору иллюстрирует характерные изменения, произошедшие с греческой женщиной, которые мы подробно рассмотрим в следующей главе: девочку, собирающую с подружками (среди них Афина и Артемида) цветы, похищает ее дядя по отцу*, мрачный Гадес, хозяин Аида. Желая обладать ею, он прячет ее под землей. Деметра неустанно ищет свою дочь. Ее гнев на людей и богов неутолим, а поиски упорны. По ее воле земля становится бесплодной, космос разлагивается, и Зевс, которому все известно, но который оставил все как есть, вынужден взять дело в свои руки и приказывает своему брату-похитителю вернуть девочку. Но Кора уже проглотила гранатовое зернышко — символ брака, чем связала себя с хозяином Аида. Из «дома» Гадеса не возвращаются прежними. Этот брак сопровождается сменой имени: дочь Деметры отныне будут называть Персефой. Из нимфы, *кору*, она в один миг превращается во взрослую даму. Чтобы вернуть земле плодородие, был найден компромисс: зимой Кора-Персефона — владычица подземного мира и супруга Гадеса, но каждую весну она возвращается к матери и сеет на полях пшеницу. Миф о Коре-Персефоне объединяет хиазм девственность-плодовитость и с божественной точки зрения, и с общечеловеческой; она воплощает альтернативные роли, амбивалентность, двузначность греческой женщины.

Эта портретная галерея иллюстрирует, как изменились представления греков о порожденных их воображением божественных существах. Итак, есть дочь — Кора; дочь-своего-отца, *korè* и *thygater* (дочь в родстве) — Афина; девственницы *parthenoi* Афина,

---

* Близкое родство не шокировало греков. (Прим. пер.)

Артемиды, Гестии; нимфы (юные новобрачные); законная супруга Гера и мать Деметры. Словом, женщина представлена, как обычно, во множестве ипостасей: биологической — дочь, дева, мать, социальной — супруга, сексуальной — девственница, нимфа, мать. И только богини-супруги и богини-матери могут иметь любовников. Не стоит удивляться тому, что сверхъестественное у греков «подражает» человеческому — это в чистом виде политеизм. Однако в этой серии божественных типажей есть и пробел — в ней не отражен период вдовства, менопаузы; среди богинь нет ни одной старухи. У смертных же отношение к старости зависит от того, кто это — мужчина или женщина. Начиная с Нестора в «Илиаде» греческая культура не перестает превозносить старческие добродетели. «Юношам — труд, совещанье — мужам, старикам же — молитвы»*. Старость — это мудрость, жизненный опыт, свобода от поиска наслаждений. Вот почему города выбирали в магистрат граждан преклонного возраста. Вероятно, любовь греков к детским телам не мешала им восхищаться красотой стариков, поэтому в процессии афинских панафине-ев шествовала группа *thallophores*, самых красивых старцев города с оливковыми ветвями. В отличие от мужской старости, женская старость часто является отталкивающей. Недаром самые униженные, самые развратные женщины (в комедиях и живописи) — старухи. Поэтому неудивительно, что женская старость не представлена в пантеоне бессмертных. Тем не менее у политеизма есть свои источники... В Стимфалии (город на Пелопоннесе) существует своя Гера, которую еще называют *Pais* — «дитя», и *Teleia* — «превосходная [супруга]» и *Cbera* — «пустая», так говорит мужчина, имея в виду «вдову». Там Гера представляет любую женщину в трех ее периодах — невинное дитя, супруга и старуха. Таково отношение мужчины, отмечающего переломы в жизни женщины: вступление в брак, а не пубертатный период, период вдовства, одиночества, а не менопаузы.

---

* Гесиод (321—5) / Пер. О. Цыбенко. (Прим. ред.)

Смертные в поисках божественного

Хотя мы многое узнали о греческих женщинах, получить представление об их жизни, ограничиваясь только изучением греческих богов и религии, невозможно. Мы понимаем, что религия, устанавливает и регулирует отношения, которые люди поддерживают с теми или иными богами. Вера и ритуалы связаны друг с другом. По отдельности они существовать не могут, потому что тогда это будет уже не «религия». Но что такое ритуалы, если речь не идет о сложившейся системе связи между людьми-едящими-хлеб и бессмертными? Однако вопрос ритуалов принимает в политеизме оригинальную форму. В этом контексте все основы веры воображаемые — по причине отсутствия правил, применяемых повсеместно. В самом деле, каждый из богов, богинь и героев греческого пантеона характеризуется в двух планах: 1) в какой области он имеет наибольшее влияние или наиболее искусен, 2) каким образом он действует в космосе, используя то или иное свое качество. Арес, тупой и грубый, обнаруживая супружескую измену, убивает соперника; в подобной ситуации Гефест, обнаружив супругу Афродиту в объятиях любовника, набрасывает на ложе волшебную сеть, оставляя любовников неподвижными и растерянными. Я охочусь, я ловлю рыбу, я сею зерно, я жду прекрасный урожай, я хочу убить врага, я приношу жертвы божеству, покровительствующему охоте, рыбалке, земледелию, воинам; перебрав всех, кто может это сделать, я избрал того, кто делает это лучше всех. И вот мое приношение.

Но этого вовсе недостаточно, потому что многое зависит и от самой просьбы, и от того, от кого она исходит. Если речь идет о войне или представителе власти, наиболее действенным божеством для военного вмешательства может быть или Арес, или Афина: грубая сила — с одной стороны, отвага, тактика и ум — с другой. Но следует учитывать также возраст и пол. Молодые люди, недавно поступившие на воен-

ную службу — эфебы, — в определенных обстоятельствах обращаются к особой группе божеств, иногда весьма специфичных, тогда как опытные воины обращаются и к тем божествам, и к другим.

Природа обращения мужчин за помощью к богам — вопрос в высшей степени социальный. Но, несмотря на доминирование мужчин над женщинами, так и хочется спросить: если существуют богини и жрицы, разве не существует в Греции «женская религия», и если существует, то в каком виде? Однако хотя греческий пантеон насчитывает множество богинь и героинь, хотя среди священнослужителей достаточно девушек и женщин, это не означает, что существует некая «женская религия», обособленная от другой «религии», которую мы можем квалифицировать как «мужскую». Даже обращение к женскому божеству трудно представить себе без контроля мужчин. Впрочем, тот факт, что «женская религия» не существует, не означает, что действия женщин не затрагивают богов. Как бы там ни было, если бы действительно существовала некая подобная «религия», очевидно, она не противоречила и не вредила бы мужскому доминированию. Могу даже поспорить, что она, наоборот, способствовала бы ему.

Осмелюсь утверждать, что политическое общество *использовало* женщин (всех или некоторых) в ритуалах в качестве актрис и ради своей выгоды. Женские ритуалы, посвященные богине Деметре, проводились на протяжении всего года, в соответствии с сельскохозяйственными работами. Итак, мужчины использовали все категории женщин, от девиц до старух. Остается узнать, как и почему.

Кого лучше слышат боги?

Поскольку боги слышат (каждый бог слышит) не все послания и толкования, общество доверяло некоторым своим членам — жрецам — поддерживать с божеством качественную связь. Богов было много, и жрецы существовали во всех слоях общества: среди

молодежи, среди стариков, среди женщин и мужчин. Греки заботились о ритуалах богослужения и выработали соответствующие правила. С богинями все ясно: девственницы служат девственницам, взрослые женщины — женщинам. Что касается первых, то тексты говорят: жрица должна находиться в состоянии *parthenos*. Но и здесь мы также видим зависимость от мужчины: девушка остается жрицей, «пока не достигнет брачного возраста», «пока не наступит время брачной ночи», «пока для нее не придет время жить с мужчиной»...

Чтобы лучше понять, почему отцы города выбирали определенный тип женщины для определенного священнодействия, рассмотрим три истории о жрицах, рассказанные в хрониках. Эти этиологические мифы иллюстрируют те специфические проблемы, которые жрицы ставили перед мужчинами*, а именно: что женщина, которая, как известно, слушает лишь свои инстинкты, всегда рискует осквернить все, что ее окружает, — отсюда и божественный гнев. Вот одна любовная душещипательная история, случившаяся во II веке до н. э. в Патрасе и рассказанная Павсанием:

«[Там был] общий храм и священный участок Артемиды, именуемой Трикларией... Говорят, как-то пришлось выполнять обязанность жрицы Комето (“Рыжеволосая”), девушке замечательной красоты. Случилось так, что в нее влюбился Меланипп (“Черноволосый”), превосходивший своих сверстников красотой лица и другими качествами. Когда он равным образом добился любви девушки, Меланипп стал сватать ее у отца. Но обычно старости свойственно противиться многим желаниям юности, а также особенно оставаться глухими к страданиям их юной любви. То же случилось тогда и с Меланиппом: полный желанья жениться на желавшей того же Комето, он встретил холодный отказ в этом и со стороны своих родителей, и со стороны родителей Коме-

---

* Реальные ли это проблемы или воображаемые, для нас не столь важно. Главное — как греки понимали связь женщины с божеством. (Прим. авт.)

то. Тогда в печальном романе Меланиппа подтвердилось то, что подтверждалось много раз и в других случаях, а именно: что любви свойственно нарушать законы людские и попирает почтение к богам. Так и тогда Комето и Меланипп насладились полностью в самом храме Артемиды своей страстной любовью. Они собирались и в дальнейшем пользоваться храмом все так же, как своим брачным чертогом, но внезапно гнев Артемиды обрушился на людей*: земля перестала приносить плоды, их поразили необычные болезни со смертными случаями, более частыми, чем прежде. Когда при этих бедствиях они прибегли к помощи божественного откровения в Дельфах, то Пифия открыла преступление Меланиппа и Комето; и веление бога было — их самих принести в жертву Артемиде и затем каждый год приносить богине в жертву юношу и девушку, которые были самыми красивыми**.

Так самая красивая юная пара была принесена в жертву вспльчивой богине, пара, осмелившаяся посягнуть на чистоту. К счастью, впоследствии это пятно любовного святотатства было смыто благодаря некоему Эврипилу, установившему новый ритуал, усмиряющий богиню. Как и прежде, жрицу Артемиды — разумеется, самую красивую — выбирали среди *parthenoi*. Но теперь она исполняла эти обязанности, «пока не наступало для нее время поселиться с мужем».

Вот вторая история. Жители Аркадии с давних пор выбирали жрицей Артемиды Гимнии «девственницу» (*koré parthenos*). Однако *parthenoi*, по крайней мере в мифах, часто подвергались домогательствам юношей. Так некий Аристократ влюбился в одну из них. Но, «как ни старался Аристократ соблазнить эту девушку, он все время получал от нее отказ. В конце

---

* Сексуальный акт, совершенный в подобном месте, оскверняет и само место, и божество. Последствия всегда одинаковы: божественный гнев на местных жителей, обращение к оракулу, чтобы понять причину и/или чтобы узнать волю бога, кара божества в виде нового ритуала: обычно ритуал, о котором рассказывается в этом мифе. (Прим. авт.)

** Описание Эллады. VII, 19, 1 / Пер. С. П. Кондратьева. (Прим. ред.)

концов, когда она бежала от него в храм к статуе Артемиды, он обесчестил ее там. Когда этот дерзновенный его поступок стал известен среди народа, то аркадяне его побили камнями, и с этого времени был изменен закон: вместо девушки (*parthenos*) они дают Артемиде в качестве жрицы женщину (*gyne*), имевшую уже в достаточной мере общение с мужчинами*.

Что здесь имеется в виду? Артемиде Гимния «принимает» «старуху» так же, как она принимала *parthenos*, несомненно потому, что новая жрица представляет перед ликом божества качества, аналогичные качествам девственницы. Это доказывает, что в последнем случае девственность ценится меньше целомудрия.

Последняя история связана с самой знаменитой жрицей античности, пифией. Она пророчествует в святилище Аполлона Дельфийского, выражает волю бога, отвечает на вопросы смертных. Как свидетельствуют многочисленные источники, пифия — «старуха», ей пятьдесят лет, она слишком стара, чтобы вновь выйти замуж или соблазнять мужчин. Но бывали и другие времена. Жители Дельф рассказывали, что некогда жрицей была одна *parthenos*, в которую влюбился юный трессалиец Эхектратес... Видя, что храм вот-вот подвергнется осквернению, дельфийцы изменили правила игры, и жрицей *отныне* стала «женщина пятидесяти лет», которая (символическая деталь) должна была одеваться девственницей.

Конечно, во всех этих историях «старуха» не равна девственнице. Однако результат налицо. Когда девственница совершает ошибку, ее место занимает не взрослая женщина, не взрослый мужчина, а женщина, «имевшая в жизни достаточно связей с мужчинами». В богослужении жизнь греческой женщины, например Геры, разделена на три части: до мужчины, с женщиной и после мужчины.

Теперь рассмотрим правила, существовавшие для лиц, живших в святилищах более или менее долгий

---

* Описание Эллады. VIII, 5, 12. (Прим. ред.)

промежуток времени и участвовавших в религиозных шествиях. Здесь основные правила не меняются. Во главе многочисленных процессий, прославляющих того или иного бога или богиню, идут не мужчины, не женщины, а девственницы. Этих девушек часто называют «канефорами», потому что они несут на головах, на манер кариатид Эрехтейона на афинском Акрополе, корзины со священными предметами культа — лентами и жертвенными ножами. Этих девушек могут касаться только «чистые» руки, они выбираются из числа самых красивых, они достигли половой зрелости, они дочери именитых граждан города. Им предписано строгое половое воздержание. Горожане ликуют, славят бога, а потом отправляются на пир. Это торжественное шествие девушек — в данном случае скорее *thygates**, чем *parthenoi*, — напоминает выставку невест.

Однако участие девственниц в религиозных действиях не имеет никакого отношения к «женской религии» и даже к общению женщин с богами. Эти шествия призваны препроводить животных и людей к месту жертвоприношения, и в них, за исключением участниц, нет ничего женского. Ни одной «феминистической» черты. Язык, на котором они говорят с богами, не содержит ничего специфически женского. Напротив, это церемонии мужские — кровавое жертвоприношение домашнего животного, разделение пищи с богами, совместная стряпня и трапеза. Присутствие девственниц — или старух — в этих церемониях объясняется только одним: их чистотой. Это позволяет избежать осквернения: менструальной крови, контакта с мужчиной и прикосновения крыльев смерти.

Мы снова возвращаемся к аксиоме мужского господства. Если общение с богами происходит посредством женщин, значит, мужчинам это выгодно. Однако поскольку в политеизме отражен мир смертных, в нем должен скрываться «феминизм».

---

* Множественное число от *thygater*: «девушка» в смысле прядильщица. (Прим. авт.)

Каждую осень жены на три дня покидали свои жилища, собирались в святилище, расположенном вне стен города, и славили Деметру и Кору. Мужчинам при этом присутствовать не полагалось. Поскольку эти ритуалы были окутаны тайной, о них мало что известно, а те сведения, которые сохранились, не всегда понятны. Так, известно, что некоторые женщины после трехдневного воздержания вынимали из глубины рукотворных отверстий сгнившие останки свиней, помещенных туда несколькими месяцами раньше. Затем этот животный «перегной» смешивали с семенами, чтобы таким образом повысить урожайность на полях Деметры. Еще известно, что второй день, — это день поста. Женщины в этот день поднимались на холм Пникс в Афинах и рассаживались там на ветвях авраамова дерева, которое подавляло половое влечение. Это действие совершалось в память о трауре Деметры, когда та искала Кору. В этот день женщины погружались в сон, не обращая внимания на физический и плотский голод (что для женщины одно и то же). Таким образом они готовились к третьему дню, дню Прекрасного Рождения, когда от грусти ожидания можно перейти к веселью. В этот день женщины сквернословили, приносили в жертву свиней, пировали. Все это делалось ради величайшего блага в живом мире: плодovitости людей и плодородия полей.

Сменим декорации. Итак, жена покидает свой «дом» (бросая его на произвол судьбы) и уходит довольно далеко от мужчин в частности и людей вообще; она долго идет и к ночи оказывается на горе. И там преобразается до неузнаваемости! Босоногая, с распущенными волосами, в длинной тунике, перепоясанной веревкой из грубой шерсти, со шкурой олененка или козленка на плечах, с тирсом в руке — длинным жезлом, сделанным из ствола большого зонтичного растения, украшенного рубинами и сосновой шишкой, — таков внешний вид

последовательницы Диониса, чаще всего называемой вакханкой или менадой. Она может также носить ритуальные инструменты — тимпаны или факел. Таков костюм самого Диониса. И он же является одеждой вакханок. Как это понимать? Очень просто — бог андрогин — к, участвующих в дионисовом ритуале — ритуале оргиастическом, то они должны быть стопроцентными женщинами. В экстатическом культе Диониса женское, не будучи исключительным, явно доминирует.

Надеть дионисов костюм — значит сделать важный шаг в направлении того, что является *крещендо* всего существования последователя: обладание. Жены, вчера еще заточенные в «домах», погружаются в суровый, дикий мир, где проходят оргии Диониса, делающие их «безумными» (таков смысл слова «менады»). Вот почему наряд менады является одеждой Диониса, а процесс имитации, то есть идентификации с богом, является одной из движущих сил этого культа. Первый акт потери власти над самим собой — это в прямом смысле впадение в экстаз (*ekstasis*, «замещение», «распутство», помутнение разума). Вакхическое общество постепенно доводит себя до транса и восторга — *entheos*. Это «имение бога в себе», это «одержимость» или «вдохновение». В экстазе менада освобождает в себе место для Диониса. Но происходит это совсем не просто. Ведь она устала: она долго шла, взбиралась на гору, чтобы оказаться у бога. Кстати, вершина Парнаса, например, находится на высоте двух с половиной тысяч метров! В таком состоянии женщина находится к началу ночного празднества, прелюдией которого является экстатический танец. Он длится довольно долго, прежде чем она добьется разрыва с реальностью. Все здесь странно: и музыка, и ритм, и крики «эвоз!». Каждая женщина достигает экстаза по-разному: счастлива та, что достигает его быстро и впадает в неистовство. Античная поговорка гласит, что было много тирсов — много последователей и последовательниц Диониса — и мало тех, кто достиг экстаза.

«Во множестве греческих городов каждые два года проводятся женские *baccheia*, и существует правило, что *parthenoi* несут тирс и участвуют в шествиях одержимости, крича “эвоз” и славя бога; что касается женщин (замужних), те становятся вакханками и пением славят приход Диониса, изображая менад, сопровождавших бога» (Диодор).

Учтем здесь миметический аспект поведения тех, кто становится менадами, изображая менад мифологических, сопровождающих прибытие бога, и контраст между поведением взрослых женщин, становящихся настоящими вакханками, и девушек, довольствующихся несением тирса и ритуальными криками. Наблюдение за ритуалами, подобными вуду, проясняет картину: сначала надо пройти обучение у тех, кто уже умеет впадать в экстаз, прежде чем пытаться достигнуть его самой.

А как проводит время супруга, мать, хозяйка дома? Женщинам нравятся празднества в честь Диониса, но более всего им нравится впадать в экстаз и обрести бога в себе. Мы и так по крупицам собираем информацию о женщинах из того, что говорят о них мужчины, что же касается наслаждения и подлинности самой менады, здесь счет идет на песчинки. Вспомним Лисистрату в пьесе Аристофана. Она корит за опоздание своих подруг, которых позвала, чтобы устроить любовную забастовку, призванную спасти мир: «Когда б на *baccheion** позвали их, / На праздник Пана иль к богине рожениц, / Так от тимпанов здесь проходу б не было»**. Понятно, на что намекает Аристофан, когда ассоциирует вакхический культ с тем, что Жанмер называет «двусмысленной набожностью». Он приравнивает один к другому культы, которые необходимо скрывать, но женское безудержное *либидо* является комической пружиной успеха... Однако не следует отрицать, что сходство есть. Мысль о наслаждении ассоциируется с менадизмом. Безумны те, кто ставят добродетель столь

---

* Это совокупность экстатического культа Диониса. (Прим. авт.)

** «Лисистрата». Пер. А. Пиотровского. (Прим. ред.)

высоко, что во имя «дома» стоически отказываются «вступать в ряды менад» вместе с подругами.

«У Миния, жителя Орхомены, были дочери Левкиппа, Арсиппа и Алкатоя, *излишне трудолюбивые*. Их осыпали упреками другие женщины, оставлявшие город, чтобы стать вакханками в горах...»

Конечно, миф упрощает суть. Тем не менее существуют две стороны. Сторона Афины: все обращено к дому, целомудрию, воздержанию, труду; и сторона Диониса и Афродиты: любовь, танец, музыка и пространство за стенами города. Подобный бой выдержала Никарета, которая, достаточно «послужив прялке Афины», решила бросить в огонь перед храмом Киприды свою корзину, веретена и прочие рабочие инструменты и стать куртизанкой:

Я, Никарета, пред Афродитою жгу свою прялку,
Юность свою не желая больше в работе губить.
Стану отныне, увив голову цветом медвяным,
На пирах веселиться и на арфе играть.

Обе эти позиции довольно опасны. С одной стороны, в безумстве носиться по холмам, по горам, потерять ощущение реального и даже нереального, человеческого и божественного, забыть о собственном положении — сексуальном, социальном, религиозном, — мужчины вряд ли стали бы терпеть это, если бы не понимали ритуального характера этих действий. Можно себе представить, в каком состоянии возвращалась домой мать семейства после этих безумных ночей на холме, но она возвращалась и опять погружалась в рутину домашних забот. С другой стороны, отказываться ради этих домашних забот от вакхических ритуалов — как это сделали дочери царя Миния, — значит не признать власть такого бога, как Дионис, и вызвать его гнев. Чтобы понять, чем рискуют такие женщины, дочитаем до конца.

«... до того дня, когда Дионис под видом юной девы призвал их не пропускать его ритуалы и мистерии. Но они не придали этому значения. Рассерженный подобным поведением, Дионис превратил нити

пряжи в виноградные лозы, ткацкие станки обвил плющ, а во всех покоях появились львы, пантеры, рыси и медведи.

В ужасе дочери царя пытались спрятаться, но все напрасно; тогда Левкиппа дала обет принести богу жертву и с помощью сестер убила собственного сына Гипасса».

Дионис демонстрирует свою власть, делает *безумными* строптивых девиц, тех, кто ему сопротивляется. Если мы хотим понять, чем является это неслыханное, групповое убийство, следует смотреть на это с точки зрения менад. Нам известно, как они убили сына Левкиппы: разорвали его голыми руками. По другой версии, они «разорвали его, словно он был зверенышем». Затем они убежали из дома, «стали в горах вакханками, увившись плющом, ипомеей и лавром». Во время приступа безумия женщина теряет грань между собой и богом, между собой и миром. Не очень понятно, каким образом экстатический танец трансформировался в бег или преследование. Именно в этом заключается феминизированная, а следовательно, дикая реминисценция обычного поведения при жертвоприношении — мужского и цивилизованного. Вакханки преследуют молодое животное, олененка или козленка (специально выпущенного каким-нибудь аколитом) — мы называем эту охоту «охотой Афродиты». Животное окружают, ловят и, взяв за ноги, раздирают на части. Это — ритуал вакхического жертвоприношения. Именно так Левкиппа убила своего сына! Вот что случается с теми, кого Дионис карает безумием. Едва стихнут крики разрываемой на части жертвы, как вакханки набрасываются на ее останки. Это поедание почти живой плоти имеет огромное значение. Говорят, фракийские вакханки заканчивали ритуал тем, что набрасывались друг на друга.

В охоте (которая в обычном ритуале соответствует процессии), в убийстве, в поедании свежатины мы вновь видим дикое, жестокое, «каннибалистское», нецивилизованное, то есть «феминистическое» соответствие мужскому, культурному жертвоприноше-

нию. Можно опять же обратиться к Деметре. Мужчины не приносят в жертву свиней, бросая их в ямы. Если они убивают этих животных, то для того, чтобы зажарить их и съесть. Женские «жертвоприношения» и «обычные» мужские жертвоприношения являются антиподами. Если в «обычном» жертвоприношении главные действующие лица находятся на расстоянии друг от друга: мужчина отделен от животного и бога, животное от бога, а бог от земли, — то культ Диониса смешивает все в кучу. Олененок или козленок — это и есть сам Дионис. С момента подъема на холм упраздняются все дистанции, смешивается естественное и сверхъестественное, все, кто пришел сюда забыться, соединяются.

Наконец женщины выходят из транса, спускаются с небес на землю, возвращаются в свои «дома». Им остаются лишь воспоминания о дионисовых ритуалах. Еврипид описывает это в поэме «Вакханки»:

О, как мне любо в полянах,
Когда я в неистовом беге,
От легкой дружины отставши,
В истоме на землю паду,
Священной небридой одетая,
Стремясь ко фригийским* горам,
Я хищника жаждала снеди:
За свежей козлиною кровью
Гонялась по склону холма.
Но, чу! Прозвучало: «О Вакх, эвоэ!»
Млеко струится земля, и вином, и нектаром пчелиным,
Смол благовонных дымом курится.
Прянет тогда Дионис...

«Вакханки». Пер. И. Анненского.

Фиванский царь Пентей, женоненавистник и противник Диониса и его культа, послал в горы пастухов шпионить за вакханками. Один из них рассказывал:

«Твоя мать, стоя среди вакханок, дала ритуальный сигнал, крик пробуждения... Покачиваясь в глубоком сне, они стояли — молодые и старые, и девственницы, не ведающие супружеского гнета. Сперва они

---

* Область Малой Азии, откуда, как считали греки, происходил Дионис. (Прим. авт.)

распустили по плечам волосы; затем натянули шкуру оленя, опоясывая эти пятнистые одежды змеями, лижущими их в щеку; а другие схватили маленьких оленят или волчат, к их жестоким питомцам стремились их разбухшие молоком от предвкушения нового материнства груди — то были юные матери, бросившие своих детей. Все они обвили свои лбы венками из плюща или листьев дуба, или цветами сассапарилля [колючий кустарник]. При ударе тирса о скалу оттуда забил поток свежей, прозрачной, сверкающей воды; из врытого в землю нартекса бог извлек фонтан вина. Те, что испытывали жажду к белому напитку, царапая пальцами землю, упивались молоком. Из обвитого плющом тирса сочился сладостный мед...

В назначенный час женщины начали размахивать тирсами, призывая к вакханалии. Они призывали Вакха, сына Зевса. Вся гора участвовала в их экстазе и дикостях; ничто не осталось равнодушным к их порыву».

Но вакханки обнаружили пастухов-шпионов:

«По крайней мере, мы смогли убежать от собиравшихся разорвать нас вакханок. Но они набросились на наши пасшиеся на лугу стада. Если бы видели вы ревущую дойную корову, схваченную одной из них голыми руками; другие рвали в клочья телок; если бы видели вы повсюду разбросанные куски и раздвоенные копыта и истекающих кровью козлят, подвешенных к деревьям. Вот бегут разъяренные быки, а, спустя миг, они уже распростерты, повалены на землю, и тысячи женских рук разрывают их и разбрасывают куски плоти...

И подобно летящей птице, ложающейся на крыло, они устремились на равнины... подобно ордам варваров... они опустошали все вокруг, унося детей. Ничто из того, что они, не привязывая, взваливали себе на плечи, не падало на черную землю; ни бронза, ни железо. Даже огонь в их спутанных волосах нисколько им не вредил. Люди, ожесточенные этим грабежом, схватились за оружие и побежали за вакханками. О государь! Тогда случилось ужасное чудо!

Железо дротиков ничуть не ранило их плоть; а они, всего лишь пользуясь своими тирсами, наносили своим врагам ужасные раны. Эти женщины обратили мужчин в бегство — вот доказательство, что им помогал бог! Затем мы увидели, как они возвращаются на то место, откуда начали свой бег, к источникам, созданным для них богом; они омыли свои окровавленные руки, их змеи слизали кровавые полосы с их щек.

Это божество, кем бы оно ни было, мой господин, привечается в этом городе. Конечно, оно велико, и говорят, что именно оно, как я узнал, дает смертным вино, утоляющее их горести».

Понятно, что театральные вакханки далеки от настоящих. Но пьеса Еврипида вряд ли была бы интересна, если бы зрители не узнавали в ней дикий культ Диониса и менад. Суть всего этого довольно проста: та, кто «противится зову бога», утратит волю и станет действительно безумной. «Жизнь коротка», и «я выбираю то, что несет с собой мрачное безумие», говорит тот, кто отдается воле Диониса. Экстатический дионисизм исторически направлен на обездоленных женщин, ведь он позволяет забыть о своем отчаянном положении. Вакханками могут быть и рабыни, и чужестранки. Кроме земной радости — радости «единения в природе и простоте сердца», Дионис предлагает и легкую, приятную смерть, и даже блаженство в другом мире.

Это «борьба полов»?

Есть мнение, что менадизм — исключительно женское явление. В таком случае естественно интерпретировать эти ритуалы как то, что я называю «теорией клапана». Вакхические празднества — это компенсация, которую мужчины вынуждены предоставлять женщинам за замкнутую жизнь в «доме». Мол: «Идите, потанцуйте вдоволь и возвращайтесь успокоенными, чтобы хватило до следующего раза». Экстаз — это периодическое выпускание пара через клапан. Ритуалы на холме — это отражения подав-

ленных желаний. В таком случае культ Диониса является в социальном плане проявлением мужского «великодушия» к ущемлениям женщин. Эту «теорию клапана» можно рассматривать и гораздо шире. Вспомните, до замужества женщина-девственница, хотя и является лишь орудием «мужской» религии, играет очень важную роль. Вступив в брак, женщина, вероятно, испытывает ощущение «поражения в правах». А вот культы Деметры и Диониса дают ей возможность опять играть главные роли.

Но хотя очистительный аспект этих танцев и является вполне понятным, по крайней мере не вызывает сомнений, что женщины таким образом избавлялись от неврозов, порожденных трудной долей, это не проясняет *смысла их существования*. В самом деле, не совсем понятно, как здесь учитывается мужское господство, почему это иерархическое, деспотичное общество, заставляющее сгибаться женщин под своим ярмом, добровольно соглашалось на такой разрушительный культ. Чтобы найти ответ на этот вопрос, следует понять, что в конечном счете именно мужчины должны получать выгоду от такого женского ритуала, как они получают выгоду от ритуальных действий жен и матерей на праздниках в честь Деметры, дающей здоровых детей и обильные урожаи. Поскольку вряд ли они заботились о больных нервах своих жен, надо искать другие причины. Попробуем пересмотреть связи между участниками ритуальных игр. Три партнера: мужчина, просящий покровительства; божество, такое, каким его представляет и описывает человек в зависимости от концепции божества; и тот, кто наилучшим образом может передать божеству просьбу. Сперва божество. Зачем надо было придумывать для Диониса другие ритуалы, отличные от тех, что используются в общении с другими богами? Как и другие боги, он щедр: он дарит молодость, опьянение, точнее, виноград, вино, наслаждение, развлечение. Следовательно, есть тысяча поводов его умиловать. Но это также один из самых жестоких богов: он насылает безумство. На празднике безумства считают *манией* Диони-

са. Когда Геракл в припадке безумия убивает собственных детей, зритель понимает, что речь не идет о *ритуальном* безумстве менад, причины сумасшествия героя в другом. Тем не менее в действиях Геракла ясно прослеживается вакхическое поведение. Однако тот же бог, наказывающий безумием, является и психотерапевтом. Привычная двойственность греческих богов: Аполлон насыляет болезнь и исцеляет, Артемида насыляет бедствия и учреждает успокаивающие ритуалы. Ради добра ли, или упреждая зло, но человеческие сообщества не должны забывать Диониса и его торжественные ритуалы. Известно, чем это закончилось для дочерей Миния...

Итак, остается вопрос голоса, языка и его модуляции, то есть вопрос «каким образом». Каким образом лучше умилоствитить этого жестокого и веселого бога, к какому голосу он наиболее чувствителен? К голосу женщины. Язык, используемый ими для общения с богом, не очень отличается от того, что используют мужчины. Их ритуалы включают пение, молитвы, танцы, жертвоприношения (странные и жестокие!), ритуальное поедание мяса. В культуре Деметры, например, женщины копируют его «институты» с мужских, они группируются по политическим округам, объединяются, избирают «президентов» и рассуждают о гражданстве. Говорят, что они подражают мужчинам, но разве существуют другие способы социальной и политической жизни, когда живешь в городе? Считая греческую женщину существом худшим-чем-мужчина, следует помнить, что, хотя женский голос лучше доходит до божества, отличие его не в языке — разновидности варварского, недоступного мужчинам, — а в модуляциях. Они менее совершенны, чем модуляции мужского голоса, но имеют цвет, аромат, специфический тон, который слышит данный бог.

Что же касается жриц, то это одна видимость. Изучая и учитывая все, что известно о сценарии ритуалов, становится понятно, что жрица — единственная женщина в мужском мире. Ее присутствие не содержит в себе ничего, что предполагало бы существова-

ние некоего «женского» ритуала. Происходит как раз обратное. Как бы мужчины ни объясняли присутствие женщины, *подобной* женщины, как главный элемент ритуала, она лишь орудие, которое служит мужчинам в социальном и политическом плане, оно помогает сохранить мужское господство.

Религия представляет собой одновременно и разоблачителя роли греческой женщины. Женщины служат средством доступа к божеству, что видно из ритуалов в честь Деметры и ее дочери и Диониса, но средство это весьма специфично. Это жестокий, дикий и экстатический язык, непристойный и сексуализированный; девственница еще не имеет подобного опыта, речь идет только о взрослой женщине, супруге и матери. Для греков это единственная форма женского.

Интермеццо: у истоков греческого женоненавистничества

Женоненавистничество проступает во всей древнегреческой истории, оно представляет собой непрерывный задний план, даже если мимоходом на время окрашивается в новые цвета.

Мы рассмотрим эту тему на примере особенного документа: произведение Семонида Аморгосского* является первым текстом западной литературы, где женщина описана далеко не самым ядовитым языком. Все понятно с первых же слов: «Различно женщин нрав сложил вначале Зевс / Но душу в них он вкладывать не стал»**. С точки зрения онтологии женщины являются существами низшими; это для нас самое существенное: из определения женщины как существа *бездушного* следует, что она выпадает

---

* Поэма, переписанная одним собирателем документов V века до н. э. Жаном Стобе в его главе «На свадьбе», параграф «Порицание женщин» (IV, 22). О самом Семониде, жившем, очевидно, в середине VII века, мы не знаем почти ничего. (*Прим. авт.*)

** М. Треде объяснил, что здесь заложен программный смысл: сначала женщина представлялась как частный дух. (*Прим. авт.*)

из человеческого рода. С точки зрения метафизической можно было бы на этом остановиться... если бы греческий мужчина заботился только о человеческом. Но он интересовался всем, что его окружало: домашними животными, например, и с этой точки зрения он интересовался женщинами, жившими подобно животным рядом с ним. Поэтому изучение женщин было подобно изучению систематической зоологии. Это наука быть женщиной, о чем свидетельствует в посвященной ей поэме Семонид; в зависимости от недостатков каждая «раса» или, вернее, каждый вид женщин воплощается в виде зверя-герба. В манере баснописца Эзопа Семонид выводит на сцену животных, чтобы проиллюстрировать характер этого нечеловеческого и отвратительного существа, каковым является женщина.

Бестиарий для демонстрации женских пороков

Мы начинаем с группы дурнопахнущих женщин. Этот женский порок выражается в трех видах животных. Пример свиньи является наиболее оскорбительным, поскольку никогда не мыться — на самом деле чуть ли не самый большой человеческий порок. «Гривастая кобылица» также принадлежит к этому отродью; это странно, поскольку она тщательно следит за своей внешностью, но зато ей «труд велик из дому выместь сор!»*. И, наконец, несчастная женщина-ласка, живущая в жутком зловонии.

Леность сравнивается с поведением упрямой ослицы, которая «под брань, из-под кнута, с большим трудом она / Берется за дела — кой-как исполнить долг», а также поведением аристократической «гривастой кобылицы», предпочитающей заставлять работать других. *Глупость* — еще одно женское качество. Это случай женщины-земли, такой глупой, что она от холода «дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень» (настоящий рекорд!)... И женщины-моря, на

---

* Семонид Аморгосский. О женщинах. 6, 7 / Пер. Я. Голосовкера. (Прим. ред.)

которую «мочи нет, противно и взглянуть. Приблизиться нельзя: беснуется она, не зная удержу», и женщины-обезьяны, не осознающие свои изъяны, в числе которых уродливая внешность. Дальше следует *злоба*, воплощенная в женщине-свинье, женщине-собаке и женщине-море, — «ко всем неласкова, ни сердца, ни души», а также женщине-обезьяне, которая «занята одной лишь думой день-деньской: /Какую пакость бы похуже учинить». Муж, мечтающий лишь о мире, теряется перед лицом такого агрессивного существа, которое «добра не сделает, пожалуй, никому». *Жадность* — черта, присущая женщине-свинье и женщине-ослице, которые, даже побитые, едят «и ночью... и днем, не свят им и очаг», иными словами, как на женской половине дома, так и на той, что открыта для гостей! Но чемпионом среди них является женщина-ласка, «у этой ни красы, ни прелести следа, / Ни обаяния — ничем не привлечет», которую ее ненасытность может довести до поедания сырого мяса! Поедание свежатины является признаком женщины: на такое способны только животные!

Невоздержанность в «трудах Афродиты» является наиболее отличительной чертой женщин. Женщина-пчела — единственный вид, заслуживающий внимания, «и не охотница сидеть в кругу подруг, /За непристойными беседами следя». Ужасы, которые женщины рассказывают друг другу, порождают новых отъявленных нимфоманок! Сюда входит и ослица, у которой «для дел любовных.../ Приятелю-дружку любому вход открыт», и ласка, чья похотливость доводит партнера до болезни. Что касается «гривастой кобылицы», она превосходно играет своим телом, раскидывая сети, в которые попадает и остается там узником муж (подобно Пандоре Гесиода). Кроме того, многочисленные животные поэмы — свинья, собака, кобылица — упомянуты у греков в связи с необузданной сексуальностью.

Непостоянство представлено женщиной-лисицей и женщиной-морем. Чего ждать от существа, неспособного отличить добро от зла (женщина-ли-

сица; женщина-земля) и, следовательно, *неспособной на добродетель*, чего ждать от *воровки* (женщина-ослица), от *вечно неудовлетворенной*, вечно смотрящей на сторону, «ей бы все разведать, разузнать, / Повсюду нос сует, снует по всем углам», подобно женщине-собаке, *любопытной, завистливой?* Этот обращенный к внешнему миру характер в сочетании с *леностью* (второе связано с первым) и с *обжорством* объясняет, почему тот, «кто с женщиной судьбу свою соединил, / И голод вытолкнет не скоро за порог; / А голод — лютый враг, сожитель — демон злой». И если бы еще муж страдал молча, если бы никто об этом не знал! Но это невозможно. Его несчастье становится достоянием гласности, а с ним и та, что явилась его причиной. Даже если он «молчит», его соседи узнают об этом и «злорадствуют над тем, как слеп он и как прост», и вот он уже становится объектом всеобщих насмешек... К тому же как, имея в доме подобное животное, может он исполнить священный долг гостеприимства, ведь «у кого жена, тому не к дому гость»? А кому захочется находиться в компании женщины-собаки в гостях, ведь «она и у чужих, в гостях, свое несет: / Попробуй одолеть ее крикливый нрав». Лучше всего резюмирует все вышесказанное заключение Семонида: «Ведь это зло из зол зиждитель Зевс создал».

Однако есть все же один приемлемый вид женщины — пчела, единственная, достойная похвалы. «Такая — счастья дар... / Растет и множится достаток от нее; / В любви супружеской идет к закату дней, / Потомство славное и сильное родив. / Среди прочих жен она прекрасней, выше всех... / Вот лучшая из жен, которых даровал / Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет». Какая радость обладать подобным «домом», столь похожим на улей! Целая армия работниц во главе с царицей! Благодаря ее заботам, ее умелому руководству имуществом (и благодаря отсутствию у нее аппетита) она способствует процветанию «дома» своего мужа. К тому же есть *charis*, божественный дар, привлекающий внимание и делающий ее

приятной взгляду. Тысячелетие спустя Плутарх изыщно прошелся по поводу его власти:

«Союз мужчины и женщины... может привести лишь к любви благодаря “доброжелательности” (*charis*), сопровождающей его. “Доброжелательность” [...] — это слово, служившее нашим предкам для описания согласия женщины на любовное желание мужчины; это божественное и священное чувство, предшествующее полному союзу. Так Пиндар говорит, что Гера зачала Гефеста “без любви и доброжелательности”» («Беседа о любви»).

Если существует царица пчел, наделенная *charis*, любящая своего «царя» и дарующая ему прекрасных детей, значит, жить с женщинами все-таки можно. Но битва проиграна заранее, несмотря на всю ценность пчелы и того, что она постоянно *дает*: детей (которые станут заботиться о муже), труд (приносящий богатства, умножающий состояние) и заботу (когда он состарится, она будет о нем заботиться), — пчела тем не менее остается женщиной и, как другие виды, по своей природе лишена интеллекта и души.

Таким образом, в основе посвященной женщинам поэзии лежат надуманные идеи. Эти же идеи мы вновь обнаруживаем у другого поэта, Гесиода. Гесиод рассказывает о происхождении мира и богов, о создании греческой Евы и о создании гор и рек. Но если Семонид посмеивается над бедолагами-мужьями, то у знаменитого поэта тон совершенно иной: собрат по женоненавистничеству, он более серьезен, более наставителен.

Гесиод и его Пандора, греческая Ева

У Гесиода* Пандора воплощает в себе «женский род», поскольку именно от нее «женщин губительный род... на земле происходит». Важная деталь: от Пандоры родились женщины. Ясно, что подобно то-

---

* Миф о рождении Пандоры неожиданным образом упоминается в «Теогонии» (570—612), а также в «Трудах и днях» (53—105). (Прим. авт.)

му как Адам не родился от женщины, так и греческие мужчины не происходят от своей Евы-прародительницы; от нее произошли только женщины. Для нас, читавших Семонида, в этом нет ничего удивительного: разве не создал бог сперва «дух, не рассчитывая на женщин», и лишь потом другой вид, отличный от мужского.

Итак, Пандора — женщина и только женщина. Сперва о ее происхождении: Зевс воспользовался ею как приманкой, задумав отомстить Прометею и всему роду человеческому. Он решил послать людям зло. Не какое-то абстрактное зло, а «зло прекрасное», зло соблазнительное. По его просьбе боги немало потрудились, чтобы его создать. Гефест вылепил из глины «подобие девы стыдливой» (женщина-земля Семонида); Афина украсила ее и обучила *немедленно* ткачеству (едва родившись, она уже в совершенстве владеет челноком — и это составляет часть ее соблазнительной силы! Женщины не прекращали работать день и ночь, летом и зимой). Афродита же наделила ее *харизмой*, делающей столь привлекательной царицу пчел Семонида, «мучащей страстью, грызущей члены заботой»; а за этим следуют гирлянды из весенних цветов и золотые украшения. Новобрачная... Для *красоты*, но ради *зла* — вот что означает дар Гермеса. Он дает ей имя, ее будут звать Пандора; он также вкладывает в нее «разум собачий... льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу». Вот, собственно, то, что заставляет играть Пандору в плане Зевса «приманку искусную, гибель для смертных». Тогда наивно посвященный в божественные планы брат Прометея Эпиметей согласился жениться на *красоте* — очевидной — «и тогда лишь, как зло получил, догадался». После того как Пандора открыла крышку сундука, и осталась там только надежда,

Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду,
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.

[...]

Замыслов Зевса, как видишь, избегнуть никак невозможно.

Гесиод «Труды и дни». Пер. О. Цыбенко.

Женщина-ловушка

Первоначальная женщина была *пустой*, и в этой пустоте заключалась ловушка. Ее соблазнительность бросается в глаза. Афродита и сопровождающие ее божества: Хариты и Оры, рассыпающие цветы и кокетливые улыбки, все ведут ее к апогею *харизмы*. Подобно телу «гривастой кобылицы», это желанное тело является западней, куда попадает муж. Прекрасно. Хотя из-за разделяющей нас культурной дистанции мы не очень хорошо понимаем, почему отсутствие умения ткать могло лишить первую женщину части соблазнительности. Вероятно, ткань уподобляется символическим и магическим сетям, расставляемым женщиной для мужчины. Или во взглядах архаичных поэтов на женщину отражена «экономическая» часть брака (чего она стоит, что она приносит), поскольку, имея в супругах посредственную ткачиху, вы обречены носить плохую одежду...

Чтобы рассказать о западне Пандоры, Гесиод также использует в качестве метафоры улья, но теперь роли меняются. Женщина идентифицируется с трутнем, который, забившись на дно улья-дома, «пожинает чужие труды» (ср. с «жиреющей» женщиной-собакой), то есть труды пчел. А кто же пчелы? Те, кто «с утра и до ночи, покуда не скроется солнце, / Изо дня в день суетятся и белые соты выводят», то есть мужчины. Пока пчелы кружат вокруг улья и трудятся, женский род*, олицетворяемый паразитами-трутнями, «пожинает чужие плоды в ненасытный желудок!» И этот паразит женского рода с самого рождения не способен обуздать свой аппетит, чтобы иметь возможность приспособиться к «бедности горькой». А ведь эта добродетель пронизывает греческую мораль, начиная с Биаса, одного из семи мифических мудрецов, который считал, что «несчастен тот, кто не вы-

---

* Это, очевидно, кажется странным тем, кто хоть немного знает биологию: поскольку речь идет о царице, мы считаем ее самкой, тогда как трутни скорее самцы; только очень замкнутое положение царицы пчел превосходно подходит к гесиодовой метафоре. Об улье говорил также Аристотель. (Прим. авт.)

носит несчастья», до классической эпохи, где уважали супругу, «переносящую бедность». Супруги же Гесиода — «спутницы только в богатстве».

Западня наиболее эффективно действует именно изнутри. Заняв свое место, женщина «съедает дом», в котором она устроилась. Этому образу женщины-трутня, находящемуся всегда во главе стола (ср. с женщинами свиньей, ослицей и землей), Гесиод выносит приговор: «Нам на великое горе они меж мужей обитают». Из-за ненасытного женского аппетита мужчина ощущает, как разрушается его плоть. Жить с женщиной — значит впускать к себе голод и рисковать своим здоровьем. К тому же женщина использует аргументы, против которых он не в силах бороться: слишком много разума теряет мужчина в присутствии «разряженного крупа» какой-нибудь женщины (женщина-кобылица, Пандора), к тому же она столь ненасытна в любви, что и «такой силач, как он, засохнет на корню». В античной Греции зачастую есть и совокупляться — одно и то же. Живя вместе с женщиной-ртом или женщиной-влагалищем, мужчина сперва теряет покой, а потом голову. Зевс, посылая людям *прекрасное* зло, полностью меняет природу наказания, делая его не временным, а постоянным: постоянный соблазн, исходящий от женщины, гарантирует Зевсу постоянное действие ловушки. Мужчина начинает любить то, что стоит ему столько несчастий.

Мужчина может избежать «женских вредительных дел» и выбраться из вечной ловушки, если своим уделом выберет одиночество. Но это уже другая история. Разумеется, тот, кто не берет в «дом» женщину, не испытывает недостатка. В позднейших женоненавистнических рассуждениях появляется назойливое повторение; отец твердит: дочь означает траты на еду; муж твердит: жена означает траты на еду... Без дочери, без жены — вот каким образом мужчина лучше питается и богатеет. Но речь идет не только о хлебе насущном, мужчина озабочен тем, что станет с его добром. Ведь как только он умирает, «то получит наследство какой-нибудь родственник дальний». А это

означает обрушение всех основ, на которых покоится «дом». Самоубийственная перспектива для потомства (с последующими заботами: кто позаботится о месте погребения?). Размышляя о женитьбе, он отдает себе отчет, как мало у него шансов выиграть в «свадебной лотерее» пчелу, но даже если ему повезет, он понимает, что всю его жизнь зло будет «с добром состязаться без передышки». В противном случае (более частом) «в груди его душу и сердце / Тяжкая скорбь наполняет. И нет от беды избавленья!». Мораль, провозглашенная позднее Цезарионом:

«Сограждане [...] женщины — это зло; и однако, друзья мои [...] жить без этого зла невозможно: ибо что жениться, что не жениться — это всегда зло».

От Пандоры Гесиода до женщин-животных Семонида всего лишь один маленький шаг. Они представляют общее восприятие, общественное и «местное», женского рода. С женщинами все понятно: достаточно одного нежного взгляда, чтобы мужчины сочли ее порочной, как у Карцина, трагического поэта:

О Зевс! К чему твердить о женском зле?
Достаточно сказать: «Вот женщина».

Но об этом мужчины говорят только между собой. Присутствие женщин — особенно жен — обязывает к некоторой осторожности, и только глупец, «на брачный пир явившись, поносит там весь женский род»*.

Греческое женоненавистничество имеет будущее

Даже если Семонид позаимствовал идею у своего предшественника, эпизод с Пандорой не означает, что Семонид был всего лишь читателем Гесиода, что его каталог не вызвал никакого отклика у мужчин. Поэт того времени приспособивался к своей аудитории, и даже если это делал только ради забавы, положительная оценка слушателей давала понять, о чем они думают. Сущность его успеха (а он доказан,

---

* Женщины (жены) обычно не присутствовали на застольях, однако принимали участие в брачных пирах. (Прим. авт.)

поскольку это произведение дошло до нас) проистекает из этих зоологических масок, за которыми таится мужской сарказм. Близость древних к животным, повседневная жизнь рядом с ними, а также общеизвестные культурные образы укрепляют и возрождают животную метафору и объясняют ее долговечность.

Обратив наши взоры в последующие века, мы постоянно обнаруживаем отзвуки тех же насмешек. Так в VI веке до н. э. Фокилид вторит Семониду:

Так говорит Фокилид: от четверки зверей происходят Женщины все. Так, одна — от пчелы, от собаки — другая.
Та — от свирепой свиньи, та — от лошади с пышной гривой.
Эта легка и быстра, непоседлива, видом пригожа,
Та, что от злобной свиньи, ни худой, ни благой не бывает.
Та, что от псицы, дика, неуживчива, та ж, что от пчелки,
И к домоводству склонна, и ко всякой работе пригодна.
С женщиной этой ищи, милый друг, возделенного брака!

2 (2) Пер. Г. Церетели.

Такова и вся женоненавистническая традиция V века до н. э. в Афинах, отраженная как в трагедиях Еврипида, так и в комедиях Аристофана. Говоря о первой, как не вспомнить об Ипполите, который вопреки женщинам и богам отказывается от любви одновременно со зрелостью.

О Зевс, зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливаться?
Иль для того, чтоб род людской продолжить,
Ты обойтись без женщины не мог?

«Ипполит». Пер. И. Анненского.

Аристофан заслуживает здесь несколько большего внимания. Он является представителем общественного, если хотите, традиционного женоненавистничества. («Зверя нет сильнее женщин ни на море, ни в лесу. / И огонь не так ужасен, и не так бесстыдна рысь»^{*}.) Это реакционер в полном смысле этого слова: в прошлом он даже отстаивал свое право на причуды. Красивые и добрые принадлежат к золотому

---

^{*} Аристофан. Лисистрата / Пер. А. Пиотровского. (Прим. ред.)

веку. Это век мира, кутежей и чувственности. Нам стоит тем более внимательно отнестись к его рассуждениям, поскольку он объединяет две темы, и когда заставляет звучать женские голоса, кажется, что женщины согласны с мужским «традиционным» взглядом на самих себя:

А жены носят платье, как в былые дни,
Они готовят сидя, как в былые дни,
И праздники справляют, как в былые дни,
Коврижки запекают, как в былые дни,
Мужей своих изводят, как в былые дни,
Любовников заводят, как в былые дни,
Сластишки закупают, как в былые дни,
Винишком запивают, как в былые дни.

«Женщины в народном собрании».
Пер. А. Пиотровского.

Женщина — пожирательница мужчины и пожирательница богатств надолго заняла место в воображении мужчин.

[Зевс] Как увидал у людей свой огонь, издалека заметный,
Чтоб отплатить за него, изобрел для людей он несчастье:
[...] Женщин губительный род...
[...]
Если же в браке кому и счастливый достанется жребий,
Если жена попадется ему сообразно желаньям,
Все ж начинает немедленно зло с добром состязаться
Без передышки.

Гесиод «Теогония»

Пора прервать этот перечень пороков и недостатков, свидетельствующих о неизменном отношении к женскому полу, питающему поток ужасных образов, которые, по существу, делятся на три части. Сперва *невоздержанность*. Это те, кто не может обуздать себя, те, кто «чересчур предается наслаждениям ласк и чревоугодия», говорил Аристотель. Женщина является ненасытной утробой, жадной до пищи и секса, толстеющей за счет истощения других. Все вокруг нее приходит в упадок, а она жиреет. Далее: женщина неспособна на добродетель (что вы хотите, у нее же нет ума), то есть лишена решительности, постоянства, упорства, храбрости, любви к прекрасному; и это делает ее злой. Ей бы следовало

стесняться себя показывать (Перикл: слава женщин заключена в том, что мы не говорим о них), а мы то и дело слышим и видим их. И, наконец, то, о чем говорит Гесиод: страх от соприкосновения с нечистой — опасно «мыться в воде, в которой купалась женщина». Это страх религиозный. Греческое женоненавистничество и его последствия черпаются из фантазий, порожденных мужскими страхами перед зоологическими образами.

Пинок ослицы

«Мешок со жратвой!», «чудовище равнодушия», «неловкая», «нерадивая», мотовка, соня — «как это она не устала спать»... О ком это? О женщинах, конечно. Но кто говорит? Женщины, подруги, уверяющие, что они живут в согласии, и вечно жалующиеся на свою печальную участь, участь «быть под тем же игом» (!). Это не мужчины говорят о женщинах, это женщины говорят о женщинах-рабынях! Это портреты рабынь, описанные их хозяйками в одноактных пьесках III века до н. э. А шаблонные женоненавистнические упреки сами женщины бросают в адрес своих служанок. В той же глупости — «что ты на меня вылупилась?» — в той же лени, в том же обжорстве свободные женщины упрекают женщин-рабынь, постоянно угрожая им побоями. Правда, есть еще одна ступень, есть более непререкаемый авторитет, на который ссылается даже свободная женщина, — высший, муж...

ЖЕНЩИНЫ ГРЕЧЕСКИХ ЭПОПЕЙ

Несмотря на проблемы, встающие перед нами при упоминании слова «эпопеи», мы вряд ли можем обойти вниманием Гомера — этот первоисточник и главное свидетельство. Всего-то двадцать семь тысяч стихов. Однако, отправившись на поиски первых греческих женщин, мы найдем там нескольких героинь и множество молчаливых теней. Лишь несколько женских фигур оказались в центре внимания.

Говоря обо всех женщинах, аэды представляли их только в двух ипостасях: дочь* и супруга. В осажденной Трое беспокойство за судьбу мужчин толкает женщин к Скейским воротам:

Окрест героя [Гектора] бежали троянские жены (*alochoi*) и девы (*thygatres*),
Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,
Те о супругах...

(VI, 238—40). Пер. Н. Гнедича.

Поэт имеет здесь в виду весь женский пол, представлявший в Трое хоть какое-то значение** (доче-

* Известно, что французское слово «*fille*» одновременно означает и «девушка», и «дочь». В этом случае невозможно отделить «женский род» и родственную связь, тогда как в Англии и Германии (среди прочих) существуют *girls* и *daughters*, *Madchen* и *Tochter*. (Прим. авт.)

** Исключая, например, замужних женщин, «в работе искусных». (Прим. авт.)

рей, сестер, матерей, жен). Дочерей и жен, потому что брак разделяет женщин на две части. Греческие женщины, как мы неоднократно убедимся в этом, почти так же озабочены возрастом, как и сексом, и именно это меняет их отношение к мужчине. Но вне этого простого противопоставления между женщиной замужней и незамужней, если внимательно вслушаться в язык аэдов, можно обнаружить другие, незнакомые нам ипостаси женщин. Попробуем поймать их на словах — тех, что они используют, описывая дочерей, родственниц, девственниц, детей, юных жен, матерей, вдов... — всех женщин. Это не те слова, что употребляются в современном греческом языке. При переводе этих слов довольно трудно описать статус женщины в наших категориях. Но мы постараемся не отрываться от реальности и, чтобы добраться до сути, воспользуемся гидами — героинями «Илиады» и «Одиссеи», мы последуем за Брисеидой и Хрисеидой, потом за Навсикаей и, наконец, за Пенелопой.

*Женщины «Илиады»: Брисеида и Хрисеида**

«Илиада» начинается со ссоры. Мы следим за ее нарастанием и видим гнев Ахилла, вызванный очевидной, на его взгляд, несправедливостью царя Агамемнона. Ссора произошла из-за обладания женщинами: Брисеидой и Хрисеидой.

Вслушаемся в их имена...

Итак, есть два брата, жрецы Аполлона: Брис из Лирнесса в Троеде, городе, взятом и ограбленном Ахиллом, и Хрис из Хриса в Троеде, городе, захваченном Агамемноном. У каждого есть дочь. Одна, Гиппо-

---

* С удовольствием возвращаю долг, упоминая о замечательных поисках, приведших к гомеровским женщинам благодаря Sterenn Quemener («Oscillation de fille. Les Noms de la fille dans la littérature grecque», mémoire de maîtrise, Rennes, 1997), продолженных сегодня его сестрой Гвен. (Прим. авт.)

дамия, которую в «Илиаде» зовут Брисеидой, она была замужем за Минесом, убитым Ахиллом в Лирнесе Троадском; вторая, Астинома, которую в «Илиаде» зовут Хрисеидой, она замужем за Эпистрофом, убитым Ахиллом в Фивах. Дочери двух царей-жрецов-братьев, отданные в жены двум троадским царям и, следовательно, сменившие «дом», были захвачены и уведены двумя ахейскими царями-победителями в качестве военной добычи. Мы раскрываем «Илиаду», эта история, «дела минувших дней», разворачивается на наших глазах. Хрис требует от Агамемнона вернуть ему дочь (угрожая страшным бедствием, которое найдет на него Аполлон). Агамемнон отказывается. Тогда на греческое войско, расположившееся лагерем возле Трои, обрушивается мор (Хрис ведь предупредил)*. Этот мор вынуждает Агамемнона согласиться вернуть Хрисеиду; он согласен, но угрожает Ахиллу:

Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду,
Я возвращу [...]
[...] но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властию выше тебя...

(I, 183—87).

Это оскорбление и есть та искра, что разжигает гнев Ахилла и побуждает его оставить борьбу (войну с троянцами), в которой будет сильно недоставать его храбрости.

В этой истории женщины ценятся, как воинская награда. У них немало общего: одинаково положение, которое они занимали, их красота («прекрасноланистые»), место, где они жили (шатры, «кущи» ахейских вождей) и роль утечи вождя, которую они исполняли в минуты отдыха. Двоюродные сестры были столь похожие, что следующая после Гомера традиция разделила их, сделал Хрисеиду белокурой, тоненькой и невысокого роста, а Брисеиду статной, высокой, белокожей, черноволосой, со сверкающим взором.

---

* Тема бедствия, насланного оскорбленным божеством за человеческий грех, является довольно распространенной в греческих мифах. (Прим. авт.)

Как же сочинитель их называет? Эти девушки носили сперва обычные и банальные, «настоящие» греческие имена, имена, заключающие в себе смысл: первую звали Астинома, «Закон города», вторую Гипподамия, «Укрощенная кобылица». Но в «Илиаде» их имена, очевидно, меняются. Нам объясняют почему. Их ни разу не называют настоящими именами. Но мы знаем, что обычно имя женщины изменяется при вступлении в брак*. Эта странная утрата имени поможет нам лучше понять природу перехода дочери в ипостась жены (и наоборот). Эти новые имена датируются моментом, когда были убиты их мужья, когда их телами насильно овладели другие мужчины, до того, как гнев охватил Ахилла. Воины никогда не называют их Астиномой и Гипподамией, вдовами неких убитых мужей, но Брисеидой и Хрисеидой. Фонетически и семантически эти имена так похожи, что трудно усмотреть в этом лишь случайность.

Их имена связаны с местом их происхождения; мы видим прямую связь между Хрисой (городом, где Хрис является жрецом Аполлона), Хрисом и Хрисеидой, «Той, что из Хрисы»; что касается Брисеиды, ее имя можно понять, как «Та, что из Брисы», расположенной на острове Лесбос. Эти имена можно перевести как этнические**: брисанка, хрисанка. Очевидна и связь с отцами: Брисеида — производное от Бриса, это дочь Бриса; Хрисеида — дочь Хриса; Брисеида и Хрисеида звучат как существительные женского рода, образованные от имен их отцов. Вот ради кого звучат эти имена дочерей-жен, в них заложена идея о происхождении, принадлежности, владении; таким образом, одновременно обозначается женский род, потомство и происхождение. В конце концов, существует корень слова и

---

* Хотя в браке меняется только вторая часть имени, делая из дочери такого-то жену такого-то. (*Прим. авт.*)

** В греческой ономастике «этническим» называют существительное, служащее для обозначения места происхождения индивидуума и его племенной принадлежности: это может быть город, народ. (*Прим. авт.*)

его смысл. Хриса, Хрис, Хрисеида — это значит «золото»; Хрисеида значит «Золотая», что можно считать физическим качеством: Хрисеида блондинка, однако, как и в традиционном определении Афродиты — «многозлатная Афродита», определение это многозначно: с одной стороны, белокурые волосы, с другой — золото вместе с исполнением эротических обязанностей, к которым ее приобщили греки, а также идея богатства. Брис, Брисеида происходит от *britbo*, глагола, используемого для определения веса, того, что ценится за свой вес, а особенно того, что отягощено плодами, богатствами. Обе они сокровища.

В поисках определений: женские имена

Для идентификации Брисеиды и Хрисеиды рассказчик и воины пользуются не только их именами, они имеют в своем распоряжении неустойчивые категории греческого женского рода. Этот словарь достаточно богат и двусмыслен. Чтобы попытаться его понять, следует вновь вернуться к их судьбам, которые рассказчик, занятый сюжетом, ссорой военачальников, описывает до крайности скупно. Обе они были: 1) девственницами с собственными именами; 2) после замужества они утратили отцовское имя и обрели имя мужа; 3) через неопределенное время (возможно, они были матерями) они одновременно овдовели и не по своей воле попали к мужчинам, которые отныне стали располагать ими по своему желанию. Несмотря на сходство их судеб, автор по-разному описывает их состояние. Именно эти различия нас и интересуют.

Греческие мысль и язык обладают достаточным количеством средств, чтобы описывать, квалифицировать женщину через связь с мужчиной, через связь с женским полом в целом. Аэд, желающий их описать, погружается в богатейший резервуар образов. Но не стоит удивляться, если это описание не соответствует тому выводу, который я сделал из истории этих женщин. Лексика аэда не проясняет *нам*

ситуацию. Не стоит удивляться тому, что Хрисеида называется столь же часто *pais* — «дитя», как и *thygater* — «дочь» (как «дочь такого-то») или *kourè*. А Брисеида два раза оказывается *alochos*, «супругой», два раза *gyne*, «женщиной», но в то же время семнадцать раз *koure*. *Koure?* Но в классическом греческом языке слово *koure* переводится как «молодая девушка, то есть девственница». Выходит, Брисеида, выйдя замуж, став вдовой, а потом пленницей, является женщиной, ублажающей мужчин, и одновременно девушкой, *koure*. Что же тогда такое гомеровская девушка?

Видя, как женщины достались героям, Ахиллу и Агамемнону, и те поселили их в своих шатрах, воины, спутники своих предводителей, могут рассматривать сестер только как прекрасно сложенных красавиц, призванных согреть ложе. И речь идет не только об этих двух женщинах!

[Терсит Агамемнону] Кущи твои преисполнены меди, и
множество пленниц
В куцах твоих, которых тебе аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.

(II, 225–29)

Именно в данном контексте божественный Калхас называет Хрисеиду *koure*, «черноокой девой». Но ведь ни Брисеида, ни Хрисеида не являются девственницами. Они были ими, когда отцы отдавали их замуж, но в данном случае ни та ни другая не играют роль девственницы; насилие позволило мужчинам обладать этими девушками, и это обладание подобно тому, как если бы речь шла о покупке; обладание, повиновение, наслаждение, вот о чем говорит Агамемнон: Хрисеида обязана являться, когда бы он ее ни позвал («ложе со мной разделяя» (I, 31)). Не следует принимать в гомеровском языке *kourè* за *koure* классическую, которая означает незамужнюю девушку или девственницу. Тогда мы упускаем важную часть смысла слова и его сложность. *Kourai* Хрисеида и Брисеида сексуальны, прелестны и привлекательны.

«Брисеида» означает не только брисанка, ее очень часто называют *koure Briseos*, «дочь Бриса» — это словосочетание выражает одновременно и половую принадлежность, и возраст, и родственную связь. О Хрисеиде же можно сказать, что она только дочь. Именно так обозначает ее прорицатель Калхас, когда предупреждает греков, что бог найдет на них мор: пока «к отцу не отпустят *koure* его черноокой» (I, 98—99). Именно для нее наиболее велик разрыв между ее «социальным» положением, сексуальной ролью пленницы-сожигательницы, и столь нежными словами, которыми пользуются для ее описания воины и рассказчик.

Но если ничего подобного нельзя сказать о Брисеиде, разве не странно, что в трех случаях ее, сожигательницу военачальника, описывают словом *pais*, «дитя, дочь»?* Именно *pais* означает близость к отцу (но не к матери!). Однако это слово в меньшей степени определяет родство, скорее эмоциональную связь. «О! — говорит Хрис ахейцам, — да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе, / Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться; / Вы ж освободите мне милую дочь (*pais*)» (I, 20). В сцене возвращения Хрисеиды ее отцу Агамемноном мы не удивляемся, видя, как Хрис с радостью получает свою «милую дочь», а стороннее лицо, Одиссей, описывает ее в точно таких же словах: эта «дочь» все-таки ушла с ложа Агамемнона (I, 443—5). *Pais* здесь, следовательно, используется скорее для описания чувств, чем возраста. Мало таких отцов, продолжающих называть свою дочь (даже вдову!) прозвищем, говорящим об их близости или по крайней мере о воспоминаниях об этой близости в ее раннем детстве.

Другое название Хрисеиды — *thygater*, то есть «дочь такого-то». Если Хрисеида является одним из редких примеров «любимых детей» в «Илиаде», «до-

---

* Из десяти случаев *pais* используется только в шести для описания девушек (все остальные случаи используются для обозначения обоих полов или только мужского пола). (Прим. авт.)

чери»-*thygates*, напротив, представлены в поэме в достаточном количестве. Гомеровский герой колеблется между двумя полюсами: неистовым, параноидальным индивидуализмом и своими привязанностями: своим классом и своим «домом». Именно в родственных связях наиболее сильно проявляются привязанности. И именно там единый мир. Вместе с родственными связями мы проникаем в настоящую систему символов, в язык первоначальных значений. Герои описываются как рожденные от мужчины; Главк, объясняя свое противостояние с Диомедом, так подводит черту своему происхождению: «Жил Пипполох, от него я рожден и горжуся сим родом» (VI, 206). Но Д. Редфилд прав, когда напоминает: «Герой [эпопеи] также рожден и женщиной», и подчеркивает, что даже у Гомера можно обнаружить, что «врожденные качества какого-то индивидуума наследованы от *maternu*». Таким образом, весьма многочисленные *thygates* «Илиады» объясняются необходимостью упоминать *также* женщин при упоминании родственных связей. И все-таки все эти «генеалогические» дочери являются дочерьми-своих-отцов. Даже самые незначительные из богинь: Фетида часто называется «*thygater* морского старца Нерея», как Афродита, Афина, музы — *thygates* Зевса; Гера — *thygater* Крона. Этот перечень показывает, что быть божественной *thygater* не означает принадлежность к одному сексуальному статусу. Ни Афина, ни музы, ни Гера — девственница, нимфы и супруга — с этой точки зрения не представляют одно и то же. Для смертных тем более качество *thygater* не означает принадлежность к определенному сексуальному статусу. Следовательно, можно быть *thygater* какого-то мужчины и после свадьбы.

Описывая женщину в добрачный период, «Илиада» использует слово *thygater* чаще во множественном числе; *thygates* «Илиады» образуют некую общность. Все троянские женщины, как мы видим, являются «дочерьми и супругами»: *thygates* и *alochoi*, иными словами, дочерьми, матерями. Когда становятся *thygates*? Возможно, в пубертатный пе-

риод. Но это неопределенно. Употребление слова во множественном числе прекращается с момента свадьбы. С этого времени *thygater* индивидуализируется и становится единичной *nymphe*. Этот путь, который мы пройдем вместе с Навсикаей, подтверждает тот «тайный дар», который девушка передает во владение мужу. На этом жизненное поприще *thygater* должно бы закончиться, но ее необходимое присутствие на генеалогическом древе дает ей возможность «продолжить себя» благодаря родам и после них; вот почему героини упоминают *thygates* среди своих предков!

От девушки к женщине, от свадьбы к смерти

Два слова употребляются исключительно в связи с Брисеидой: супруга и женщина. Первый раз, чтобы описать будущее: Патрокл обещает, что она станет супругой Ахилла. Второй раз, когда Ахилл говорит, что, прежде чем ее взял к себе Агамемнон, она разделяла ложе с ним, Ахиллом, и он ее любил, как «Добродетельный муж и разумный / Каждый свою [*alochos*] бережет и любит, как я Брисеиду: / Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл!» (IX, 341—43). Не будем придавать значения утверждению, что насилие дает мужчине право обладать женщиной, а также факту матримониального соглашения*, обозначающему здесь зарождение любви. Следовательно, можно любить (а возможно, особенно любят...) другую женщину, а не ту, что была вам передана ее отцом во время бракосочетания. Почему же, несмотря на их псевдоидентичность, Хрисеида гораздо больше Брисеиды остается *kourè*-своего-отца? Почему в отличие от Хрисеиды мужчины называют Брисеиду терминами, связанными словами, предназначенными для взрослой женщины?

С самого начала нашего изучения гомеровской женской лексики мы слышим только мужские слова.

---

* Поражение делает любое тело телом, принадлежащим победителю, то есть рабом. (Прим. авт.)

Ни одна ни другая сестра не говорят сами. Только один-единственный раз мы слышим голос *kourè*-Бриса, когда рассказчик один раз из двух употребляет слово «женщина», *gunè*. Патрокл убит, его тело лежит в шатре Ахилла. Вожди ахейцев помирились, и Агамемнон совершает публичное покаяние и приносит Ахиллу несметный выкуп. Единственное, с чем можно было бы сравнить этот выкуп, это с приданным *thygater*, богатствами, с которыми отец отдает ее в другой «дом». Итак, из шатра Агамемнона

Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;
Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
Семь, и осьмую румяноланитую Брисову дочь.
С золотом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
Шел впереди.

(XIX, 243—48)

Агамемнон добавляет клятву о сделке:

«Я здесь клянусь, что на Брисову дочь руки я не поднял,
К ложу неволя ее иль к чему бы то ни было нудя;
Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!»

(XIX, 261—63)

Богатство и девственность (непорочность или, скорее, воздержание, поскольку о какой девственности можно говорить, когда речь идет о вдове) — Брисеида играет здесь роль *nimphe*, «обычной» новобрачной. «Златой Афродите подобная ликом» Брисеида прибывает в шатер Ахиллеса, видит тело Патрокла и падает на него,

Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.
[...] стенили и прочие *жены*.

(XIX, 284—856; 301)

Почему Брисеида внезапно перестает быть *kourè*-своего-отца, о котором больше не упоминается, почему она обретает в это мгновение зрелость, превращается в женщину? Именно она имеет отношение к произошедшему событию: смерти самого дорогого для нее человека — господина и любовника. Значит,

на нее возлагается задача, характерная для взрослой женщины. Она слишком молода, чтобы выполнить погребальный обряд, возлагаемый обычно на женщину в возрасте и заключающийся в очищении тела*, она должна просто оплакать его. Вместо молчания, которого от нее всегда требовали, она выплескивает свою боль. Этот поступок имеет ритуальное значение: «Стенали и прочие *жены*». Ясно, что женщины кричат ради мужчин, которые могут плакать только молча.

О мой Патрокл, о друг, для меня, злополучной, бесценный!
Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;
В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
Так постигают меня непрерывные бедство за бедством!
Мужа, с которым меня сочтали родитель и мать,
Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;
Видела братьев троих (родила нас единая мать),
Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.

Брисейда объясняет свою особую привязанность к Патроклу:

Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес градоборец
Мужа сразил моего и обитель Минеса разрушил,
Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу герою
Сделаешь милой супругой, что скоро во фтийскую землю
Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.
(XIX, 287—299)

Как быстро эти женщины переходят от одного мужчины к другому! Она в неоплатном долгу перед Патроплом. Эта свежеиспеченная вдовушка готовится стать законной супругой божественного Ахилла — убийцы ее близких, да еще и испытывает радость от этой божественной войны. Вот каким образом из Гипподамии, супруги, потом вдовы, она становится, если не супругой, то по крайней мере подругой Ахилла и даже в более поздних источниках матерью сына Ахилла, Неоптолема... все еще оставаясь *kourè*-Бриса.

---

* Об этом можно прочесть у Ивонн Вердьё (Yvonne Verdier «Façons de dire et façons de faire», 1979); это история женщины-кортая-помогает, то есть обмывает покойников как детей. В средневековой Бургундии этот ритуал был аналогичен тому, который существовал в античной Греции. (Прим. авт.)

*От kourè-своего-отца до
божественной девственницы*

Хотя позднейшие источники наделяют Хрисеиду судьбой, подобной судьбе Брисеиды, рассказывая, как отец добровольно вернул ее Агамемнону и как она родила от него детей Ифигению и Хриса, именно в «Илиаде» содержится ответ на вопрос: почему в отличие от Брисеиды Хрисеида остается только *kourè-своего-отца*? Все дело в том, что, если Брисертв, Хрис жив. В этом все отличие: с одной стороны, между отцом и дочерью устанавливается действительная связь, несмотря на факт насилия, Хрис — после божественного вмешательства — получает свою дочь; тогда как, с другой стороны, смерть отца дает Брисеиде нечто вроде свободного выбора, и используется только имя отца, но не принадлежность ему.

Именно в этом ключе мы можем рассматривать разные слова, используемые воинами относительно этих девушек. Брисеида больше *kourè*, чем женщина или супруга, в то время как Хрисеида меньше *kourè*, больше *thygater* и *pais*, но никогда *gynè*. Именно присутствие отца отличает Хрисеиду от Брисеиды: оно делает ее *pais* — он любит ее; делает ее *thygater* — отец занимается ее будущим, потому что его влияние на нее остается незыблемым, несмотря на ложе Агамемнона. Брисеида остается без отца, и после военных действий ее имя продолжает напоминать всем о ее происхождении, сообщает, откуда она пришла, — из Брисы, от Бриса. Говоря о девушках, аэды говорят скорее о том, откуда они, чем кто они. Самая прямая параллель, которую можно обнаружить в такой потере «индивидуального» имени в пользу имени родственного, — это имя человека, которого насилие или покупка превратили в раба: рабы одновременно теряли и свободу, и свое имя.

Афинское право классической эпохи сохранило черты незыблемой связи между отцом и его дочерью. Даже вступив в брак и уплатив супругу приданое, когда дочь жила в «доме» своего мужа под его опекой, если по какой-то причине дочь и/или отец

разочаровывался/разочаровывались в супруге, отец мог забрать ее домой — вместе с приданным! Это право, называемое аферезисом, переставало действовать с рождением первого ребенка (первого мальчика?), рождением, окончательно соединяющим супругу с новым «домом». Это означает, что влияние отца на дочь сохранялось, его авторитет был сильнее авторитета мужа или, отличаясь от авторитета мужа, он продолжал действовать по инерции.

Другие гомеровские *kourai* являются богинями. Нам достаточно одной — Афины. В «Илиаде» описывающие ее слова связаны с ее отцом, она *thygater* и *tekos*, то есть «дитя», «отпрыск», но особенно она *kourè*-Зевса. История ее рождения, объясняющая ее особенную связь с отцом, стоит того, чтобы быть здесь рассказанной. По Гесиоду, у Зевса была жена, Метида-Премудрость, от которой он ожидал ребенка: Афины. В то же время Зевса убедили остерегаться потомства Метиды, потому что после рождения Афины у нее родится сын, угрожающий его господству. Чтобы избежать риска, Зевс «себе ее в чрево отправил», но, переварив мать, он смог уберечь Афины. В конце концов она появилась из головы своего божественного отца, уже взрослая, в полном вооружении. И никогда дочь, *kourè*-Зевса, не будет принадлежать к другому кругу женщин, кроме «девственниц», не будет иметь другого отношения к миру, оставаясь *исключительно* дочерью-своего-отца. От других отпрысков Зевса Афины отличает то, что она первожденная от его первой супруги. В какой другой культуре существует подобный образ дочери, родившейся только от отца? Оставим в стороне историю об угрозе господству Зевса — избитая тема. Разве не проявляется в этом мифе мечта греческих мужчин производить детей в одиночку!

Тремя веками позже в «Эвменидах» Эсхил заостряет внимание на вопросе связи между родителями и их потомством. Чей это сын, дочь? Клитемнестра убила своего мужа Агамемнона после его возвращения из Трои. Ее сын Орест мстит за отца, совершая еще более ужасное убийство: он убивает свою мать и

предстает перед афинским ареопагом. Начинается обсуждение: насколько убийцы являются друг другу родственниками? Таким образом, Клитемнестра окзывается невиновной: она не пролила *свою* кровь. А Орест? Убив свою мать, разве не убил он ту, что его породила? В нем течет кровь его матери или его отца? Перед трибуналом выступают Аполлон и Афина. Первый: «Дитя родит отнюдь не та, что матерью / Зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано*. / Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод / Хранит». В качестве доказательства он приводит своего отца Зевса и свою сестру Афину, рожденную с помощью одного лишь отца. После чего берет слово Афина: «Ведь родила не мать меня. Мужское все / Мне ближе и дороже... / Отцова дочь я, и отцу я преданна**». Слова Афины прозрачны, она «жалеть не станет женщину, / Убившую супруга***» и вместе с Аполлоном проявляет великодушие к Оресту-матереубийце.

Женщины «Одиссеи»: Навсикая, Parthenos

Одиссей Навсикае:

«О, да исполнят бессмертные боги твои все желания,
Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу»

(VI, 180–85). Пер. В. Жуковского.

Другая *kourè* Навсикая — царевна, живущая в странном мире на краю земли — без насилия, без соседей в мире добродетельных феакийцев. Когда аэд привел нас туда, богоравный «Одиссей отдыхал, погруженный / В сон и усталость» на берегу. Навсикая пришла из города, «за нею / Следом пошли мла-

---

* Существуют другие свидетельства пассивной роли женщин в греческой концепции размножения. Но им противопоставляется другая концепция, приписывающая сперму женщине. (Прим. авт.)

** В тексте говорится «самцу», то есть главному мужчине, то есть она имеет в виду, что в ней нет ничего от женщины. (Прим. авт.)

*** Пер. С. Апта. (Прим. ред.)

дые подруги ее и служанки [*amphipoloi*], чтобы устроить стирку белья «царского» дома, которая на нее возложена.

Навсикая — дочь царя феакийцев Алкиноя и его жены Ареты. Какие родители! Каждый в своей роли — царь и отец, госпожа «дома» и мать, Алкиной и Арета представляют собой модель идеальной супружеской четы. Алкиной женился на дочери своего покойного старшего брата и «так почитает ее, как еще никогда не бывала / В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем». Аэд подчеркивает у Ареты «добродетельной»: «Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе / Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы видят [...] Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум [...]» (VI, 69—71, 73).

Навсикаю называют иногда *thygater*, иногда *pais*, чаще всего *kourè* и *parthenos*. Как и в случае с Брисеидой и Хрисеидой, она *thygater*, только когда речь идет о ее родстве — дочь-своего-отца, но также своей матери. Представляя ее, рассказчик и Одиссей считают ее отпрыском Алкиноя. Она сама, говоря о себе, представляется Одиссею как царская *thygater*. Это для генеалогии. Подобно Брисеиде и Хрисеиде она также часто называется *kourè*. Тем не менее — и это примечательно для нас, покинувших шатры «Илиады», — она никогда не упоминается как *kourè*-Алкиноя; ее связь подтверждается только словом *thygater*. Правда, ситуация в Феакии — мир вне мира — предполагает, что нет необходимости уточнять ее происхождение: откуда она могла бы явиться, от кого могла бы произойти? С *kourè* часто ассоциируется эпитет, подчеркивающий ее красоту; она — «прекрасноокая». Она также *pais*, и так ее всегда называет отец, наделяя это слово той же эмоциональной окраской, что уже подчеркивалась нами в «Илиаде». Она *ego* «дитя».

Thygater, *kourè*, *pais* — все эти слова служат для определения ее пола, происхождения и окружающей ее любви, но они не являются специфическими, не называют ее истинного возраста, то есть не объясняют, как оценивается ее половая принадлежность во вре-

мени. Однако история, о которой мы читаем, и воздействие, которое она производит на Одиссея, и странное предложение, которое делает ее отец этому незнакомцу, ясно об этом говорят; она находится в состоянии, являющемся поворотным моментом в ее жизни, в том сексуальном и специфическом статусе *kourè*, когда она стала красивой, но еще не взята мужчиной — статус *parthenos*. Это состояние служит, очевидно, поводом для преображения. Это предсвадебное время не затянется: «Не долго останешься ты незамужнею девою [*parthenos*]». Самые знатные феакийцы приняли участие в свадебных состязаниях, свадьба Невсикаи неминуема, а потому Афина пользуется этим предлогом, чтобы побудить девушку добиться от отца разрешения на стирку белья «дома»: «Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой: / Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно / Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также / Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично — / Путь к водоемам от стен городских утомительно долог» (VI, 36—40). Рассказчик передает нетерпение Навсикаи, понимающей, что заканчивается латентное время, и ее отец прекрасно это знает.

«Красота» *parthenos*

Дев (*amphipoloi*), провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.

К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь (*thigater*), как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли, — молодежь рассудительна редко.

(VII, 290—94)

Юная Навсикая уже «рассудительна», и какая красавица! Вероятно, мы преуменьшаем значение относящихся к ней эпитетов — «прекрасные кудри», «белоснежные руки» — таких далеких от наших оценок. Если так, то мы не правы, поскольку именно это выделяет наших героинь из анонимной толпы других женщин, псевдобожественных.

Итак, Навсикая среди своих *amphipoloi*. Обраща-

ясь к ней, хитроумный Одиссей говорит: «Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба, / То с Артемидою только, великого дочерью Зевса, / Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким...» (VI, 150—52). *Parthenos* во всей своей славе. В начале сцены, когда белье сушится на берегу, рассказчик показывает Навсикаю «ведущей хор». А потом повествует:

Так стрелоносная, ловлей в горах, веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей — и любитесь ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотою девичьей подруг (*amphipoloi*) затмевала царевна.
(VI, 102—9)

Вот уже неоднократно мы встречаем этих *amphipoloi*. Чтобы лучше понять назидательный характер этих групповых сцен, следует выяснить, кто же эти загадочные женщины, с которыми общаются наши нимфы. Мать Навсикаи Арета тоже имеет *amphipoloi*. Переводчику трудно найти слово, соответствующее каждой вариации термина: во дворце их называют то «служанками», то «компаньонками» царицы, а за пределами дворца просто «женщинами». Слово многозначно, *amphipoloi* образуют женскую свиту, они чаще всего находятся на службе у хозяйки дома и именно от нее получают приказы (и никогда от мужчин). Их возраст соответствует возрасту той, кого они сопровождают, вот чем объясняется разнообразие их занятий. Если *amphipoloi* Ареты являются *gynai*, «женщинами», Навсикаю сопровождают «прекраснокудрые *kourai*». В этом контексте образ Навсикаи становится образом некой предводительницы-хозяйки-вдохновительницы, управляющей группой девушек того же возраста; это образ хора, годящегося и для прославления богов, и для образования молодежи женского рода*. Разуме-

* См. книгу Кл. Калама на эту тему: *Calame Cl. Les Choeurs de jeunes filles en Grece archaique. Rome, Ateneo, 1977. (Прим. авт.)*

ется, у них могут быть другие занятия, но характеристика их особого сообщества по возрасту и полу, его самое специфическое выражение — это хор *parthenoi*.

То, что некая царевна-*parthenos*, готовящаяся выйти замуж, правит бал, никого не удивляет. Навсикая управляет хором, который может не только хорошо петь, но и танцевать, и молиться. Она, как Артемида, сопровождаемая нимфами, *parthenos* среди божественных *parthenoi*. Навсикая, как и Артемида, «прекраснейшая» среди «прекрасных», самый яркий цветок в букете. Она доминирует во всем (Одиссей: «Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба, / То с Артемидою только, великого дочерью Зевса, / Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким...»). Навсикая — «богиня красою». Белье выстирано и разложено на берегу, девы «искупались в реке и, натершись елеем, / Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой», потом все снимают с голов покрывала, чтобы поиграть в мяч. Яркая мизансцена ласкает воображение читателя-слушателя и ослепляет Одиссея, чье появление в разгар игры обращает в бегство компаньонов, и только Навсикая «не покинула места». Тогда вступает Одиссей, который «свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело». Богиня она или смертная? «Нет ничего столь прекрасного между людей земнородных / Взоры мои не встречали доньше» (VI, 160—61). Это может показаться и банальным, и поспешным. Нам иногда трудно понять этих странных греков, даже их выставление напоказ мужского тела, тела воина, атлета. А что говорят нам аэды о женской красоте? О тонких лодыжках, о белых руках, о светлых очах и прекрасных кудрях... А мы задаем себе вопрос: что нас возбуждает в теле другого? Единственное сравнение, которое приходит на ум Одиссею, чтобы описать тело Навсикаи, это сохранившийся в его памяти образ, который он увидел некогда в Делосе возле алтаря Аполлона, и это образ... пальмы! «В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, — / Юную стройно-высокую пальму однажды заметил» (VI, 162—3). Даже не пальма, а росток паль-

мы. Странно. Даже если связать это с тем, что пальма является деревом другой *parthenos*, Артемиды, и что больше, чем что-либо другое, она *orthos*, «прямая». Образ этот упоминается и в связи с Ахиллом и Телемахом — они также молодые побеги. Но откуда взялся этот образ и кто соблазнится телом, напоминающим ствол пальмы? Одиссей говорит ей:

Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь!..

(VI, 166—8)

Значит, Одиссея восхищает женщина, подобная стволу, или ствол, подобный женщине, или, вернее всего, девушка-ставшая-женщиной. Пальма прямая, вертикальная, что означает также прямоу, правду. Мысль о силе этой девушки-побеге, ее порывистость, ее *юность* — вот что потрясает его*. Одиссей говорит об этом:

[...] Несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.

(154—57)

«Побег» переводится *thalos*, «молодой росток», «то, что растет». Это биологический и сексуальный образ *parthenos*. Она переживает период развития, она еще находится на пути к расцвету.

В почке таится еще твое лето. Еще не темнеет
Девственных чар виноград.

Филодем Гадарский «Девушке-подростку».

Пер. Л. Блуменау.

Навсикая еще принадлежит к «дому» своего отца, но она свободна; во всяком случае, так, как понимает это зритель. Значит, *parthenos* является неотразимой, и весь мир подчиняется ее либидо, как Одиссей. Мы предлагаем некую этимологию *parthenos*; ведущую происхождение от идеи набухания ростка;

* Пальма снова появляется в эротико-эстетическом контексте «Песни песней» (7,7): «Стан твой похож на пальму...» (Прим. авт.)

таким образом, возрастом *parthenos* является возраст набухания груди. Тот же образ обнаруживается в ботанических метафорах, олицетворяющих половые органы мужчины и женщины с бобом и зерном ячменя. Так, начиная с пубертатного периода, груди называют бобами, как и текстикулы; клитор называют ячменным зерном, этим словом также называют пенис.

Укрощение *parthenos*

Эти мощь, юный порыв и красота являются признаком возраста *parthenos admes*, что означает *parthenos* «без господина». *Admes* дословно означает «неукрощенная» и относится как к животным (особенно домашним, таким как кобылица), так и к людям. Девушки, особенно стоящие на пороге половой зрелости, часто обозначаются как медведицы, кобылки, свинки... Да и их собственные имена часто напоминают «примитивную» фауну, так Брисеиду сперва звали Гипподамия — «Укрощенная кобылица». Идея о том, что в *parthenos* скрывается дикое животное, еще не покорившееся цивилизации, соответствует идее, что греков занимала эволюция женского рода. Укротителем дикой женщины является муж; беря *parthenos* в супруги, он ее цивилизует.

Подобно всем девушкам, вступающим в брак, Навсикая должна будет согнуть шею, она почувствует на своем затылке тяжесть руки «счастливейшего смертного». Для нее речь идет о саморазрушении, если можно так сказать — вынужденном или добровольном, — всего того, что в *parthenos* есть дикого, мятежного, ей придется оставить мир детства, игры в мяч, хоры и Артемиду*. Целью приручения является возложение на нее ответственности за ее новый «дом», осознание добродетелей, которые налагают на нее ее новые обязанности, и все это происходит

---

* См. *Brulé P. Des osselets et des tambourins pour Artémis*, in *Clio. Le Temps des jeunes filles*. 1996, 4, 11–32. (Прим. авт.)

на ложе мужчины, то есть когда она открывает для себя такие противоположные качества, как любовь, соблазнение, желание, наслаждение: не только Эросу и Афродите доступны нежности! Вот что такое быть укрощенной, встать «под ярмо», даже если то, о чем говорится, значит *вместе* тянуть семейный воз. Всего этого Навсикая, похоже, не боится, она желает выйти замуж и не решается. Она, как любящая дочь, подчиняется своему дорогому отцу. Но кто знает, что за будущее ее ожидает?

Дочь «дома» и «дом» дочери

Смысл жизни *parthenos* — свадьба; она к этому готовится. Поговорим о свадьбе Навсикаи, как ее проводят феакийцы. Это великое дело для царского «дома» и для всей Феакии. Ради этого стирают белье. Значит, уже началось брачное состязание. (Детали подобного состязания станут нам понятны, когда мы попадем к Пенелопе.) Итак, женихи пришли к Алкиною и разложили перед ним свои богатства. Одиссею это известно, потому что в своих восхвалениях он желает Навсикае «супруга по сердцу [...] с изобилием в доме. ...» Победителем может быть лишь человек высокого ранга; об этом сказала Навсикае Афина:

[...] Не долго останешься ты незамужнею девой (*parthenos*);
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.

(33–5)

Итак, все идет нормально. Но тут в обход всех правил во дворец приводят Одиссея (вымытого, раздетого, надушенного благодаря заботам царской дочери), и добродетельный царь без промедления заявляет:

«Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный супруг Навсикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался.

(VII, 312–15)

Неужели он говорит о свадьбе? Почему же просто не сказать, что он отдает ему Навсикаю в жены? Может быть, речь идет о некоей форме союза, когда оставляют (у себя) мужчину, называя его зятем? Но разве можно не принимать в расчет брачное состояние, уже начавшееся между знатными феакийцами за обладание Навсикаей? Почему Одиссей лучше кого-то другого? И если речь идет о браке Навсикаи с Одиссеем, что имеется в виду под «домом», предлагаемым Алкиноем Одиссею, и что это за *богатства* он обещает дать за дочь?

Греческий брак вириолокален (жена отправляется жить к мужу) и моногамен (как хранительницу «дома» и мать законных детей можно иметь только одну супругу). Однако царь делает Одиссею такое предложение, зная, что тот уже обладает «домом» у себя, на Итаке; но этот «дом» расположен в другом месте, и Алкиной не желает, чтобы Навсикая туда ехала. Кроме того, ложе Одиссея занято, слушателю-читателю «Одиссеи» это известно (хотя Алкиной этого не знает, потому что Одиссей начинает повествование о своих злоключениях с рассказа о нимфе Каллипсо). Алкиной не хочет, чтобы Навсикая стала наложницей Одиссея; она не должна повторить судьбу Брисеиды и Хрисеиды, не должна стать предметом торга. Алкиной ничего не требует от Одиссея, он сам дает ему все: и дочь и богатства. Одиссей же ничего дать взамен не должен. Проще говоря, Одиссей нравится Алкиною и нравится его дочери, и он достаточно знаменит, чтобы царь попытался удержать его. Отцовская и царская власть такова, что Алкиной может поселить Одиссея на землях, которые ему выделит общество (как живут сыновья Алкиной). Таким образом он оставляет и присоединяет своего зятя к Феакии. Если бы у Навсикаи не было брата, дело приняло бы совсем другой оборот; тогда мужчина вошел бы в «дом» Алкиной уже не по прихоти отца, но по необходимости. Целый «дом» должен постоянно работать, подготавливая приход наследника/преемника.

Но сын от милой жены
Желанен отцу в изнанке его детства,
Нежностью согревающий его дух,
Ибо при смерти горько стяжавшему
Отдавать пасти добро свое пришельцу.

Пиндар «Олимпийские песни». X, 85—90.
Пер. М. Гаспарова.

Однако Одиссей не может увести Навсикаю к себе не только потому, что у него есть Пенелопа, но и потому, что он не выкупил царевну у ее отца. Одиссей отклоняет предложение щедрого Алкиноя. Не будет союза с Навсикаей: мы не узнаем, каких прекрасных детей могли бы они родить. Тот факт, что последующие за Гомером романисты выдали Навсикаю замуж за Телемаха, для нас ничего не меняет.

И Пенелопа: женщина одного мужчины

Если в образе сестер-пленниц-наложниц «Илиады» доминирует двусмысленность, изменчивость и некая неопределенность — от ребенка к девушке и женщине, — как и в образе Навсикаи, находящейся на «пути» *parthenos*, то символическая фигура Пенелопы в «Одиссее» вроде бы должна быть совершенно однозначной. Многоумная Пенелопа является верной супругой Одиссея. Об этом говорят нам здравый смысл и словари: «Жена Одиссея, ставшая всемирно известной в античной легенде и литературе благодаря верности мужу, которого она ждала двадцать лет, пока он был на Троянской войне»*. Верная, непоколебимая супруга, говорил Жорж Брассенс, она больше чем жена: она *мать* Телемаха, *хозяйка* «дома» своего мужа, с тех пор как он отправился в Троию, и — не последнее дело — что немаловажно — непревзойденная *ткачиха*.

Что бы ни сказал или оспорил Гомер, Пенелопа — дочь Икария. Одиссей же — сын Лаэрта, царя Итаки. Отец передал ему царство и свой «дом» вмес-

---

* Grimal P. Dictionnaire de mythologie grecque et romaine. 10-е изд., 1990. С. 355. (Прим. авт.)

те с очагом и землей: и со всеми богатствами, расположенными за пределами «дома». После Гомера появились рассказы, что Одиссей сперва пытался заполучить Елену у ее отца Тиндарея, но ввиду впечатляющей конкуренции более сильных претендентов отказался от этого намерения.

Состязание женихов

В «Одиссее» свадьба Одиссея осталась в далеком прошлом, но достаточно нескольких слов, вложенных в уста Пенелопы, чтобы вспомнить о ней (слушателям аэда было хорошо известно, как проходят свадьбы). Возникают два вопроса: почему женились и как?

Процедура женитьбы напоминает состязание. В соревновании участвуют мужчины, желающие получить согласие другого мужчины, чаще всего отца невесты, того, кто обладает властью над той, которую они хотят заполучить в свой «дом» и на свое ложе. Одиссей, как другие, имел право только на одну женщину. Мы подразумеваем супругу, поскольку, с одной стороны, в «доме» героя могут жить также наложницы и пленницы (так было у Агамемнона, имевшего не от законной супруги, Клитемнестры, Хрисеиду), а с другой стороны, «внешняя» жизнь героя была и так довольно разнообразна. Когда отец невесты выберет победителя состязания, его дочь разделит с победителем ложе*. Но если одни «дома» отдают своих дочерей, следовательно, другие «дома» их забирают. Таким образом, все «дома», описанные Гомером, одновременно отдают своих дочерей другим. Но это только теоретически, потому что существуют ведь и «дома» без дочерей, которые не могут участвовать в обмене. Тем не менее это настолько трудный случай, как «дом» без сына, когда приходится всеми силами добиваться, чтобы в «дом» вошел мужчина, зять со

---

* Множество греческих слов, обозначающих супругу (*akoites*, *alochos*), означают не что иное, как «делить с кем-то ложе». (Прим. авт.)

стороны, а иначе пресечется род, «дом» перейдет в руки, держащие веретено*.

Вот тут и появляются чужестранцы, курсирующие между «домами», где основную роль играет *thy-gater*. Гомеровская эпопея является идеальным миром, в котором перемещаются дары всех видов между всевозможными партнерами: от народа к царю, от царей к царям, от людей к богам и по всем возможным поводам: из признательности, в ответ, из ненависти, любви или безразличия. То же относится к дарам, строго соответствующим своему назначению, потому что они служат орудиями, ожидаются**. Претендующие на дочь женихи должны с помощью этих даров продемонстрировать свое положение в обществе, похвастаться своей собственностью, своим рангом. Здесь все работает на зрение и осязание. Соискатель выносит на суд отца то, что сверкает золотом, приятно тяжелит руку, демонстрирует возможности, рассказывает о жилье, одежде, пище. Подобно другим претендентам, Одиссей, очевидно, тоже предлагал подобные богатства взору и рукам Икария. Что за зрелище являют собой эти «презенты», выставленные перед дверями «имения», воплощающиеся в нескончаемую вереницу откормленных коров и овец! Это для отца. А для будущей жены кандидат в супруги добавляет подарки, «всегда щедрые», чтобы пышно ее разодеть и великолепно украсить. В свое время Пенелопа также избрала того, «кто щедрей и приятней» (XVI, 392), и удачливый соискатель получил согласие отца и руки дочери.

Отец вступает во владение новыми «бесчисленными дарами» и добавляет к своему скоту скот покупателя. Дочь уже на пути к своему новому «дому»; она также являет собой подарок, ценящийся тем

---

* Выражение, передающее отчаяние «домов» при отсутствии наследников (веретено, как характерный атрибут). Женщины не умеют ни владеть землей, ни управлять ею; что же делать, чтобы продлить существование «дома»? (Прим. авт.)

** См.: *Scheid-Tissinier E. Les Usages du don chez Homere. Vocabulaire et pratique. Nancy, 1994. (Прим. авт.)*

выше, чем большая цена была за нее получена, который взамен отдает ее отец (как Хрисеида, Брисеида, Навсикая, Пенелопа является *kourè*-Икария): его собственный престиж повышается с ценой, данной за его дочь.

Гектор с толпою друзей через море соленое
На кораблях Андромаху везет быстроглазую,
Нежную. С нею — немало запястий из золота,
Пурпурных платьев и тканей, узорчато вышитых,
Кости слоновой без счета и кубков серебряных.

Сапфо, 86 (44) (6–10). Пер. В. Вересаева.

Одаренная одновременно отцом и будущим супругом, девушка везет с собой из одного «дома» в другой самые верные знаки, по которым распознают богатство, а следовательно, и ранг «дома». Но почему покупают/продают девушку? Раньше говорили — почему женятся? Для покупателя ответ прост: потому что он хочет ее, потому что любит ее и/или потому что хочет от нее детей. Но гораздо сложнее ответить дарителю: может, он не любит свою дочь, раз платит за то, чтобы она уехала?

Цена свадьбы: покупка и продажа

Итак, женщины могут отдаваться, продаваться, завоевываться, но не для того ли это делается, чтобы заставить их работать? Женщины, подобные *amphipoloi* Ареты и Навсикаи, работают много, а в некоторых случаях просто незаменимы. Царь может также сделать их своими наложницами. Можно даже оценить свое состояние в женщинах. Вспомним выкуп, заплаченный Агамемноном, — этих «жен непорочных, работниц искусных / Семь, и осьмую румяноланитую Брисову дочь».

Брачная сделка приводит в движение «кочующие» богатства — стада, пригоняемые претендентом, — «щедрые дары» жениха — одежды и украшения (теоретически для красавицы, но поскольку она отправляется жить к своему мужу, эти богатства используются для выставления напоказ, их просто ненадолго достают из сундуков) и, наконец, «щедрые дары» от-

ца. Они подтверждают законность брака, рождение будущих детей и союз между «домами». Учитывается все — и цена, которую платит претендент, чтобы купить дочь, и сумма, которую дает со своей дочерью отец, чтобы подчеркнуть ее ценность, и интерес, который он проявляет к «дому» зятя. Все протекает нормально, если обе стороны согласны с равноценностью даров. Но приходит время, когда по какой-то причине связь между женщиной и ее новым «домом» должна быть прервана, а богатства, принесенные ею, должны последовать за ней к ее новой судьбе. Вот почему Телемах сетует: «трудно с Икарием будет /Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно / Вышлю» (II, 132—4).

Но почему же все-таки отцы продают своих дочерей? Здесь уместно вспомнить обычай отдариваться, если ты что-то получил, и даже в большем размере. Это распределение женщин и богатства и наши экономисты называли бы единичным характером спроса и предложения, в котором должен участвовать каждый «дом», иначе застопорится вся система. Тем не менее я сомневаюсь, что эта точка зрения была точкой зрения отцов гомеровских эпосов. Связь между отцом и дочерью была настолько сильна (вспомним Хрисеиду и Навсикаю), что необходимы были более серьезные мотивы, чтобы заставить отцов расстаться с дочерьми. Пенелопа является взрослой женщиной, супругой, возможно, даже вдовой (о судьбе Одиссея ничего не известно), тем не менее ее продолжают называть «*kourè*-Икария». Если есть сомнения, что отца не слишком интересует контрибуция за дочь, то что же тогда является мотивацией?

Надежда на потомство дочери. Это меняет дело: эти дети гораздо больше принадлежат дочери, чем *a priori* считаются детьми мужа; гомеровский брак представляет собой настоящий альянс между двумя «домами»; родство по материнской линии в нем заслуживает внимания. Но стоит подумать о другом. А не платит ли отец за то, чтобы избавиться от ребенка нежелательного пола, лишнего рта, бесполезного члена семьи? Это предположение довольно противо-

речиво, но мы с вами уже знаем, до какой степени может доходить греческое женоненавистничество. К тому же существует проблема девственности. Опасно хранить у себя эту бомбу замедленного действия, которую представляет собой *parthenos*, заявляющая:

О матушка! Не в силах за станком сидеть я ткацким:
Мне сердце стройный мальчик покорил чрез Афродиту.

Сапфо (57, 102). Пер. В. Вересаева.

Разве не Навсикая порицает подругу *parthenos*, которая, «имея и мать, и отца, без согласия их стала, / В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно»? Эвфемизм перевода: «обращается вольно» недвусмысленно означает «занимается любовью». Навсикая думает о таких *parthenoi*, о своих подругах и о своей встрече с потерпевшим кораблекрушение. Значит, отец, старающийся выдать свою дочь замуж, знает, как может его подвести импульсивность *parthenos*, если он не найдет достойного претендента.

Итак, есть тот, кто нуждается в жене, способной рожать детей и заниматься его «домом», и тот, кто пытается одновременно избавиться от бесполезного рта и обзавестись внуками. И есть брак, являющийся, кроме всего прочего, союзом двух «домов». Разве это не рынок невест?

Что делают «благородные женихи» в «доме» Одиссея?

Все смешалось в «доме» Одиссея. Все пребывают в сомнении по поводу хозяина, многие считают, что он умер, но точно ничего не известно. Телемах еще не достиг возраста мужчины, он не может ни войти во владение «домом», ни наследовать отцу как царю; Пенелопа же, хотя и «разумная», всего лишь женщина, а значит, она не пользуется авторитетом и не обладает личными богатствами. В это время «многобуйные женихи» располагаются во дворе и залах дворца, устраивают там пиры, поглощая всю прови-

зию имения. Сын жалуется: «Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа, / Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу / Нудят упорно ко браку и наше имение грабят; / Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака / Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно / Наше добро и меня самого напоследок погубят» (I, 242—6). На что же рассчитывают эти претенденты?

Они просто имеют виды на ту, которую считают вдовой; ясно, что те, кто «объедает» «дом», желают также спать с матерью. Но как это сделать? Насильно? Пенелопа прекрасно знает, как жесток окружающий ее мир, знает, какие черные планы могут роиться в их мозгу, и в лице Антиноя выводит их на чистую воду: «Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея / Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь / Смерть» (XVI, 231—3). Убить сына? Тогда путь будет свободен: Телемах мертв, у «дома» Одиссея нет ни наследника, ни преемника. Таким образом, Пенелопа окажется имуществом этого «дома», составляющим его богатство и должным в нем остаться. «Дому», которым управляет даже такая женщина, как Пенелопа, грозит катастрофа, он оказывается в тупике. Люди «дома» и близкие родственники в таком случае делают все, чтобы избежать подобной участи, «ибо при смерти горько стяжавшему отдавать пасти добро свое пришельцу» (Пиндар). «Дому», попавшему в женские руки, необходим мужчина, зять; так что, если с Телемахом случится несчастье, верной Пенелопе придется сменить гнев на милость и искать себе мужа и даже стать соблазнительницей, чтобы передать «дом» в мужские руки. Тогда «многобуйным женихам» не останется ничего другого, как уступить «дом» «Пенелопе и мужу, избранному ею» среди них.

А можно ли обойтись без насилия? На самом деле «благородные женихи» играют на два поля*: они

---

* Запутанность этой ситуации была раскрыта в книге «Cl. Leduc Comment la donner en mariage?», *Histoire des femmes*, t. I, P. Schmitt ed., Paris, 1991. (Прим. ред.)

злятся, что невозможно «сжечь мосты», убив Телемаха; однако уже давно они играют и в другую игру, вполне привычную — соревнования на предмет женитьбы. И вновь проводят они перед итакийским поместьем бесчисленные стада, пытаясь несметными сокровищами соблазнить Телемаха (и его мать), чтобы в ожидании своего совершеннолетия он сделал ее более сговорчивой. И чтобы она ушла наконец с победителем, нагруженная богатствами, которые даст ей ее сын. Телемах в этом сценарии играет роль отца дочери-невесты, сын в Греции имеет право выдавать замуж свою мать. Но два обстоятельства препятствуют тому, чтобы состязание женихов пришло к своему завершению: несовершеннолетие Телемаха и сомнения по поводу участи Одиссея. Однако отсутствие природного опекуна — Одиссея — и помеха опекуна потенциального — Телемаха, — дают Пенелопе возможность выбора — ситуация экстраординарная!

[Телемах] Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что
выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит.

(XVI, 73—7)

Телемах считает: она может «остаться... стареть в моем “доме”»; она может, «если супружество сердцу ее не противно», «к отцу многосильному в дом» возвратиться, «где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым / Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он», — это мнение Афины. Хвала богам, кроме всех этих дрязг у нее сохранилась связь с отцом. Она вернется к Икарию, правда, придется отдать ей «дары», сопровождавшие ее прибытие к Одиссею. И тогда, как двадцать лет назад, вновь пойдут перед поместьем Икария тучные стада, тогда появится альтернатива для Телемаха: мать наконец предпочтет «из ахейцев того, кто усердней / Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит»; здесь или у ее отца. Но зачем покидать «дом»? Она не может

оспаривать ни одну из привилегий своего сына: при достижении совершеннолетия он должен наследовать своему отцу.

Пенелопа у себя «дома»

Верная, «многообразная» Пенелопа, так долго ждущая Одиссея, готова уже «предпочесть из ахейцев того, кто усердней ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит», одного из женихов. И тень Агамемнона предупреждает Одиссея:

«Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегись с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
[...] на верность жены полагаться опасно».

(XI, 441—3, 456)

Значит, и «многоумная» Пенелопа может быть непостоянной? Вспоминая вдов, столь быстро обжившихся в шатрах «Илиады», не делаем ли мы вывод, что у женщин гомеровской эпопеи слишком короткая память? Мы ведь нигде не можем найти упоминания о том, что Брисеида и Хрисеида оплакивали своих убитых мужей. Может, им важнее брак, чем муж? Но отбросим сомнения! В настоящее время Пенелопа довольствуется тем, что она мать, *despoina*, хозяйка «дома», уважаемая супруга, подобно Арестее, ее слушаются «ее люди». Отсутствие Одиссея ставит ее в особое положение: не «по закону супруга», а единолично «держит она “дом”». Правда, в этом вопросе авторитет мужчины является важным, но формальным: поскольку каждому известно, что именно супруга «заботится об очаге». Когда Телемах переживает кризис своей власти и упрекает мать в ее публичном вмешательстве, он вновь напоминает ей о ее прямых обязанностях: прядении и ткачестве.

Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель.

(I, 352—5)

Женщина исполняет свои обязанности в одиночку или с помощью *amphipoloi* (у Пенелопы они есть) и с помощью *tamia*, экономки «дома» и няни детей. Так Деметра говорит о той власти, которую могла бы иметь у царя Элевсина Келея:

Я и за новорожденным ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Слала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин.

Гомер «К Деметре» (141—44). Пер. В. Вересаева.

Деметре известны работы, которыми обычно занимается супруга: управление «домом», что подразумевает удовлетворение насущных потребностей его членов (семьи, близких и дальних родственников, слуг) и заботу о детях. Пенелопа в гомеровской эпосе играет одновременно две роли: она управляет как регентша землями и людьми, оказавшимися под ее властью, и она работает. Пенелопа пряжа и ткачиха. Да, она не отличается в этом от других героинь — от Гекубы, царицы Трои, ткущей *peplos* (плащ) богине Афине, от Андромахи, ткущей для своего супруга, и даже от Елены: «Елена ткань великую ткала, / Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья, / Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев» («Илиада», III, 125—7). Псевдобожественная сноровка и полное отсутствие усталости — вот на что способны героини, потому что в остальном они напоминают простых смертных, свободных и несвободных, прядущих и ткущих, ткущих и прядущих всю свою жизнь.

Девушки и женщины эпосей

Между героинями эпосей и простыми женщинами того времени такое же расстояние, как между Навсикаей и ее *amphipoloi*. Незаметный мир *amphipoloi*, что могут иметь они общего с теми, кто правит миром героинь? Задавать этот вопрос — значит переводить вымысел в реальность, и, поскольку нам не хватает документов, относящихся к этому архаичному

времени, мы не можем ни быть абсолютно в этом уверенными, ни отрицать это. Это главный вопрос для историков, не имеющих возможности на него ответить: отражало ли общество, описываемое Гомером, общество реальное? Для самих греков ответ однозначен: Гомер писал правду. Эпический текст придает глубокий смысл общему прошлому, географии, сакральности обычаев, отмечает печатью античности заимствованные позднейшие традиции. Мы же, не имея возможности проверить это с помощью археологии, можем лишь прибегнуть к индукции. Если присущие позднейшим векам обычаи, занятия, представления, правила не идентичны, а по крайней мере аналогичны миру Одиссея, следовательно, мы можем предполагать его реальность (не отрицая его странность, не забывая «литературную» природу источника). Тогда женщины гомеровских поэм в достаточной мере иллюстрируют реальных греческих женщин.

Эпопея слишком облагораживает поступки, какими бы незначительными или ужасными они ни были в жизни. Итак, покидая великое прошлое Гомера и обращаясь к классической эпохе, в поисках греческих женщин начнем с первоосновы: с тела. Отправиться на поиски этого затерянного континента — значит прислушаться к новым голосам, голосам биологов и врачей, разбирающихся в достоинствах и различиях между полами. И кто знает, о чем расскажет нам это тело?

ТЕЛО И ПОВЕДЕНИЕ

Перейти от Гомера к Аристотелю-биологу и врачам, последователям Гиппократа, — значит преодолеть трех- или четырехвековой разрыв и весьма различные точки зрения. Различные, но, разумеется, не противоположные до такой степени, чтобы современные биология и медицина могли бы счесть их вымышленными. Если поиски рационального определяют биологию и греческую медицину как «научные», то мы будем изучать чаще всего то, что является «антинаучным». Читая Гиппократа или Аристотеля, мы осознаем невероятную дистанцию, отделяющую их от привычного образа Греции, родины Разума, и поймем опустошительные последствия, вызванные их идеологией. Что подтверждает *a contrario* интерес историка к этой литературе.

«Природа создала сильный и слабый пол, чтобы у одного наблюдательность порождала страх, а у другого стремление к сопротивлению порождало отвагу, чтобы один приносил вещи извне, а другой хранил то, что внутри; и в распределении труда один приспособлен к жизни сидячей и лишен силы для жизни вне дома, а другой, менее приспособленный к спокойствию, все время пребывает в движении». (Аристотель. «Экономика» I, 3,4 1344a).

Мир полярен, организующие его силы — это силы двух полов и родов. «Природа», «божество», «обычай», «закон» управляют людьми, чтобы «исполнять... как можно лучше [их] обоюдные желания». Аристотель говорит, что «мужской пол лучше “по природе”, чем женский». Все дело в том, как согласуются провидение и правила, которые устанавливают люди. «Обычай провозглашает полезность занятий, для которых божество дает каждому больше всего природных способностей».

«Мужчина возделывает поля, занимается торговлей, покупками; женщина прядет шерсть, печет хлеб, занимается работами по “дому”».

В классическую эпоху общественное сознание, представленное Ксенофоном в его «Домострое», противопоставляет мужчин женщинам в их социальных функциях. Их основное различие выражается в пространственных терминах: один занимается внутренним, другой внешним.

Слово «специалистам»

В классическую эпоху греки долгое время считали, что мир «поляризован»* и что противоположность полов играет в этой императивной модели движущую роль. Больше всего уделяют этому внимание практики и теоретики биологии V—IV веков до н.э. До наших времен сохранились два больших текстовых блока, посвященных самкам, женщинам и женскому роду. Первый представляет собой свод трактатов Гиппократов (в действительности же их писали разные медики). Здесь большое место уделено биологии женщин, их болезням (десять из шестидесяти трактатов — по гинекологии). Другой блок составляют биологические труды Аристотеля, который, сам не будучи врачом, как его отец, не упускал случая прибегнуть к примерам из растительного или

---

* Таков путь познания, которым я предлагал следовать в работе «Греки и их мир» («Les Grecs et leur monde», Gallimard, 1998), посвященной греческим текстам. (Прим. авт.)

животного мира для подтверждения своих выводов в областях, иногда столь же далеких от них, как, например, политика, мораль или метафизика*.

Самки и самцы

Начнем с зоологических трактатов Аристотеля. Обоснованно или нет, мы считаем человеческий вид уникальным, поэтому бессмысленно обращаться к учебнику по пчеловодству для изучения различий между человеческими полами. Аристотель же не сомневается в единстве живого: животные и человек связаны, и если человеческий род заслуживает особого подхода, то не по причине какого-то природного отличия, а исключительно благодаря развитию у него того или иного качества. Человек, будучи самым совершенным животным («единственным, у кого природные части расположились в естественном порядке»), царит в этом мире. Поэтому историк, пытающийся описать различия человеческих полов, начинает, естественно, с того, что изучает этот вопрос на примере животного мира. В греческой концепции полов (людей и животных) женщина сравнивается с наивысшим животным: это самка из самок. Но если в случае женщины человек и животное налагаются друг на друга, к мужскому роду это не относится. Зоологические трактаты уходят корнями в общие биологические и психологические представления о женщине. Рассматриваемое в них поведение самок позволяет нам лучше понять природу женского бестиария Семонида.

«Даже у моллюсков, когда каракатицу ударяют трезубцем, самец спешит на помощь самке, в то время как самка убегает, когда ударяют самца» (Аристотель).

Итак, храбрость присуща самцу и, следовательно, еще больше мужчине. Вам нужно подтверждение?

---

* Здесь будут приведены цитаты из биологических трактатов Аристотеля «Происхождение животных» и «История животных» и из гиппократического свода. (*Прим. авт.*)

Пожалуйста. Слово *andreios* означает одновременно «храбрый» и «мужской». Прекрасная иллюстрация этой неустойчивой дистанции между двумя полами в животном мире: в плане храбрости лучшая из женщин может быть сравнима разве что с самым трусливым мужчиной. Все говорит об этом. Именно благодаря своей особой *physis* («природе») каждый пол обладает специфическими чертами характера. Существует прямая связь между физическим комплексом — тело, нрав — особенным для каждого пола, и его моральными качествами. Аристотель считает, различие между свободным мужчиной и рабом выражается в разной *physis*.

«Природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни»*.

Мы созданы, чтобы делать то, что делаем, быть тем, кто мы есть. Это противопоставление тела раба телу свободного мужчины проясняет для нас вопрос о теле женском: природы этих двух тел подобны, потому что две натуры, женская и рабская, близки.

«Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. [...] Но женщина и раб по природе своей два различных существа, ведь творчество природы ни в чем не уподобляется жалкой работе кузнецов...» У варваров же «женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общения раба и рабыню» («Политика» 1225b 5).

Однако всему, что создает природа (или божество), предназначены определенные функции. «Природа всегда ищет логическое завершение». Следова-

---

* Аристотель. Политика 1254b 25 / Пер. С. А. Жебелева. (Прим. ред.)

тельно, анатомия приспособляется к видам деятельности, а виды деятельности, наоборот, соответствуют физическому состоянию. У самцов кости крепче потому, что «одаренные более яростным темпераментом, [они] должны участвовать в войне». Следовательно, внешний вид и обязанности связаны друг с другом: олени имеют рога, кабаны клыки, а петух шпоры, именно потому, что «самец сильнее и храбрее», а самка боязливее.

Полы наоборот

В этой, казалось бы, стройной концепции есть слабое звено, представляющее большую проблему для такого ученого, как Аристотель. Действительно, если самки являются, как и положено, робкими и трусливыми, как быть с куропаткой, готовой пожертвовать собой ради своих птенцов, или с медведицей, «кажущейся более отважной, чем самец»? Это не укладывается в концепцию! Следовательно, когда сделанные в природе наблюдения не соответствуют главной схеме, в ход идет идеология. Лучше рассматривать существующее противоречие через *априорную* концепцию полов, чем на примере каких-то исключений. Да, медведицы и пантеры считаются более свирепыми, чем самцы. Эта «аномальная» мужественность самки проявляется у видов, которые греческий бестиарий причисляет к самым женственным. Медведица занимает в нем вершину материнства: она выкармливает детеныша четырьмя сосцами, она умеет, подобно собаке, сражаться, защищая своих детенышей, то есть превращаться в самца. Пантера находится на другом полюсе женского рода: она является соблазнительницей (подобно женщине-кобылице). Такова логика «перевернутого мира»*, где нормой является храбрость самок.

Аристотель соглашается с этим: «Род пчел доставляет много затруднений». Вначале это вопрос чис-

---

* Выражение, заимствованное у И. Гарлана (Y. Garland). (Прим. авт.)

той биологии. Предполагается, что пчелы не могут размножаться без совокупления, откуда же тогда берется приплод? Возможно, проблема в неправильном представлении об обитателях улья? Есть царица, трутни и рабочие — кто из них самцы, а кто самки? Для нас ответ очевиден, а вот Аристотель утверждает, что «без оснований считать пчел самками, а трутней — самцами: ведь ни одной самке природа не дает оружия для защиты, между тем трутни — без жала, а у пчел — у всех имеется жало». Принадлежность существа к женскому полу исключает наличие оружия*. Таково доказательство, основанное на анатомии. «Однако и противоположное также невозможно, а именно, что пчелы — самцы, а трутни — самки: ни один самец обыкновенно не заботится о детях; пчелы же это делают». Вот вам доказательство, основанное на поведении. Все это доказывает... «что пчелы рождаются без спаривания»! Аристотель ни на миг не сомневается в правильности концепции, он предпочитает отрицать очевидное. Итак, между обитателями улья нет полового различия, как считает общественное мнение: рабочие не могут быть самцами, а трутни самками, потому что рабочие заботятся о потомстве. Одновременно трутни не являются самцами, а рабочие самками, и, чтобы разрешить дилемму, Аристотель представляет пчел двуполоыми подобно растениям и носителями «пола самца рядом с полом самки»! Нечто вроде третьего андрогинного пола, описанного у Аристофана, отрывок из которого мы рассмотрим ниже.

Между тем бывает и так, что самцы и самки меняются ролями, что, в свою очередь, приводит к морфологическим изменениям. Обратный процесс тоже возможен. То, что изменение существования приводит к изменению внешнего вида, доказывает кастрация. Если кастрировать самца, «он начинает напоминать самку», его внешний вид и голос *феминизируются*. Евнухи «претерпевают деформации, превращающие

---

* Есть, правда, Афина, но она богиня. Еще есть амазонки, но это также вымышленные персонажи. (Прим. авт.)

их в женщин, действительно... артикуляция у них менее резкая, и они перерождаются так же, как у животных кастрированные самцы» (Аристотель).

Женщины и мужчины: разные голоса

Голос относится к вторичным половым признакам. Однако он имеет немаловажное значение, потому что является органом управления. Аристотель, закоренелый систематик, выделяет различные формы власти, которыми мужчина обладает в своем «доме»: как муж над женой, потому что он получил над ней власть при заключении брака («власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля»); как отец над детьми, потому что они произошли от него («власть отца над детьми — с властью царя»); как хозяин над рабами, потому что приобрел над ними власть, получив их в наследство, купив или путем насилия. Голос отца, деспота и хозяина передает его волю. Вне «дома», в полностью мужском пространстве, голос также является органом передачи политических прерогатив, включая власть над согражданами. Противоположностью этого сильного голоса, выражающего справедливость, правду и порядок, совершенно очевидно является женский голос, то есть слабость, жалобы, свидетельствующие об отсутствии порядка, болтливость и неумность: вспомните о женщине-собаке, которую муж не может «унять», она «знай лает» даже в гостях. «Ах! Как, должно быть, счастливы самцы цикад, имеющие самок, лишенных голоса!»

Итак, низкий голос — хорошо, а резкий, высокий — плохо. Низкий голос, похоже, присущ натурам более сильным.

Тем не менее такое «прочтение» мира представляет лишь видимость симметрии: если кастрированный самец приближается к женскому полу, то по логике кастрированная самка* должна приближаться к

---

* Кастрация самок практиковалась при разведении свиней. (Прим. авт.)

полу мужскому. Но этого не происходит. Ампутация у самки ее половых признаков не только не превращает ее в самца, но ведет к прямо противоположному: она еще больше отдаляет ее от мужского пола. *Стало быть, любая регрессия является уделом самки.* Если мы говорим о симметричных полюсах, имея в виду два пола, два противоположных вида («Также в союзе самца и самки необходима гармония» [*symetrie*], — говорит Аристотель о людях), означает ли это, что в первую очередь мы говорим об их соперничестве? Нет. Симметрия и полярность, на которых все основано, иллюзорны, самка не является в реальности противоположностью самца, она скорее существо, подчиненное самцу.

«Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении».

Обобщая еще шире: «...самец среди всех прочих существ есть самое лучшее; рождение же самки является ошибкой природы». Тогда к чему удивляться, что самка «нечто вроде природного изъяна», существоевнух? Все это объясняется через процессы, происходящие внутри тела.

Жидкости и их значение

Внутренние органы тела — дело медиков. Поскольку они имеют непосредственное отношение к телам страждущих, половая дихтономия мира является для них еще более содержательной. Начинается она с плоти.

«Я утверждаю, что тело женщины пористее и легче тела мужчины, это из-за того, что тело женщины выделяет влагу из утробы быстрее и обильнее, чем мужчина» (Аристотель «Женские болезни», 1, 1).

Мягкость, с одной стороны, плотность — с другой, как у животных. Плоть часто сравнивается с шерстью, способной впитывать большое количество влаги. Впрочем, и у мужчин пористостью обладают и некоторые органы, например железы, чьей функци-

ей является впитывание телесной жидкости. Чем больше женственности, тем больше пористости. В подтверждение рассмотрим молочные железы.

«Женщины производят молоко, а мужчины нет. У женщин свойством этих желез является их крайняя пористость, как и остальные части их тела...»

«...Мужчина остается плотным и крепким... [и] работа [и физические упражнения] укрепляют его тело, что ведет к тому, что он удерживает истечение жидкости».

Общие представления, которые медики полностью разделяют, сводятся к следующему: мужчина двигается, действует, производит, противостоит внешней агрессии, следовательно, ему необходима храбрость. Чем он храбрее, тем больше он мужчина; мускулистый и загорелый, он работает вне дома (в полях, в городе...), а его супруга, изнеженная и бледная, сидит дома. Женщины слабы и трусливы, потому что они женщины. Женщины слабы потому, что они сидят дома и ничего не делают. Да и дома они сидят из трусости. Таким образом, анатомия приспособляется к деятельности, и наоборот, различные виды деятельности объясняются анатомическими и физиологическими способностями, и невозможно понять, где причина, а где следствие. Одно из доказательств этой связи между видимостью и тем, что есть в реальности, — невозможность для женщины приспособиться к какому-то новому режиму. Платон, желавший учредить для них те же коллективные публичные трапезы, как и для мужчин, предрекал большие трудности.

«Как же не возбудит смеха чья-нибудь попытка на самом деле заставить женщин на людях, у всех на виду принимать пищу и питье? Ведь нет ничего, к чему женский пол относился бы с большим отвращением, чем к этому. Женщины привыкли жить, укрывшись в тени, если насильно вытащить их на свет, они станут оказывать всякое сопротивление и победят законодателя»*.

---

* Платон. Законы, VI, 781 с / Пер. А. Н. Егунова. (Прим. ред.)

Итак, мы выяснили самое существенное: все дело в женской плоти, всему причиной эти истечения жидкости. Жидкость циркулирует по телу и служит для производства самого основного: крови (так же, как и других жидкостей). Будучи очень «влажной», женщина также является очень «полнокровной», и этот избыток крови доставляет ей проблемы. К счастью, у нее есть месячные, позволяющие ей избавляться от части избыточной крови. Кровь служит питанием для зародыша, когда женщина беременна, следовательно, зародыш тоже ее расходует. Двигателем внутренних преобразований является переваривание — основная термодинамическая операция, по Гиппократу. Именно благодаря перевариванию продукты питания переходят в кровь, а из нее в другие биологические жидкости, такие как месячные крови, молоко, сперма. Кровь бывает разных видов, потому что сила мужского переваривания сильнее, потому что мужчина горячее, а женщина холоднее.

«Кровь самок отличается от крови самцов. Она более густая и черная у самок, чем у самцов того же состояния здоровья и возраста, и в периферических частях женщин крови меньше, но больше внутри*. Из всех самок у женщины больше всего крови, а что касается того, что именуют менструацией, то из всех животных они самые обильные у женщин» (Аристотель).

В общем, женская кровь влияет на отношения с богами: подобно другим проявлениям биологической жизни, таким как роды или смерть, сексуальные отношения, регулы оскверняют и отдаляют женщину от общения с бессмертными. Кровь отстраняет женщину от богов даже независимо от мужчин одним лишь опасением осквернения. Кровь наделена даже некой специфической силой, о чем пишет Аристотель:

---

* Эта полярность градуирована: «Тело женщины исторгает влагу из живота быстрее и в большем количестве, чем тело мужчины». (Прим. авт.)

«На поверхности только что протертых зеркал, стоит лишь женщине в момент менструации бросить туда взгляд, образуется кровавое пятно... [Объяснения] Во время менструации неожиданное изменение в глазах скрывается от нас по причине волнения и воспламенения крови, но оно существует (а значит, *physis* спермы и менструальных кровей одинаков) и приводит в движение воздух, а тот производит некоторое изменение и действует на поверхность зеркала» («Маленькие трактаты...», 2, 459б — 460а).

Глаза находятся «в том же состоянии, как любая другая часть тела в момент регул», то есть «испещрены прожилками», и, следовательно, с их помощью кровь регул приводит в движение воздух, и тот долетает до бронзовой поверхности зеркала и пятнает ее! Непонятно, какой мощью следует больше восхищаться: разрушающей мощью взгляда женщины на металл (Плиний добавляет сюда потемнение железного лезвия, блеска слоновой кости, почернение льна, появления ржавчины и зловонного запаха у меди...) или силой рассуждений великого Аристотеля!

Кровь — это принадлежность самки, следовательно, женщины; этот признак и удивительное регулярное выделение крови наилучшим образом характеризуют ее физиологию. Даже если регулы трудно переносятся, они являются необходимым признаком здоровья и плодовитости; их отсутствие служит причиной всех болезней. Если кровь почему-то не может вытекать наружу, она устремляется к другим частям тела, где скапливается, нанося там повреждения. Это особенно верно в случае *parthenos*. Ее девственная плева как раз и является причиной задержания прилива крови. Действительно, при *menarche* (первых месячных), во время прилива крови, она не может вытекать из тела из-за закрытия «выходного отверстия». Тогда кровь поднимается к диафрагме и сердцу и сжимает их. Таков механизм возникновения у *parthenos* «ложного желания смерти» (эпилепсии), которое

охватывает их, а остальными трактуется как проявление болезненного желания, толкающего бедных девочек к самоубийству. Поэтому врач настаивает, «чтобы *parthenoi* выдавались замуж так быстро, как это только возможно, если они страдают от этого. Потому что если они забеременеют, они сразу обретут здоровье».

Так быстро, насколько это возможно — что он хочет этим сказать? Едва наступает пубертатный период? Или даже раньше? Если требуется, девственную плеву можно прорвать до менструации. Мы еще вернемся к этому вопросу о преждевременном брачном возрасте девочек. Что же касается прекращения месячных у взрослых женщин, то это объясняют тоже психическим расстройством. Все дело в распущенности.

Воспроизводство

В отличие от Аристотеля, врачи верили в существование женской спермы. Согласно их представлениям, из этого проистекает общая гармония вкуче с производимыми жидкостями и анатомией каждого пола. Сперма является отходами процесса пищеварения после всасывания в кровь; значит, исходя из того, что мужская термодинамика более эффективна, мужская сперма «лучше приготовлена».

«Вместе с образующейся спермой плоть и эпидермис становятся пористыми, вены открываются больше, чем всегда; ибо у юношей вены тонкие и сперма не вытекает; то же объяснение действует для месячных кровей девушек. Путь открывается одновременно и для кровей, и для спермы» (Гесиод).

Следовательно, эти биологические жидкости, обе являющиеся отходами, имеют параллельные функции. *Physis* менструальной крови и *physis* спермы идентичны, если регулы являются для женщины тем же, что и сперма для мужчины, но у женщин это некая «субсперма», «нечистая», плохо текущая или даже «не текущая вовсе».

«Началами возникновения следует признать в

первую очередь мужское и женское: мужское — как заключающее в себе начало движения, а женское — как материальное начало [...] Следовательно, если мужской пол является движущимся и действующим, а женский, поскольку он таков, страдательным, к семенной жидкости самца самка будет приносить не семя, а материю («О возникновении животных»).

Самка является существом, порождающим в себе самом, поэтому земле приписывают женскую природу и называют матерью, а небо, солнце и другие тела того же пола — прародителями и отцами. Точный «сверхъестественный» образ этого идеализированного воспроизводителя представляет собой главная божественная пара теогоническо-космогонической теории Гесиода. После того как Земля воспроизвела сама себя и одна (без помощи «сладкоистомного» Эроса*) породила Урана («Звездное Небо», своего сына-возлюбленного), он не переставал ее оплодотворять. Само имя Уран, производное от глагола «uríner» (мочиться), говорит, каким был метеорологический процесс оплодотворения: в виде дождя. В этой второй фазе он является носителем, механизмом; она же является точкой приложения, она ждет его, она тело, субстанция. Это тот же образ, что образ Земли, пассивной, производящей материю и ждущей семя, противопоставляющийся самцу. В одной из известных греческих молитв верующие обращаются к Зевсу: «Даруй дождь». Затем, повернувшись к земле, обращаются к Деметре: «Зачни!» Что это за вещество, не являющееся спермой согласно Аристотелю? Это одновременно и месячные крови, и «первоначальная» материя (это та «материя», из которой Земля произвела Небо). Войти в другого, остаться в нем — разве это не отражение социальных образов, связанных с положением двух полов в мире? «Также необходимо, чтобы самка могла выносить в себе другое тело, в то время как для самца это не свойственно». Аристотель подхватыва-

---

* Доказывая таким образом, что она не только «материя», которая «воспроизводит в себе самой», но также разъединяющая основа движения. (Прим. авт.)

ет: «Но тело происходит от самки, душа же от самца, так как душа есть сущность известного тела». Следовательно, душа мужского рода (это переключается с Семонидом и женщиной, не принадлежащей роду человеческому). Какова связь между спермой и душой? Ответ прост:

«У кастрированных животных... при уничтожении одной только воспроизводительной части изменяется вместе с тем почти вся форма животного, настолько, что кажется или женской, или очень близкой к ней [кастрированные самцы, евнухи]... Ведь самка представляет собой как бы увечного самца, а месячное очищение — семя, только не чистое: одного оно не имеет — начала души» («О возникновении животных»).

Об эмбрионе и сроке его созревания у обоих полов

«Сперма является субстратом, иссушающим существо». Пищеварение заключается в дистилляции и выделении воды. Не следует злоупотреблять совокуплением; немного — полезно для здоровья, слишком — иссушает и старит: «похотливые животные, у которых много спермы, быстро стареют». Это соответствует фундаментальному закону термодинамики: поскольку самцы и мужчины горячее и производят меньше отходов, «они живут дольше самок» и женщин; вторые же, по причине своей похотливости, производят много спермы и живут меньше.

Но вернемся к истокам сравнительной истории двух полов, начиная с их зачатия. «Сперма самки более слабая и жидкая, чем сперма самца; неизбежно... что эмбрион самки становится твердым позже самца». С другой стороны, «от спермы более густой и сильной, чем сперма самки», зарождается эмбрион самца. Мужская плотность, с одной стороны, недостаток густоты, женская слабость — с другой: известная песня (виновато, понятно, пищеварение).

Мужское превосходство подтверждает, кстати, кровопотери после родов, называемые лохии, их

длительность связана с длительностью образования эмбриона, и «надо, чтобы они выходили согласно точному счету». Так, если для девочки лохии длятся сорок два дня, для мальчика достаточно всего тридцати дней. Скорость внутриматочного развития также отличается в зависимости от пола: если мужской эмбрион через сорок дней после оплодотворения обретает характерные черты и уже шевелится, женский эмбрион едва изменяется. Потому что «подобное остается (у женщин) дольше подобным подобному и дольше развивается». Иными словами, потому что в силу поляризации у них медленнее протекают процессы. Мужские ткани быстрее обретают присущие им отличия. Плевать на исторические детали, женский род гораздо хуже!

Однако в этом столь четко разграниченном мире происходит кое-что неожиданное. Женский пол ликвидирует свое отставание. «Впрочем, выйдя из матери, девочки достигают половой зрелости, обретают чувства... быстрее мальчиков». Это говорят врачи. Однако, несмотря на точные наблюдения, не стоит забывать про «идеологические очки» и то, что физиология рассматривается врачами сквозь призму обычаев. Потому эта медицинская «правда» интерпретируется как соответствие женской «природы» общественным обычаям. Речь идет об обычаях, связанных с возрастом супругов. В своем первом браке супруга очень молода, а муж весьма зрел; разница в возрасте может составлять пятнадцать — двадцать лет. Это значит, что если девушка выходит замуж в возрасте, близком к пубертатному периоду, возраст мужа далек от него. Выйти замуж вынуждает период созревания, но это также предполагает управление «домом», материнство, то есть то, что тяжеловесная концепция уничижения женского пола никак не предполагает у девочки. Что ж, она выходит замуж юной, как предписывает обычай, а чтобы от этого не страдала «природа», необходимо, чтобы это было подтверждено биологически и чтобы девочка быстрее, чем мальчик, становилась женщиной одновременно в сексуальном плане и чувственном. Она

Афина, опирающаяся на копье.
Рельеф с афинского Акрополя. Около 460 г. до н. э.

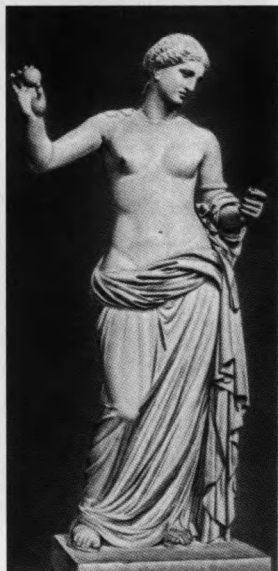
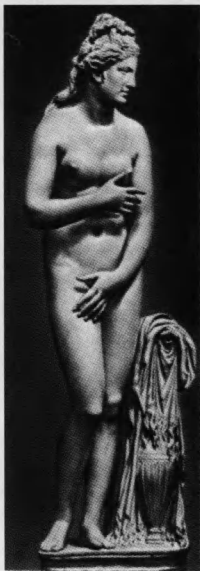
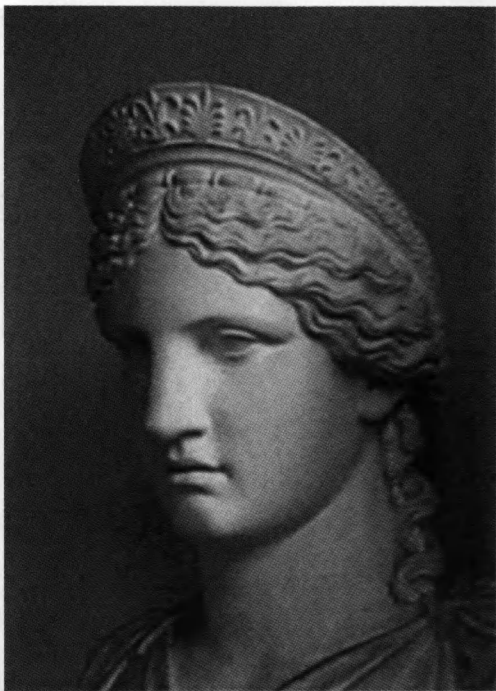
Священный брак
Зевса и Геры.
*Метопы храма Геры
в Селинунте.*
460—450 гг. до н. э.

Посейдон, Аполлон
и Артемида.
*Деталь восточного
фриза Парфенона.*
447—432 гг. до н. э.

Деметра.

Афродита. Афродита
Капитолийская.
Афродита из Арля.
*Римские мраморные
копии с греческих
оригиналов
V и IV вв. до н. э.*

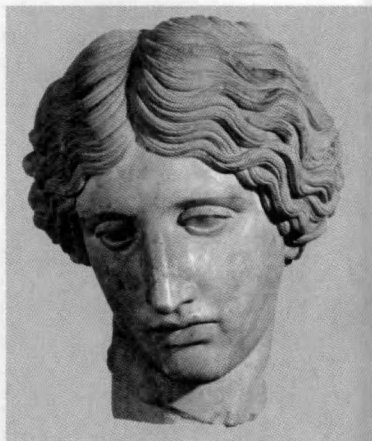
Гестия.
Римская
копия
с греческого
оригинала.
Конец
V в. до н. э.

Девушка, играющая на флейте. Женщина перед жертвенником.
Фрагменты рельефа «Трона Людовизи». Около 460 г. до н. э.

«Саркофаг плакальщиц» из Сидона. Середина IV в. до н. э.

Предметы женского туалета:
зеркальце, гребень, золотая
шкатулка.

Женские прически.

Золотые украшения:
кулон, серьга, кольца.

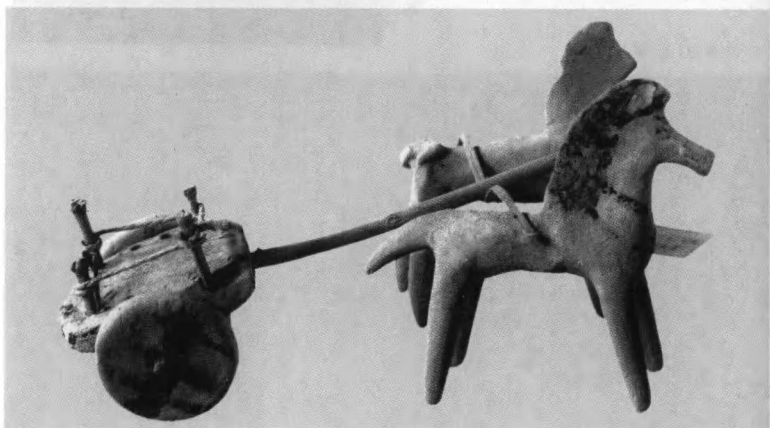
Тема материнства в вазовой росписи.

Детский стульчик-горшок.

Игрушка.

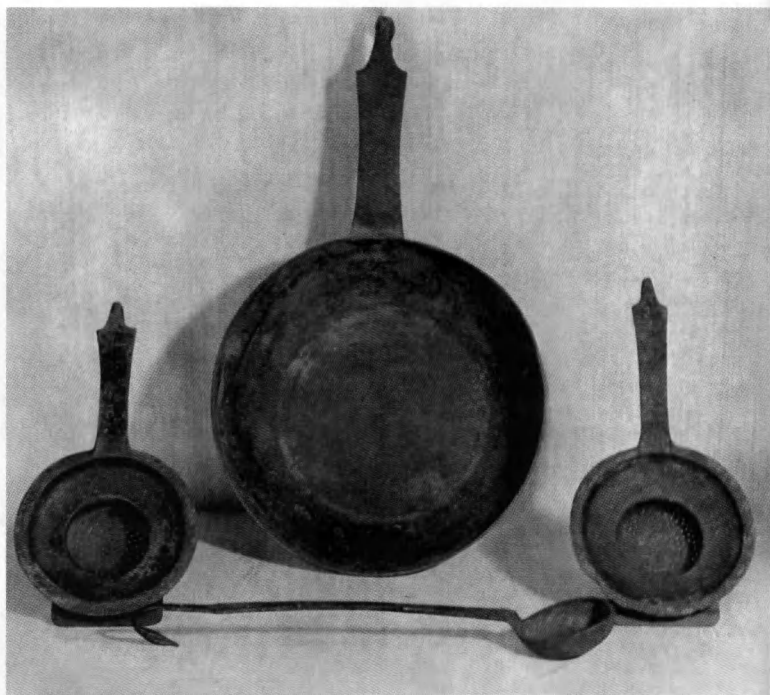

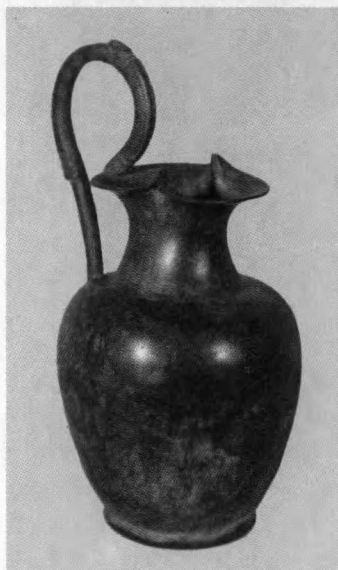
Пряхи.
Фрагмент вазовой росписи.

Печи.

Кухонная утварь.

Лекиф
с изображением
Афродиты
с лебедем.
Около 490 г. до н. э.

Женщины за туалетом.
Вазовая роспись конца V в. до н. э.

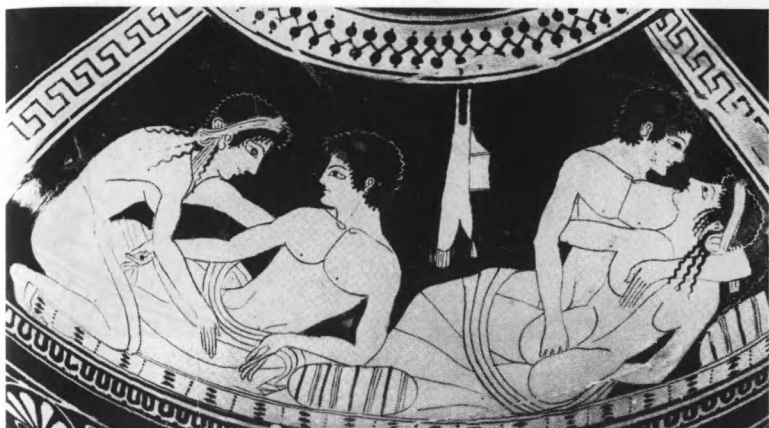

Танцующая менада.
Деталь росписи
420—410 гг. до н. э.

Акробатка и танцовщица. Около 430 г. до н. э.

Любовники на симпозионе.
Конец VI в. до н. э.

Мужчина с мальчиком.
Около 490 г. до н. э.

Любовники в постели.
Около 470 г. до н. э.

Мужчина с гетерой.
Около 485 г. до н. э.

Две гетеры. *Около 510 г. до н. э.*

Менада и сатир. *Около 480 г. до н. э.*

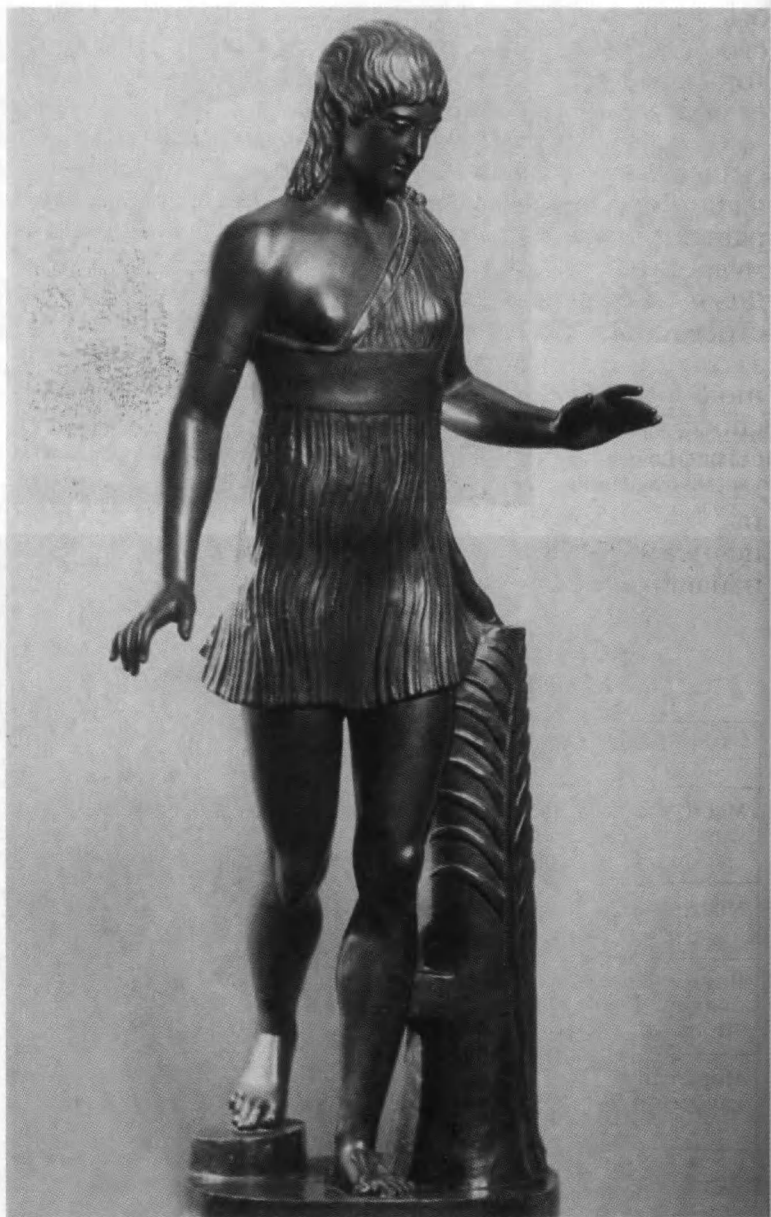

Юные
любовники.
Конец V в. до н. э.

Танец вокруг
модели фаллоса
во время праздника.
V в. до н. э.

Бегунья. Римская копия с греческого оригинала.

быстрее приходит к материнству, чем мальчики к своему взрослому состоянию, те самые мальчики, которых греческая матримониальная система оставляет некоторым образом в резерве.

С одной стороны, более полнокровные, более насыщенные спермой, более похотливые, женщины чаще умирают молодыми; с другой стороны, они раньше мужчин достигают полового созревания и мудрости. Есть ли в этом противоречие? Вовсе нет. Девочки созревают раньше мальчиков, зато они «быстрее стареют... по причине слабости их тела и образа жизни». Аристотель устанавливает двадцатилетнюю разницу в возрасте между генеративными способностями полов (пятьдесят и семьдесят лет). Следовательно, необходимо, чтобы образ жизни женщины был плохим, а тело — слабее тела мужчины, чтобы они теряли превосходство, которое обеспечивает им их раннее созревание. Чтобы быстрее изнашивались.

Сравнительная таблица полов

Области различия	Женщины (и самки)	Мужчины (и самцы)
Место в животном мире	Ближе к самкам, чем мужчины	Самые совершенные самцы
Место среди людей	Ближе к рабам и варварам	Идеальная форма; право значимости
Внутренняя полярность «Природная» среда	Центростремительная; внутренняя; малоподвижная	Центробежная; внешняя; в движении
Моральные качества	Нежность; слабость; боязливость	Сила, отвага; сопротивляемость
Чувственность	Похотливость	«Нормальная»
«Естественные» занятия	Кормление и забота о новорожденных	Сельское хозяйство; война

	хранение и приготовление пищи; работа с шерстью; управление слугами	
Положение в доме	Слева Низко	Справа Высоко
	Сзади Зло, плохо	Впереди Добро, хорошо
Плоть	Влажная, слабая, мягкая	Сухая, плотная
Кожа	Бледная, белая	Загорелая, коричневая
Голос	Слабый, высокий, резкий (плохой)	Сильный, низкий (хороший)
Аппетит	Крайний	Умеренный
Кровь	Густая, темная, обильная, центростреми- тельная	Светлая, легкая, центробежная
Сперма	Много несовершенной спермы	Мало концентрированной спермы
Переваривание крови и спермы		
— Теплоота	—	+
— Движение	—	+
Эмбрион (на первых неделях)	Бесформенный, отсталый, неподвижный, неразличимый	Рано созревший, подвижный, различимый
Половое созревание	Раннее	Позднее
Продолжительность жизни	Короткая	Длинная

Видя столь глубокое различие, мы спрашиваем себя, неужели отличие женщины от мужчины более радикально, чем, например, отличие мужчины от собаки. Но если эту мысль рассматривает Аристотель, она не является нелепой:

«Как случилось, что женщина ничем не отличается от мужчины, когда женский и мужской пол противоположны... Почему самец и самка не являются различными видами, хотя это различие полов является основополагающим... и оно не неожиданно, как цвет... но дает понять, кем является животное, самцом или самкой. Что касается пола, самец или самка, это собственные видоизменения животного; но эти изменения не затрагивают сущности; они заключаются только в материале и теле».

Сексуальность

Полиморфная любовь

«Каким путем следовать в поисках любви? На улицах ты жалуешься на жаждущую золота куртизанку. Любить деву? Твоя нелепая нежность приведет тебя в тюрьму или же к свадьбе. Меня не слишком тянет к вынужденной веселости и упоению строгостью, изливаемые на нас супругой. Измена с замужней отвратительна, чуждая любви, она приравнивается к преступной страсти. Прекрасная вдова? Порочна, жадна и еще хитрее блудницы. А стыдливая? Едва она отдастся любовному порыву, как чувствует угрызения совести и ужасается от содеянного; собрав остатки стыдливости, она отступает и кладет конец связи. Твоя рабыня? Согласен, если тебе нравится игра, но берегись стать ее слугой. Рабыня соседа? Тебя арестуют и накажут, чтобы не покушался на чужую собственность. Что же делать? Презируя некогда куртизанок, Диоген был прав, предпочитая собственные пальцы».

Сексуальное разнообразие — в этом суть греческой жизни. Широкий спектр сексуальных пристрастий может быть разделен на три части. Половые отношения между противоположными полами вполне понятны: ради воспроизводства с целью рождения законных детей для себя и города и ради отдыха (развлечения) — когда нет иной цели, кроме удовле-

творения либидо, по крайней мере, одного из партнеров. Второй тип отношений более многообразен: пара может быть одного пола и возраста — мужской и женский гомосексуализм, одного пола и разного возраста — особенно у мужчин — педерастия, может быть разнополой. Скрытая или явная иерархия довольно сложных ценностей, относящихся к каждому типу связей, взаимодействует с «персональными» вкусами: самой прекрасной является любовь к мальчику, а не к женщине; любовь женщин к мужчинам менее прекрасна, чем мужчин к детям. В гомосексуализме больше ценится мужской; более прекрасными считаются мужские отношения между взрослым и ребенком в кодифицированных ролях и позициях. Плутарх упоминает стихотворение реформатора Солона: «Всякий мужчина в прекрасные годы свои / Мечтает тешиться мальчиком нежным...» Вся греческая эротика основана на образах эротики педерастической. Несмотря на возникающие перед нами трудности, мы должны понять, что даже гетеросексуальные связи, даже отношения на супружеском ложе созданы по этому образцу. Но иерархия идет еще дальше: никто другой не имеет права вступать в педерастические отношения, ими наслаждаются только граждане. Эта красота запретна, для, например, рабов, вольноотпущенных, проституток, которым небезопасно зариться на красивых мальчиков. И, наконец, если женская проституция, к тому же часто рабская, входит в моральные нормы, распутство свободных женщин, жен граждан и самих граждан является преступлением.

В книге о греческих женщинах большую ее часть вполне можно было бы посвятить педерастическим отношениям. В самом деле, сексуальная жизнь греческой женщины во многом зависит от того, не избегает ли ее муж ради любви с ребенком того же пола. К счастью, исторические труды, появившиеся во второй половине XX века, позволяют получить представление об истинных масштабах педерастии. Однако, возможно, еще недооценена вся важность

занимаемого ею места в поливалентности греческой сексуальной жизни. Греческие мужчины, похоже, легко переходят от партнера к партнерше. У них совсем отсутствует или слабо выражено разделение в зависимости от личных вкусов: настоящая «полисексуальность». На протяжении жизни мужчина переходит от педерастической связи, где он выступает в роли *любимого*, к продажной гетеросексуальной любви, затем к любви супружеской и вновь, при случае, к педерастической связи, но теперь в роли *любовника*, и к связи с наложницей и несколькими гетерами. В определенном возрасте партнерские связи редки, например, у девочек. Разрыв в брачном возрасте создает очень сильную асимметрию, на основе которой формируется гомо- и гетеросексуальная греческая любовь. Любовь мужчины к красивым мальчикам и интерес, который он проявляет к одному из них, не противоречит тому, что он может любить свою супругу.

Полисексуальность легла в основу созданной греками антропологии, одновременно физической и социальной. Как это часто бывает у греков, они воплотили ее в этиологическом мифе. Об этом говорится в «Пире» Платона, но сам автор приписывает отцовство Аристофану.

Фантастическая антропология

Довольно долго человеческая природа была не двойственной, а тройственной. Самец «был отпрыском солнца, самка — земли, а вид, происходивший от них, — отпрыском луны». Проблема заключалась в том, что эти существа решились пойти против богов. Зевс решил положить этому конец. Можно было, конечно, просто их уничтожить. Но тогда не будет больше жертвоприношений, поклонения... Боги без людей — разве это божественная жизнь?! Тогда Зевс решил уменьшить их зловредность, разделив на две половины; и пусть успокоятся, не то он разделит их еще раз.

«Итак, когда человеческие существа были разде-

лены подобным образом, каждая половина, сожалея о второй, снова пыталась соединиться с ней. Обнимаясь, проникая одна в другую, поскольку они желали вновь стать единым существом, они в конце концов умирали от голода — они бездействовали, потому что не хотели ничего делать друг без друга... А если умирала только одна половина, а другая оставалась в живых, она вновь искала вторую и устремлялась к ней.

Этот бесконечный поиск своей половинки сделал мужчин или женщин мономанами и стал тормозить воспроизводство вида. Пришлось переместить органы воспроизводства с задней части тела, куда они были помещены во время предыдущей операции разделения, вперед, таким образом, чтобы виды погружались один в другой, «то есть орган самца в самку». После чего открывается простор для современного Аристофану Эроса: спаривание полов вытекает из этого этиологического мифа. Вот откуда мы появились — человеческие существа, разрезанные «как пашня», с нашими половыми органами, расположенными спереди, вечно ищущими свою половину. Правила, которыми мы руководствуемся при выборе половых связей, очень напоминают те, которые нам известны из учения Менделя о наследственности. Но не будем перескакивать через эпохи. Цель Зевса — продолжение рода. После всех хирургических операций каждая половинка вечно находится в поисках своей второй части; если, например, подобная половинка-мужчина происходит от некоего андрогина, она приступает к поискам своей природной половины, женщины: «именно из этого вида происходит большая часть мужей, которых обманывают собственные жены» — слишком они «женолюбивые»! «То же самое у женщин, любящих мужчин, от этого вида (андрогина) происходят супружеские измены» [слишком «мужелюбивые»]. Когда мужчина встречается женщину, у них появляется ребенок. Если же мужчина встречается мужчину, ничего не поделаешь, лучше таким мужчинам, обретя «пресыщение в их связи... успокоиться и обратиться к действию», пе-

рестав уничтожить себя в единственной страсти. Но мы не закончили рассматривать перечень возможностей:

«Женщины, бывшие частью женщины, не уделяют никакого внимания мужчинам, их склонности тянут их, скорее, к себе подобным, таков вид, произошедший от лесбиянок. Те, кто ведет свое происхождение от мужчины, ищут мужчин и, еще будучи детьми, они любят мужчин* и получают наслаждение от того, что соединяются с ними».

Здесь нас ожидает сюрприз. Обычно мы представляем мужской гомосексуализм как женоподобный, но это прямо противоположно тому, что мы видим в данном случае. В Греции тот, кто любит мужчин, является «самым мужественным». Аристофан даже защищает таких людей от тех, кто считает их бесстыдными: «Это их отвага, их мужественность, их вид самца** заставляет их искать себе подобных». Таким образом, выходит, что мальчики тем больше любят мужчин, чем больше они мальчики. Педерастический партнер еще не достиг половой зрелости, из этого следует, что его мужественность вытекает из самой культуры. Значит, прекрасные мужественные мальчики гнушаются того, что они ценят как свою полную противоположность: белизны, расслабленности, «женственности»? Кто внимательно читал биологические заметки про храбрость самца, понимает, какая дистанция отделяет мужественность от трусости. Эти самые мужественные мальчики, «став мужчинами», согласно сценарию о греческой педерастии, меняют роль пассивного *возлюбленного* на роль активного *любownika*. Когда же они становятся взрослыми, «брак и отцовство... нисколько не интересуют» этих самцов, «любящих мальчиков»; если бы все зависело только от них — к дьяволу женщин.

---

* Они предпочитают их девушкам и женщинам. Французское выражение не совсем точно; в эротической связи между ребенком и взрослым любит, ищет любви и получает удовольствие от тела партнера именно взрослый. (Прим. авт.)

** Вспомните, что это слово в греческом языке означает мужество и храбрость. (Прим. авт.)

Главное возражение — нужды города*. «Им противостоит лишь один закон». Закон, а не природа, как мы видим. А ведь это — любопытное сравнение, сделанное Аристофаном, — кроме всего прочего, не только *педерасты*, но и добрые граждане. «Когда они полностью сформируются, мальчики этого вида единственные, кто проявляет интерес к мужчинам, занимающимся политикой». Еще один вид мужественности?

Обычно это суждение Аристофана не принимают всерьез — он смеется больше, чем следовало бы. Но этот миф стоит рассмотреть не как верование, а как имитацию концепции полов. Примерно так же мы судим о стихах Семонида: развлечение, являющееся первой его целью, тем больше, чем ближе аудитории точка зрения, положенная в основу повествования.

Закоренелые холостяки

Что предпочесть, если все решения, предлагаемые мужчине, плохи? Софист Антифонт рассматривает их подробно, принимая за исходную точку отсчета брак.

«Один день, одна ночь — и этого довольно, чтобы дать начало новой жизни, новой судьбе. Брак — большой риск для мужчины: если союз не будет гармоничным, как избавиться от подобной напасти?» (фрагмент 17)

Не стоит считать, что в этом отрывке говорится о плохой супруге; речь идет о его собственных проблемах.

«Развод [грек говорит «отправка»] — плохое решение, делающее врагами друзей, тех, кто ранее имел одни мысли и сердце — и это при том, что до брака ты был принят благосклонно...»

Нежная супруга превратилась во врага, все сожаление сконцентрировано на осознании разрыва дру-

---

* Но не единственное, ниже будут перечислены еще несколько причин, заставлявших супружескую пару рожать детей. (Прим. авт.)

жеских отношений. Еще задолго до Клода Леви-Строса Антифонт представлял брак скорее как союз — «горизонтальная» связь», — чем как контракт с целью воспроизводства. Но что делать? Стоит ли сохранять эти социальные отношения ценой домашнего ада, когда, «веря в грядущее наслаждение, женился на страдании»? Тем не менее, и мы вновь в этом убедимся, супружеская любовь существует. Вспомним Ахилла: «добродетельный муж и разумный / Каждый свою [*alochos*] бережет и любит». «Что может быть приятнее... для мужчины, чем любящая женщина? Что может быть слаще, особенно в юности?» — заключал Андриотон... Но все это лишь уловки, появится ли наконец тот, кто нас в этом уверит?

«Но это же наслаждение несет также стоящее совсем рядом с ним горе: радость не приходит одна, ее сопровождают несчастья и испытания».

Мы не ошибаемся, Антифонт не приписывает боль и несчастье осознанию супружеской неверности или представлению о том, что брак является могиллой любви.

«...Если бы я имел второе тело, второго меня, я не смог бы жить, так как мне пришлось бы заботиться о его здоровье, о его каждодневном завоевании жизни, ради того мнения, которое бы о нем сложилось, ради его мудрости, чести, репутации. Итак, что же было бы, если бы у меня был другой “я”, представлявший подобный предмет заботы? Ясно, что жена, когда она не любима, является для мужчины причиной заботы и волнения, которые можно было бы направить на него самого, ибо речь идет о здоровье двух тел, жизни ради двоих, мудрости, чести».

Любит он или нет (любит она или нет — подобная альтернатива не рассматривается...), это ничего не меняет; слишком тяжело для мужчины бремя обязанности жить для двоих. Причина, вызывающая душевные и телесные страдания мужа, — страх, в котором он пребывает, видя у своей жены отсутствие необходимых качеств, придающих ему цену в обществе: *doxa* — «доброе мнение», *sôphrosynè* — «благоразумие», *eukléia* — «слава», «репутация». Он страшится

потерять свой облик из-за недостойного поведения супруги. Лучше обойтись без этого!

«Что будет, если появятся дети? Тогда жизнь становится полна забот, душа теряет юношескую легкость; и даже лицо меняет свое выражение» (Антифонт).

Женщины и мужчины: виды или полы?

Врачи и комедиографы близки в своих рассуждениях по поводу женского пола. Нимфоманам хватает нимф.... Сексуальные распутства, раздвоение личности, потеря контроля над собой, истерия: все болезни проистекают из одного женского генитального механизма, все расстройства, жертвами которых одни они и становятся. Конечно, мы это предвидели: более полнокровны, более насыщенные спермой, более похотливы самки и самка из самок — женщина. «Болезни, называемые женскими: матка есть причина всех этих болезней» (Аристотель «Женские болезни», 4, 57). Аппарат воспроизводства принадлежит женщине, ее здоровье зависит от него. У нее в теле, в животе, находится любопытный орган, являющийся более чем органом — животным. Это известно всем, даже Платону.

«[...] у женщин та их часть, что именуется маткой, или утробой, есть не что иное, как поселившийся внутри них *зδον* [зверь], исполненный детородного вожделения»*.

Итак, это изменчивое животное, над которым (редкий случай мужской снисходительности?) женщина практически не имеет власти. Матку наделяют всем набором органов, подтверждающих ее автономию: двумя ртами, одним внизу и одним сверху, шей, губами. Это целая система.

«Когда зверь этот в поре, а ему долго нет случая зачать, он приходит в бешенство, рыщет по всему телу, стесняет дыхательные пути и не дает женщине вздохнуть, доводя ее до последней крайности и до всевозможных недугов».

---

* Платон. Тимей, 91 / Пер. С. С. Аверинцева. (Прим. ред.)

За неимением успокаивающих ее сексуальных связей, в отсутствие беременности, нагружающей нижнюю часть тела, *zôon* страдает, он высыхает. Недостаток влажности приводит его в движение. В то время как сперма, увлажняя, исцеляет его.

«Если [женщины] имеют связь с мужчинами, они здоровее; если нет, им хуже. Потому что матка во время соединения становится влажной, а не сухой; когда же она сухая, она яростно сжимается и больше, чем следует; и яростно сжимаясь, она заставляет страдать все тело» («О размножении», 4, 3).

Истерия есть болезнь желания. Она вызывает состояние подавленности, характеризующееся молчанием (сжатые зубы), мертвенно-бледным оттенком кожи, частым дыханием, оцепенением, являющимся псевдопотерей сознания. Единственным желанием является стремление к смерти. «Задушенная снизу, женщина пытается найти путь наверх и вешается», — пишет Л. Бодиу*. Совокупление или беременность позволяют избавиться от этого желания повеситься, потому под угрозой оказываются именно девственницы и женщины, прекратившие регулярную сексуальную жизнь: юные вдовы, молодые матери. Врачи сходны в своих советах:

«Вот как лучше всего поступить со вдовой: лучше всего ей забеременеть. Что касается юных дев, им лучше всего выйти замуж» («Женские болезни», 2, 127).

«Юным девам я рекомендую во избежание подобных случаев как можно скорее выйти замуж; в самом деле, если они забеременеют, они выздоровеют» («Болезни юных девушек», L. VIII, 468).

Отдавая дань традиционному женоненавистничеству, комедиографы соглашались с врачами. Достаточно послушать Лисистрату, одну из самых известных героинь Аристофана, которая, пытаясь заставить мужчин заключить мир, замышляет забастовку женщин. Однако она сомневается в стойкости своих сообщниц: справятся ли они с воздержанием, не спасуют ли они первыми перед своими либидо?

---

* В своей книге о крови греческих женщин, вышедшей в печать в Университете г. Ренна. (Прим. авт.)

«Постыдный нрав ваш, женский, слабый!» И действительно, одна из заговорщиц жалуется: «Всего страшнее *это*, о Лисистрата!» Следовательно, женщин невозможно излечить от безумств! Эти охваченные огнем самки способны лишь утолить свои желания! Словарь комедиографа раскрывает, насколько сексуальное желание женщины отличается от желания мужчины.

Чтобы описать сексуальную привлекательность, если речь идет о мужчине, комедиограф использует глаголы, которые можно квалифицировать как «человеческие», например *philein*, «любить». И только в применении к женщине он использует более сильные выражения, например, *anathian*, первое значение которого — пылкость свиньи. То же относится к использованию терминов, производных от *kaprios* — «кабан»: *kapria* — «матка свиньи», *karaitē* — «быть во время гона, течки», о женщине говорится: *kapraō* — «свинья» или «развратная женщина». А вариации слова *skuzao* — «быть охваченным пылом» — употребляются как для собак и кобыл (Аристотель), так и для женщин (Кратион и Фринихос).

В комедии свинья — это женщина, чаще всего старая развратница, и выражение это использовали многие авторы старинной комедии: Ферекрат, Эрмиппос и Аристофан. Уже вошло в поговорку: «У старухи вновь началась течка». Когда это желание совокупления дополняется пьянством, мы получаем крайность: свинью в период течки, пьяницу и ведьму — таковы старухи, блудницы... Когда хотят сказать о женщине плохо, говорят: старуха и блудница. Параллельно в комедии высказывается мысль, уже отраженная медиками, что хотя мужчина тоже испытывает наслаждение от коитуса, он не должен им злоупотреблять, это иссушает. Злоупотребляют этим исключительно женщины, особенно зрелого возраста: молодой человек из «Женщин в народном собрании» вынужден день и ночь заниматься любовью со старухой: «Вот крепко присосалася / Старуха к юноше, как к камню устрица!» Очевидно, это непомерное либидо является следствием мужских страхов, уже

упомянутых у Семонида и Гесиода, боязнь перед женской утробой, поглощающей мужчину. Послушаем двух старцев, изменивших свою точку зрения по поводу развития мира после того, как власть была захвачена женщинами:

БЛЕТТИР: Опасно лишь одно моим ровесникам:

А вдруг, кормилом завладевши города,

Они понудят нас насильно...

ХРЕМЕТ: Что еще?

БЛЕТТИР: Их прижимать.

ХРЕМЕТ: А что, когда не в силах ты?

БЛЕТТИР: Без завтрака оставит.

ХРЕМЕТ: Постарайся же,

Сумей, дружок, и прижимать, и завтракать.

«Женщины в народном собрании». Пер. А. Пиотровского.

Страх не насытит сплетниц, ужас голода; старые страхи, страхи голодных мужских и женских утроб, но мы знаем, что они похожи!

Мужской способ заниматься любовью с женщиной

Как мужчины говорят о своей сексуальности? Они публично демонстрируют силу своего либидо. Весь город полон *phalloi* (фаллосы), всех видов, всех цветов, всех размеров, но всегда утрированных. Мужской пол заполняет все; его показывают и о нем говорят, разве это не проявляется в лексике античной комедии? Необычайное вербальное измышление, доказательством которого является комедия на тему человеческой сексуальности. Она, очевидно, многим обязана таланту поэтов, «царей смертных» (но нам почти ничего не известно о возможных заимствованиях из разговорного языка и аргю). Она создает некоторый образ половых органов и сексуального акта с достаточно однообразной и веселой точки зрения. Сексуальный акт является наслаждением, он проходит в веселой, радостной атмосфере. Глаголы и выражения воскрешают в памяти мысль о движении мужчины в направлении женщины. Этот вектор описывается с помощью вокабул, заимствованных из непосредственного окружения.

Мы в Афинах, морском городе, и множество образов переключается со словарем морских выражений. Совокупляться — значит «таранить», как это делает военный корабль, погружающий свой таран в корпус противника; «конопатить» (старуха является кораблем в плохом состоянии, а молодой человек сознается, что приходится «довольно долго ее конопатить»). «Управлять», «маневрировать». Все моряки — настоящие матадоры мужественности, как саламинцы (обитатели соседнего острова): «Мой муж — настоящий саламинец — маневрирует мною всю ночь», и схоласт в этом пассаже объясняет, что саламинцы считаются настоящими морскими волками, сильными гребцами, а также сильными любовниками, когда возвращаются, страстные и пылкие, на супружеское ложе! Та же модель гребца используется в случае с Адонисом у Платона-комика, когда герой, любимый одновременно Афродитой и Дионисом, должен удовлетворять их одновременно (!): «Афродита тайком управляла с ним веслами, то же делал и Дионис».

Используются также выражения из повседневной жизни: «давить» (виноград, чтобы сделать из него водку), «вынимать» (зернышки из граната, «удалять семечки»); «дробить» (игра слов: *koris* — «дробить» и *korè* — «девушка», «дева», откуда «лишать девственности»; «грызть» (печенье, сласти), «подавлять» (женщин). Еще более сильное — «разворотить» (женщине нравится, если ее разворотить); также «налегать», «давить» (раб «давил свою хозяйку всю ночь на ароматном ложе»), «протыкать». Очевидно, свое влияние оказывает и домашняя жизнь: «разжечь жаровню» (в «Мире» герой, надеясь на перемирие, предвкушает «разжечь жаровеньку с подругой»). Сельская жизнь и работы в поле, считающиеся мужскими, предлагают множество достойных вариантов, по крайней мере для самых требовательных. «Вспахать» — так о дочери говорит молодому зятю отец («Передаю тебе эту девушку, чтобы ты *вспахал* ее законными детьми»). Мечтать о вспашке — значит мечтать о женщине; мечтать о зернах — значит

мечтать о детях. Женский половой орган часто называют «лугом», «равниной», «садом». «Рыхлить», «дробить» («ты так прелестно меня дробил»); «пропалывать» («Если, видя девочку, некто ее желает и хочет весело прополоть...»), а потом «вскопать», «обработать», «засеять».

«Сладкая жизнь», порождаемая миром и удовлетворением основных желаний (насыщающих желудок и половой орган), связана с его продуктами: «собирать фрукты», особенно «фиги», один из аналогов женского полового органа («собирать фиги»); «Я видел во сне Изократа подругу, Ладиску, и фиги ее собирал» (Стратис). Не будет большим преувеличением сказать, что основы философии Аристофана заключаются в высказывании: «Счастливым жить и фиги собирать»; («собирать виноград»: хор пахарей спрашивает: «Что делать с этакой красоткой?» — «Виноград срывать», — отвечает Тригей, чье имя означает «Сборщик винограда»). Эта близость с природой объясняет также близость с животным миром: «делать птицу», «делать трясогузку» («Нагнись-ка в ритме трясогузки»).

Неудержимое возвращение женоненавистничества

Этот словарь «мило» описывает мужскую любовь к женщине, придавая любовному акту образ счастья. В комедии гетеросексуальное наслаждение занимает вовсе второе место! Но под безумным на первый взгляд разнообразием слов и весельем таится тема насилия. Насстораживают многие глаголы: «таранить», «давить», «грызть», «нападать», «бить», «ворошить», «дробить», «разворотить», «бороться... У Аристофана так говорят даже женщины. Именно женщина (в сопровождении рабынь и одного мужчины) восклицает в сексуальном контексте: «Бесчестья моего ты хочешь?!» И наоборот, молодому человеку говорят: «Не бойся», старуха «тебя не обесчестит». Действительно, в «Женщинах в народном собрании» во имя «женского братства» «постановили женщины, когда юнец / С молодкою захочет пе-

респать, сперва / Пускай прижмет старуху». Муж жалуется: «Жену мою он обесчестил». Аристофан также использует много глаголов, означающих «овладевать» или «применять силу, чтобы овладеть»; например, «бросить на землю», чтобы овладеть девушкой.

Он и его коллеги также широко используют слово «бить». Хуже того, некоторые сцены свидетельствуют, что идея насилия содержится в самой идее отношений. Когда молодой человек заявляет, что собирается биться в ее дверь, девушка понимает: дверь — это ее половой орган. Праксагора говорит, что не боится, что лучники ее «потащат», потому что она знает в этом толк и «ее не взять на передок». Разумеется, это фарс, но дыма без огня не бывает. Греческое мышление уподобляет женщину рабыне. А рабские отношения предполагают физические наказания.

Как лучше показать место женщины в сексуальных отношениях в греческой античности? Все средства хороши, чтобы «оправдать» обладание этим предметом наслаждения: боевое насилие, как то, что отдало Брисеиду и Хрисеиду в руки Ахилла и Агамемнона; покупка, наследство, наем, передающий в классическом городе рабыню в руки хозяина (или его соседа, как тот персонаж Аристофана, заявляющий о своей мечте «схватив прелестную лесничиху, рабыню Стимодора, швырнуть ее на землю и косточку из вишни вынуть!»), плата, передающая проститутку в распоряжение клиента; брачный контракт, утвержденный обычаем и законом, превращающим мужа в эксклюзивного владельца супруги. Везде и повсюду одни и те же отношения подчинения, зависимости и повиновения, формула проста, но эффект гарантирован, предмет находится в руках мужчины.

Артемидор в «Соннике», варианте толкователя снов, рекомендует своим коллегам обращать самое пристальное внимание на детали и приводит такой пример:

«Одному человеку, у которого был болен сын, приснилось, что он взял своего сына и *испытал от это-*

го наслаждение. Сын выздоровел*: действительно, мы определяем главные слова “обладать”, “проникать”, и “осуществлять обладание”, но самое главное здесь “испытывать наслаждение”. Другому человеку, у которого болел сын, приснилось, что он обладает сыном и *испытывает от этого боль*, и сын умер: здесь главное “быть испорченным”, “быть взятым”, и “умирать”, но толкование извлекалось из слова “испытывать боль”».

От одного сна до другого целое расстояние, разделяющее активный и пассивный гомосексуализм. Сводка привычных сексуальных противоположностей и господства. «Обладать» — значит «иметь в своей власти» существо, объект, чтобы извлекать из него пользу. Идет ли речь о теле, половом акте, или «выгоде» — это одно и то же. Что касается «проникать» — это *pérainein*, а «проникать во что-то» означает также «иметь сексуальную связь», а еще шире можно сказать «доводить до конца», «до хорошего конца», «кончать». У того же Артемидора:

«Иметь сексуальную связь со своим рабом, женщиной или мужчиной, хорошо: поскольку рабы являются принадлежностью сновидца. Также это означает, что сновидец получит выгоду из своей собственности и что она приумножится и станет более обширной».

Все толкования позитивны, следовательно, *наслаждаться* во сне собственным сыном означает выигрыш.

«Быть взятым», *pérainesthai*, это, очевидно, обратная сторона, это влечет за собой «развращенность», «осквернение», но еще больше «разрушение», «смерть». Альтернативные термины являются антиподами: обладание-наслаждение-жизнь, подчинение-осквернение-смерть. В другом пассаже Артемидор говорит о двух вариантах — обладать и быть взятым.

---

* В противоположность «нормальной» диагностике, говорящей, что для сына, «которому нет еще пяти лет, это означает смерть». Потом в тексте описывается сын от пяти до десяти лет, потом старше десяти лет и, наконец, сын, «ставший мужчиной». (*Прим. авт.*)

«Для второго партнера-мужчины, если им обладает более богатый или старше по возрасту — это хорошо, ибо от таких людей обычно идет прибыль; но если им обладает более молодой или бедный — это плохо: ибо обычно таким людям отдают часть того, что имеют. То же самое, если тот, кто обладает, старше и беднее».

Феминизация

Не все мужчины способны достойно выполнять мужскую роль. В Греции таких выявляли довольно просто: две фаланги солдат лицом к лицу, и ни одного укрытия. Иначе как граждане узнают, что среди них есть такие, кто в разгар битвы способен бросить свой щит и бежать, подставив врагу свою спину, а не грудь. А страх, как известно, качество женское. В Спарте, самом «мужском» греческом государстве, трусов выявляли в прямом физическом столкновении, то есть в бою, и лишали гражданских прав. Впрочем, способы отторжения таких мужчин имели разные формы. В Афинах, например, некий Клеоним стал настоящим козлом отпущения для Аристофана — в одной из сцен в «Облаках» Клеоним переделяет (в грамматическом смысле) свое имя так, что оно звучит как имя женского рода. Неудивительно, что его описывают, как толстого (то есть «изнеженного») и прожорливого (классическое женоненавистничество); это ненастоящий мужчина, евнух, словом, женщина. Предать товарищей в бою — значит опуститься на низшую ступень, превратиться в женщину. В произведениях Аристофана есть несколько персонажей, называемых «извращенными». Они — объекты хулы и презрения, они ведут нелегкую жизнь. Обычно это взрослые мужчины, играющие в гомосексуальной паре пассивную роль, то есть абсолютно подчиненную. Те, кому это нравится, кто находит в этом наслаждение, презираемы обществом. Анальное гетеросексуальное проникновение не присуще супружеским отношениям, но оно возможно с проститутками. Женщина, сильно

изогнувшись вперед, подставляет свой зад стоящему партнеру. Сцена эта часто выражает социальную природу связи, изображая передачу денег и сопровождающую ее мужскую жестокость. Это подчиненная поза, так же как педерастическая связь, в которой зад наделен всеми прелестями, «облагораживается» теми же атрибутами, что и женский половой орган — фигой и распускающимся бутон розы.

Этим двум эротическим гетеро- и гомосексуальным фигурам соответствует один образ господства, одна власть, принадлежащая взрослому мужчине. Брать в зад — значит доминировать. Афишировать это — значит оскорблять, обрекать другого на бесчестье. Известно, кто в подобных случаях «трус», и кто, как комментирует это Д. Коэн*, «спускает свои штаны», и кто «становится мужчиной», а кто «становится женщиной». На афинской картинке середины V века до н. э. изображены согнувшийся персидский солдат, афинский гоплит (тяжело вооруженный), приближающийся к нему сзади, держа в руке напряженный фаллос. Мы берем персов в зад! Понятно, что у этой картинки политический подтекст. Она символизирует одержанную греками победу под Евримедоном в 466 году до н.э. Варвары, в данном случае персы, представлены здесь изнеженными, плаксивыми и женственными.

«В Кортине, когда один мужчина был взят на месте преступления на чужом супружеском ложе, он предстал перед судьями и, признавшись в содеянном, его увенчали шерстью. Венец изобличал его, как развращенного, женоподобного и фатоватого, нравящегося женщинам».

Великолепный пример того, как опасно переносить свои собственные ментальные категории в изучаемую культуру: гуляка, любитель женщин в нашем привычном понимании скорее относится к категории наиболее мужественных, а греки причисляют его к женскому роду. Сопоставление не из-за противопо-

---

* «Law, Sexuality and Society», Cambridge, 1971. (Прим. авт.)

ложности, а по подобию: соблазнитель является подобно женскому полу игрушкой своих наклонностей. И наказание еще больше раздувает этот недостаток. Шерсть — абсолютно женский предмет, она свидетельствует об изнеженности, отсутствии мускулатуры в связи с пребыванием в замкнутом пространстве, она унижительна, потому что свидетельствует об отсутствии движения, удела мужчин. Она ведет к потере права. Взять хотя бы Геракла. Совершенный мужчина, но, стоило ему предаться своей неутолимой страсти, которую он подпитывал ради Омфалы, и его ноги уже опутаны нитью! Геракл прядет, какой кошмар!

Изнеженность, вот отчего происходит феминизация. Афинам все время противопоставляются обычаи Ионии (западная Малая Азия), как свидетельство изнеженности нравов по причине растущего недостатка и общей распущенности: мужчины там носят тонкие ткани, принимают двусмысленные позы, все это слишком женственно в сравнении с очень грубыми обычаями собственно Греции: простой жизнью и физическими упражнениями. В этой сексуальной географии изнеженная Иония противопоставляется мужской Спарте. Афины находятся где-то между ними. Греки пытались выяснить причину такого изменения, о чем свидетельствует история Салмациса Галикарнасского об источнике на берегу Малой Азии. В «Географии» Страбона ставится вопрос: почему утверждается, будто вода этого источника «изнеживает»? Витрувию известно, что она превращает «нормальных» мужчин в «пассивных гомосексуалистов». Витрувий опровергает, что эта вода действует на сексуальность (*venerio morbo*), все дело «в ложных слухах, разносящих это мнение по всему свету» (!). Доказательством служит тот факт, что варвары, изгнанные греками в эти горы, пили из источника воду, поодиночке или группами, и меняли свой образ жизни, сперва весьма грубый и основанный на разбое, на цивилизованный, культурный образ жизни греков. Галикарнасский источник — вот откуда мог начаться «процесс окультуривания». Он размягчает душу варвара прелестями ци-

визации. Страбон тем более не верит в «феминизацию» путем потребления воды из этого источника: «Настоящая причина [...] скорее в богатстве и распущенном образе жизни». Греческая историография во главе с Фукидидом рассматривает как прогрессирующий процесс отказа от оружия и проникновение наготы в атлетические состязания и, что более важно, мягкую урбанизацию, проистекающую от ионического влияния. Но тот, кто говорит об Ионии, говорит о богатстве, роскоши, изысканности нравов, о легких тканях (эротических), об известных куртизанках (с которыми мы сможем получше познакомиться в главе 5), тот говорит о женственности, как, например, Фукидид:

«Афиняне [привилегированные классы] прежде всех перестали носить оружие в мирное время и в условиях спокойствия перешли к более пышному образу жизни [*tryphêrotos*, “изящество”, но также “слабость”, “женственность”]. Только недавно* пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности [*abrodiaton*, “изящество”, но также “слабость”, “женственность”], как ношение льняных хитонов и сложные прически, закалываемые золотыми булавками в форме цикад».

Эта концепция прогресса нравов в направлении смягчения человеческих отношений оказывается привязанной к женскому роду. Фукидид был чувствителен к эволюции, которая началась в зажиточных классах. По другим признакам и в Афинах второй половины V века до н. э. происходила подобная прогрессивная «феминизация», о чем свидетельствует появление в иконографии сюжетов о «доме» и сцен, в которых доминируют женские персонажи.

Женские способы заниматься любовью

Активность или пассивность? Все зависит от партнера. В продажной любви женщины часто играют активную роль. О чем свидетельствует серия любов-

---

* Фукидид писал в конце V века до н. э. (Прим. авт.)

ных эпиграмм, сопровождающих приношение женщинами хлыста Афродите.

Хлыст этот гладкий и блестящие вожжи — дар,
Принесенный Плангоном под портик в честь Филианис пылкой...

Для чего же служит хлыст?

Я, Лисидика, ныне тебе, о Киприда, дарю плетку свою верховую
И шпору золотую с прекрасной ноги, что коня понукала, того,
Что лежал на спине, но шкуры его шпора моя не вредила,
Ибо быстро доехал он до конца...

Для удовлетворения пристрастия клиентов к пассивному наслаждению Лисидика пользуется специальным приспособлением, доводящим их до нужной кондиции с минимумом движений; что избавляет ее от тех ударов хлыстом, которыми *pornai* (проститутки) награждают клиентов в подобных обстоятельствах. Снова насилие.

Послушать Лисистрату Аристофана, война — это катастрофа, забирающая у женщин мужчин («По ним вы не томитесь, кто детей вам дал?») и любовников. В довершение ко всему, один из главных союзников Афин, Милет лишает их... Чего бы вы думали? О чем так страдают Афины? О солдатах, щитах, хлебе, вине? Ничего подобного. Вслушайтесь в эти слова: «От самого милетского предательства / И пальчика из кожи я не видела, / В печальной доли вдовьей утешителя». Этот предмет лучше представляется в переводе Дебидура: «Ни одного из этих трех предметов ручной работы, которые предлагали нам их полфута эрзац-удовлетворения из вываренной кожи». В Греции господствуют два способа мастурбации. Диоген Кинос, решительный и протестующий, «желающий общества женщин, отрицающий ценность брака, восхваляющий свободный союз по воле и согласно склонностям каждого», шокирует публичной мастурбацией. «Дождя в небе так же довольно для восходов, как потирать живот, чтобы успокоить плотский голод». Позор, это не мастурбация, а бесстыдство! Но дело в том, что кроме нетипичного для греков вопроса об эксгибиционизме ставится, похоже, вопрос о самом акте. Общественная мораль, судя по всему, не

очень озабочена законным или незаконным характером получения удовольствия от своего собственного тела. Это скорее общепринятый способ. Так же, как не носят собственное бремя, а заставляют его нести другого, так же, как не читают, а заставляют читать, так же получают максимальное удовольствие, заставляя мастурбировать, а не мастурбируя; и напротив, какое унижение мастурбировать, выполняя одну из разновидностей «работы телом» (выражение проститутки).

Другой способ — это искусственные фаллосы. Мы знакомы с ними по литературе и живописи. Огромные, часто украшенные на конце глазом (зооморф, антропоморф), иногда с крыльями в основании; мы обнаруживаем их на картинах — собранные в пучки в корзинах, а также в руках обнаженных женщин. Живопись показывает несколько сцен мастурбации и взаимных женских прикосновений, но что касается фаллоимитаторов, то их значительно больше. Но как определить важность подобного инструмента, если в нашем распоряжении лишь намеки? Он является частью предметов, характеризующих жизнь проституток, а также других женщин, включая жен. Заслуживает внимания другое: использование фаллоимитатора, похоже, вовсе не предполагает уединение. Во всяком случае, женщины говорят об этом свободно. В пантомиме Герондаса «Подруги» Метро рассказывает Коритто, что видела великолепный ярко-красный искусственный фаллос у «Носсисы, дочери Эринны», которая сама получила его в подарок от Евбулы, жены Битаса, да и у нее самой тоже есть на что посмотреть.

МЕТРО. ... Кто тебе его сделал? Во имя любви, скажи... Умоляю, милая Коритто, не лги, кто его сделал.

КОРИТТО. Зачем так умолять? Мне сделал его Кердон.

МЕТРО. Какой Кердон, скажи. Потому что их два...

КОРИТТО. Ни один из двух, которых ты имеешь в виду, Метро... Этот работает взаперти, чтобы продавать тайком. Но его работа, что за работа! Тебе показалось бы, что это рука самой Афины... Завидев их, меня охватила зависть (потому что он принес два, Метро), я не поверила своим глазам. У мужчин (между нами) никогда не бывает такой твердости. А кроме того, гладкость — просто мечта! Кажется, будто прикасаешься к шерсти, а не к коже! Сколько бы ты ни искала, не найдешь для женщины лучшего сапожника.

Мы за пределами Афин, в III веке до н.э. Теперь женщины наслаждаются неизмеримо большей свободой передвижения, но вся эта «жизнь», вращающаяся вокруг искусственного фаллоса, кажется несколько странной. И возникает сомнение: не существовали ли искусственные фаллосы только в головах мужчин, не представлявших других сексуальных наслаждений женщинам, кроме тех, которые они придумали на тему, связанную с проникновением? Так, говоря о сексуальных отношениях между лесбиянками, Артемидор в своем «Соннике» использует глагол *pérainéin*, «проникать», и описывает случай, когда одной женщине приснилось, что она «проникла» в другую женщину тем, о чем женщина мечтает, чтобы в нее «проникла» этим другая женщина. До чего же дошло мужское представление о мире? Как же нам быть: верить в удивительную мужскую вседозволенность или признать, что это чистейшая выдумка. Вероятнее всего, речь все-таки идет о преувеличении. Сцены мастурбации достаточно часто появляются в живописи, в гомо- и гетеросексуальном контексте. В этом случае мужчин мастурбируют женщины — часто старухи, — они заставляют заниматься с ними любовью. Мужчина не проявляет никакого внимания к половым органам своей партнерши, повсюду изображены женщины, оказывающие внимание мужчинам.

Женщины являются фактором возбуждения, женское слово — зачинщиком беспорядка. Тема опустошительного женского сексуального стремления идет рука об руку с темой распушенности, следовательно, с темой неверности. В комедиях женщины обманывают своих мужей: «Имеют все [...] по общему согласию, всегда готового на все любовника». Однако если женщины того века чаще выглядят жертвами, чем мужчины, то только внешне, поскольку мужчины считают, что бесконтрольное увлечение роскошью является скорее женским, нежели мужским качеством. Греки объясняли это тем, что женщины испытывают гораздо больше трудностей, чем мужчины, в самоконтроле.

Что же в них происходит?

Второй довод вытекает из экзистенциального ужаса. Загадка возникает вместе с телом и развивается вместе с ощущением, которое оно доставляет; греческого мужчину беспокоит странное поведение женщины. Об этом он думает чаще, чем следовало бы, и вот, как это не раз бывало, впечатление об этих его фантазиях приняло форму мифа, мифа о Тиресии.

«Тиресий [...] увидел [...] змей, собирающихся совокупиться. Он ранил одну и внезапно изменил внешний вид. Из мужчины он стал женщиной и соединился с женщиной. Но Аполлон дал ему понять через оракула, что, если таким же образом он ранит другую змею, то вновь станет таким, как был раньше. Тиресий исполнил то, что велел ему бог. Так он вновь обрел свою истинную природу. Однажды, когда Зевс поссорился с Герой, утверждая, что в половом акте женщина испытывает большее наслаждение, чем мужчина, в то время как Гера настаивала на противоположном, они решили позвать Тиресия, чтобы задать ему вопрос, поскольку он имел опыт и одного, и другого пола... Тиресий отвечал, что если бы существовало десять частей (наслаждения), “муж из десятка частей” наслаждался бы “частью одною”, а женщина “чувством своим в наслажденьи” восполняла “десяток”. Гера, рассердившись, выколола Тиресию глаза, ослепив его. Но Зевс одарил его даром предсказателя и жизнью длиной в семь поколений».

Миф — это не верование, но не станем отрицать, что одно было связано с другим. Основа заложена в женской полнокровности, в ее близости к животным. Да, мужчины признают женское наслаждение, «биологи» уверяют даже, что оно необходимо для плодovitости. Аристотель считал, что мнение, будто «самка во время коитуса выделяет свою часть спермы», ошибочно. Природа жидкости, выделяющейся в этот момент, совсем другая, она не является «сперматической, это местная секреция каждой женщины», вытекающая из матки. Истечение этой жидкости свя-

зано с испытываемым наслаждением («сравнимым с наслаждением мужчин»). Но не все женщины выделяют ее одинаково интенсивно (не производят одинаковое количество жидкости). Чем у них «бледнее кожа и женственнее вид», тем большее наслаждение они испытывают. Секретия, выделяемая при совокуплении, является привилегией самых женственных женщин и зависит от испытываемого наслаждения, которое тем больше, чем полнокровнее самка. Последователи Гиппократы оргазмическую модель заимствовали у мужчин, она вагинальна, а за образец взята мужская эякуляция.

«У женщин половой орган натирается во время коитуса, а матка находится в движении, [она] охвачена подобием зуда, несущего наслаждение и жар остальным частям тела. Женщина также эякулирует всем телом, то в матке (и она становится влажной), то вне ее, если матка распахнута больше, чем необходимо». Врач, заботясь о воспроизводстве, рекомендует продолжительные отношения:

«Поскольку привычка возбуждает желание, вены расширяются. А если мужское семя взаимодействует напрямую с семенем женщины, происходит зачатие» («Женские болезни», 1, 17).

В этой системе женщина зависит от мужчины:

«Женщина получает наслаждение с самого начала, во время всего коитуса, пока мужчина ею обладает. Если она испытывает оргазм, она эякулирует до мужчины, и ее наслаждение становится другим; если она не испытывает оргазма, ее наслаждение заканчивается с наслаждением мужчины... Это происходит подобно тому, как в кипящую воду добавляют воду холодную: вода прекращает кипеть; так же сперма мужчины, попадая в матку, гасит огонь наслаждения женщины. Наслаждение и пыл образуют пламя, когда сперма падает в матку, затем они прекращаются. Это происходит подобно тому, как опрокидывают вино на пламя: случается сперва, что пламя взвивается и увеличивается, когда в него попадает вино, потом оно угасает. Так же у женщины жар повышается от контакта с мужской спермой, затем угасает. Жен-

ское наслаждение в коитусе гораздо менее сильное, чем наслаждение мужчины, но длится оно дольше».

Почему-то последователи Гиппократы не упоминают о клиторе, хотя под разнообразными названиями — миртовый бутон, семечко, ячменное зерно и *нимфа* — и сам орган, и воздействие на него были известны их современникам.

«Нередко самка зачинает, не испытывая во время полового сношения чувства наслаждения, и обратно, когда это чувство возникает и притом одновременно у самца и самки, она тем не менее не рождает, если не имеется влаги, так называемых месячных в соответствующем количестве.

Однако если даже обычное чувство наслаждения не возникает, то и от такого сношения происходит зачатие, если только место это приходит в состояние раздражения и матка спускается ближе книзу»*.

Так Аристотель разделяет процесс оплодотворения и женское наслаждение.

---

* Аристотель. О возникновении животных / Пер. В. П. Карпова. (Прим. ред.)

«ДОМ» ПЕРИКЛА: РАДОСТЬ И БЕДЫ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

После неизменных или псевдонеизменных женоненавистничества и биологии нас будет интересовать общественная жизнь, особенно то, что составляет ее сущность: «дом». «Дом» — это единица, лоно, в котором родилась свободная женщина, супруга и дочь гражданина. Разумеется, женщины, свободные и несвободные, существуют и «дома», но «настоящей» женщины вне этого образования быть не может, как настоящего «дома» без женщины не бывает. Глава 5 будет посвящена женщине в «доме», а здесь мы будем говорить о самой этой системе, о том, в какой степени она опирается на женщин. Рассмотрим в качестве примера один из самых знаменитых афинских «домов» классической эпохи, «дом» Перикла.

«Перикл был [...] из “дома” и семьи, занимавших первое место. Его отец Ксанфипп, победитель варварских полководцев при Микале, женился на Агаристе из рода Клисфена, который изгнал Писистратидов, мужественно низвергнул тиранию, дал афинянам законы и установил государственный строй, смешав в нем разные элементы вполне целесообразно для согласия и благополучия граждан»*.

* *Плутарх*. Избранные жизнеописания. Перикл / Пер. С. И. Соболевского. (Прим. ред.)

Плутарх, вкратце, к сожалению, рассказав о частной жизни и генеалогии Перикла, переходит к тому, что представляется ему более важным для формирования личности молодого человека. И только когда речь заходит о связи Перикла с его сожительницей Аспасией, он считает нужным вновь вернуться к частной жизни и поговорить о его супруге и детях.

«У него была законная жена, его родственница, бывшая прежде замужем за Гиппоником, от которого она имела сына Калия “Богатого”; и от брака с Периклом у нее были сыновья — Ксантипп и Парал».

Ценность этого короткого пассажа в том, что в нем как бы случайно упоминаются три основные характеристики афинского брака в классическую эпоху. Ни Плутарх, ни другие авторы не говорят нам имени женщины, которая была супругой самого знаменитого человека той эпохи и прижила с ним двоих сыновей. Случайно ли это? Нет. Таково было правило (соблюдалось оно наилучшим образом) — не называть некоторых женщин, жен, дочерей и матерей граждан; то есть женщин «домов» тех, на кого давит авторитет отца, мужа или брата. Когда у мужчины возникала необходимость их описать, он идентифицировал их посредством родственной связи с тем, кто имел над ними эту власть, с тем, кто нес за них юридическую ответственность: сначала это отец, потом муж, потом сын. Когда умирал один, его заменял следующий за ним. Однако это правило не распространялось на проституток, рабынь и... покойниц. Перикл женат на родственнице. Позже мы еще много будем говорить об эндогамии этих людей. Нас не интересует второй брак этой женщины (нам не сообщают, что она овдовела в своем первом браке), потому что этот факт ее биографии является каким-то особенным... и ведь она на этом не закончила... Действительно, продолжая читать «Жизнь Перикла», мы узнаем, что после рождения двух мальчиков «совместная жизнь [Перикла с этой женой] стала для них тяжелой, [он] передал ее, с ее согласия, другому мужу».

Это третий ее брак, она переходит из одного «дома» в другой и тоже рождает там детей. Прежде чем вернуться к этой анонимной супруге, прочитаем короткий фрагмент биографии Перикла, предлагаемый Плутархом: вскоре «он берет Аспасию [женщину, находящуюся вне системы «домов», о чем говорит упоминание ее имени] в качестве подруги и особенно любит ее». Короче говоря, он заменил в своем «доме» законную супругу на сожительницу.

...Из рук в руки: круговорот женщин в знатных семьях

Анонимность супруги в мужской системе ценностей ставит трудные задачи перед историками, которые пытаются идентифицировать ее при помощи жалких остатков разнообразных генеалогических фрагментов. Одна из *правдоподобных* реконструкций генеалогического древа Перикла заканчивается предположительным именем этой анонимной женщины: ее звали Дейномаха. Тем не менее, не будучи ни в чем уверенными, мы станем именовать ее просто Д...

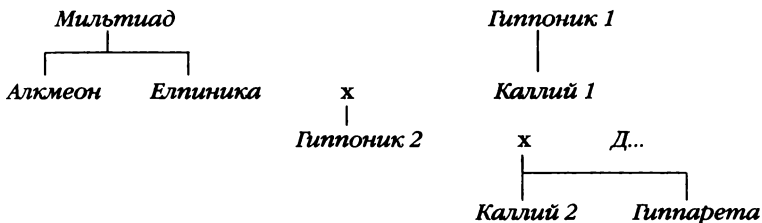
Таблица 1

* O символизируют анонимных женщин. (Прим. авт.)

Все эти имена образуют ветвь Алкмеонидов, знаменитую в Афинах той эпохи. Происходя от того же Алкмеона*, Клисфен и Гиппократ женят своих детей, и дед Д... является дядей по отцу матери Перикла. Сделаем отметку: с одной стороны, чета Койсира x Мегакл 3 имеет двух детей: Мегакла 4 и эту Д...; с другой, чета Агариста 2 x Ксантипп имеет трех детей: Перикла 1 (тот, которого мы знаем), его брата Арифрона и анонимную сестру. Д... вторым браком выходит за Перикла 1 (нашего); она, по словам Плутарха, его родственница: соответственно они внук и внучка двух двоюродных братьев. Обратимся к удивительной матримониальной карьере Д..., интересующей нас своим первым браком. Первый раз она была замужем за Гиппоником, от которого имела Каллия Богатого. Вот схематично воссозданное древо:

Таблица 2

Каллий 2 — это Каллий Богатый, согласно Плутарху. Разумеется, богатый и очень известный, как и вся семья Кериков, к которой он принадлежит. О его отце Гиппонике 2 говорится, что он был самым богатым человеком в Греции. Самый большой доход приносили ему рудники. Другой Гиппоник, сын Каллия 2, имел шестьсот рабов, работавших на него на серебряных рудниках Лавриона** на территории Афин. С незапамятных времен семья Кериков пользовалась

* Если все родственники-мужчины Алкмеона принадлежат к одной ветви, женщины составляют ее часть только как дочери до момента их замужества; их дети принадлежат к ветви мужа. (Прим. авт.)

** Рудники на юго-западе Аттики. (Прим. авт.)

привилегией занимать должность *dadouque*, одного из двух главных жрецов Элевсинской мистерии, очень важного праздника в религиозной жизни Афин. И политической: члены семьи регулярно избирались представителями власти, хорегам^{*}, послами (у Великого Царя в Спарте). Что касается происхождения Гиппоника 2 по материнской линии, то оно тоже весьма знатное: Елпиника и ее брат Кимон происходят от Мильтиада (победителя при Марафоне!) из знаменитой семьи Филаидов.

Поскольку принцы во все времена женятся на принцессах, почему бы не использовать в данном случае брак как средство подъема по социальной лестнице. Д... также должна принадлежать к этой среде. Ведь она происходит из не менее прославленной семьи Алкмеонидов. Через связь с Кериками она приносит семье политический престиж. Тирания Писистрата и Писистратидов в VI веке до н. э. быстро его оспорила и затем подавила. В плане благосостояния, не нуждаясь в щедрости Кериков, они выглядят вполне обеспеченными. Геродот отмечает, что их предок Алкмеон стал самым богатым в Греции человеком благодаря дарам Креза и что Мегакл участвовал в реконструкции храма Аполлона в Дельфах, а это не пустяк! Словом, Д... остается среди равных.

Отец выдал ее за Гиппоника 2 Филаида, но мы не знаем, почему она была после первого материнства^{**} отправлена им к Периклу. Говоря «отправлять», мы не передаем ни смысл этого греческого слова, ни образ, с ним ассоциирующийся; речь идет о «передаче» чего-то. У Перикла Д... дважды становится матерью, у нее рождается двое сыновей, затем они по обоюдному согласию решили на разновидность развода — разъезд. Но ее репродуктивная функция не была на этом закончена: как законную супругу Перикл отправил ее — опять этот глагол — другому. Перикл ве-

---

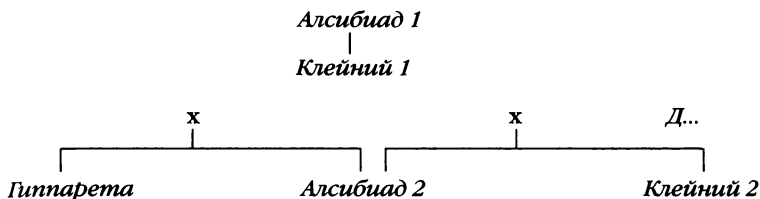
^{*} Богатые горожане, бравшие на себя богослужение, оплачивали расходы на репетиции и нужды хора. (Прим. авт.)

^{**} Возможно, у нее были другие дети — дочери. Множество дочерей и жен, не оставивших особый след в истории (в самом туманном смысле слова), не отмечены в списках и, следовательно, в генеалогических реконструкциях. (Прим. авт.)

дет себя великодушно: он помогает Д... переехать в новый «дом» (для нас последний) и увеличивает ее приданое. Последний супруг остается этим весьма доволен, и, возможно, это компенсирует в его глазах не первую молодость бывшей супруги Гиппоника и Перикла. Взглянем же на продолжение и (для нас) конец этой матримониальной истории.

Таблица 3

Закончив этот матримониальный маршрут, можно сказать, что, оставаясь столь долго анонимной, эта Д... тем не менее была весьма ценной личностью в афинской истории: внучка великого реформатора Клисфена, затем супруга самого богатого человека в Греции, затем супруга человека, давшего свое имя целому веку, а в конце (во всяком случае, для нас) своего репродуктивного периода она произвела на свет двух мальчиков, один из которых не переставал поражать историков: прекрасный, неудержимый Алсибиад. Оставим на сей раз в стороне вопрос о блеске его семьи, Еврисасидах (происходивших от гомеровского Аякса!), чтобы коснуться лишь одного аспекта биографии этого знаменитого ребенка.

«Клейний [муж Д...] победоносно сражался на триере*, снаряженной на его средства, а позднее погиб при Коронее, сражаясь против беотийцев».

Перед последним походом, на тот случай, если с ним произойдет несчастье, он избрал Перикла и его брата Арифрона опекунами своих детей Алсибиада 2 и Клейния 2. И правильно сделал. Так в возрасте при-

* Военный корабль с тремя рядами гребцов — самый быстроходный, — который финансировали богатые афиняне. (Прим. авт.)

мерно пяти лет Алсибиад оказался в «доме» первого мужа своей матери. (Предупредила ли она его? Вполне вероятно, Перикл был предупрежден об этом и согласился.) Что касается состояния, этому мальчику не на что было жаловаться. Перикл, управлявший его наследством до совершеннолетия, не был расточительным, напротив. А потом к наследству добавилось приданое, полученное при заключении брака в 422 году до н. э.

На ком женился Алсибиад? Или, вернее, кого Перикл избрал супругой для своего подопечного? Ею могла быть дочь только одного из самых богатых граждан Афин; это Гиппарета — дочь Гиппоника Керика. Между тем это первый муж Д..., которого она оставила, женатый на неизвестной (возможно, он тоже передал ее Периклу с целью выдать замуж). Со своей стороны, старший из детей Перикла, Ксантипп, женился на дочери Тейсадра, представлявшего старшую ветвь Филаидов. Как пишет Кл. Моссе, Периклу потребовалась добрая порция нонконформизма, чтобы «нарушить эту практику» кровного родства по экономическим и политическим соображениям «и отказаться от своей жены, чтобы жить с пришлой женщиной». Мы не знаем, что в конце концов случилось с Д... Она была еще жива и весьма богата, когда Алсибиаду было около двадцати лет. Д... принесла сыновей множество «домов», и одно это уже имеет значение.

Мы поражаемся этим переплетением матримониальных связей. Впрочем, знаменитости всегда ведут себя одинаково, примером тому европейские королевские дворы. Однако у нас нет никаких сведений о том, что и бедняки не практиковали подобную же эндогамию. По некоторым признакам мы лишь можем предполагать, что браки между своими, как в социальном, так и в генетическом плане, являлись формой греческого альянса. Так, например, эти обычаи «знати» обнаруживаются у афинской крупной и мелкой «буржуазии» IV века до н. э.: множество повторных браков и эндогамия. Когда Плутарх сравнивает греков и римлян, отмечают, что последние не женятся на своих ближайших родственниках. Греческая

эндогамия берет свое начало в желании ограничивать альянсы, родство, вплоть до смешения этих двух понятий.

Итак, эти факты вовсе не анекдотические, и, чтобы лучше их понять, рассмотрим правила матримонильных обычаев. Женщина-супруга, переходя от мужчины к мужчине, покидая «дом» первого, чтобы войти в «дом» второго, присоединяется к ветви, как сделала Пенелопа, перейдя из «дома» Икария в «дом» Одиссея. Так, на таблице 2 перемещения Елпиники и Д... примечательно симметричны. Каждая, принадлежа к определенной ветви — Елпиника к Филаидам, Д... к Алкмеонидам, — входит в древо, символизирующее патрилинейную (по отцовской линии) структуру, характеризующуюся среди прочего двойным повторением имен одного поколения. Та же картина при появлении Д... в ветви Еврисасидов в таблице 3. Если мы рассмотрим ветви как связанные между собой, то увидим, как они обмениваются мобильными элементами — дочерьми и женщинами, становящимися (на время, как Д..., или пожизненно) супругами. Так, например, Алкмеониды посылают своих супруг Керикам, Еврисасидам и неизвестной ветви Ксантипп/Перикл и в конце концов получают их назад, как, например, Койсиру. Ветви, отрезанные от их собственного отеческого ствола, женщины-супруги успешно прививаются и дают к тому же плоды. Смысл этого заключается в юридической и социальной практике афинского брака классической эпохи. Следовательно, надо изучать их в их совокупности, чтобы лучше представить историю Д...

Брак в классическую эпоху: соглашение между мужчинами

Юридические и социальные аспекты

То, что мы подразумеваем под словом «брак», не имеет ничего общего с греческим представлением о браке. Мы ассоциируем брак с неким состоянием об-

щественной жизни, основанной на некоем пожизненном соглашении. Но у греков к этому союзу было иное отношение. У них этот союз вовсе не подразумевает верность — мужа, разумеется. Мы ассоциируем с браком взаимное чувство, как минимум, некую симметрию между партнерами. Греки нет. Любовь и брак являются для нас понятиями неразделимыми. Разве можно представить, что в наше время люди женятся без любви, как делали раньше? В классической же Греции любовь, если она есть, таковой и остается. А кроме того, там существует обычай любить. Как говорил Ахилл, каждый «разумный муж любит свою *alochos*». В Греции основной смысл брака — сделать женщину своей законной супругой, чтобы она дала *законных детей*.

Греческий брак предполагает два основополагающих момента, иногда разделенных во времени. Сперва заключение договора, объектом которого является передача права, выдача девушки*, происходящей из одного «дома», при посредничестве мужчины, имеющего над ней власть, за другого мужчину, ради которого она идет жить в другой «дом». Этот акт производится во время церемонии, называемой *ekdosis*: «передача», которая требует присутствия свидетелей. Однако ничто не меняется в жизни будущих супругов до реального празднования свадьбы — *gamos*, содержание которого мы и будем изучать. В юридическом плане речь идет о договоре между мужчинами о дочери одного из них. Первый является ее *kyrios* (опекуном), чаще всего отцом, и это дает ему право отдать ее другому. Что касается девушки, то в ее присутствии нет никакой необходимости. Совсем другое дело, когда речь идет о повторном браке. Мы уже видели, что Перикл передал Д... Клейнию, спросив ее мнение. Комедии IV века до н. э. донесли до наших дней суть диалога по этому

---

* *Девушки*, поскольку основные юридические и социальные положения греческого брака сперва определяют вопросы, касающиеся передачи *parthenos* (способ, с помощью которого выходила впоследствии замуж Д..., ясно это описывает). (Прим. авт.)

поводу между двумя договаривающимися взрослыми гражданами-мужчинами:

ОТЕЦ. Я передаю тебе эту девушку, чтобы ты вспахал ее
законными детьми.

ЗЯТЬ. С радостью принимаю ее.

ОТЕЦ. И добавляю это приданое в *x* талантов.

ЗЯТЬ. Это я тоже принимаю с радостью.

Этот акт, при всей его удивительной простоте, представляет собой передачу власти, которую мужчина имеет над дочерью. Она переходит из-под власти отца под власть своего супруга. Несколько торопливый юрист пишет, что, отдавая дочь, отец наделяет покупателя властью, осуществляемой над ней силой принуждения, каковым является признак супружеской власти. Да. Только через некоторое время... Вспомним *thygates* из «Илиады», настолько сильно привязанных к своим отцам, что даже после свадьбы, вдовства и захвата в качестве военной добычи именно к ним они возвращаются и идентифицируются с помощью отцовского имени. От героинь эпопеи до женщин той эпохи читается одна и та же связь — отец-дочь. Возможно, мы не уделили достаточно внимания тому, что записывается в договоре. Эту девушку отец не *отдает*, он *передает* ее. Если муж будет плохо с ней обращаться и она пожалуется отцу, тот может забрать ее к себе, воспользовавшись преимущественным правом старого «дома» над новым. Разумеется, если супруга стала матерью, она окончательно (хотя мы видели, насколько была мобильна Д...) остается в новом «доме», и это окончательное поражение отцовской власти.

В классическую эпоху брачное состояние исчезает, Одиссею не пришлось бы больше вышагивать перед именем Икария, чтобы завоевать свою красавицу, и этот факт является не столько признаком повышения престижа института брака, сколько супруги. Будущий муж больше не покупает дочь у отца; девушку передают от отца к зятю, или скорее от «дома» отца «дому», существующему или зарождающемуся, зятя. И, конечно, тот стремится к браку.

Ради хорошего и длительного брака отец дает за дочерью приданое. Хотя он и не осыпает ее «щедрыми дарами», подобно царям эпопей, идея остается неизменной, даже у бедняков: дочь отдают и принимают только с богатствами. Богатства за то, чтобы заставить ее уехать, богатства за то, чтобы ее получить. Конечно, всегда можно взять женщину и спать с ней, можно даже поселить ее в своем доме, можно рожать с ней детей — пример Аспасии... Но это не сделает законным ни брак, ни детей. Нет приданого — нет «официального» брака, таково правило. Как во всех правилах, здесь существуют исключения. Например Сократ. Мы еще будем говорить о его сожительнице Ксантиппе, но у него была и вторая женщина, официальная супруга Мирто, внучка великого стратега Аристиды, «приговоренного к воздержанию по причине бедности». Сократ милостиво согласился «принять» ее без приданого. Весьма великодушный жест с его стороны, необычный и достойный упоминания.

Мы видим механизм возведения барьера, выдвигаящий бедных дочерей с рынка невест. Но на первый взгляд не совсем понятно, какие последствия это может иметь для мужчин. Дело в том, что соглашение между тем, кто отдает, и тем, кто принимает, является симметричным, и родители дочери также, в свою очередь, выбирают зятя. Потому что, как гласит народная мудрость, «добро идет к добру», и бедняк не мечтает о том, чтобы заполучить в свой пустой «дом» богатую жену и приданое. Подобным воздержанием город угрожал беднякам. А также занимался тем, что основывал фонды для приданого самым малообеспеченным девушкам. Следы этой заботы мы находим в утопических построениях, подобных платоновским «Законам», где гражданское равенство, а также запрет приданого не приведут к тому, что «бедняки, за отсутствием денег, постареют, не женятся и не выдадут замуж дочь». Но он беспокоится о другом смысле приданого, о его

роли социального маркера, чувствительного к внутреннему миру «дома», супружеским отношениям. Он боится, что жена не выиграет от превосходства, которое дает ей приданое, превышающее состояние ее мужа: «из-за денег там [в нашем городе будущего] меньше возникает дерзости у женщин и низкого, неблагородного порабощения ими мужчин» («Законы», 774 с).

Отцы могут упорно трудиться, чтобы дать приданое дочерям, а кто возьмет приданое бедняков? А приданое богачей? Это настоящий рынок: с предложением, спросом и подбором соответствующей пары. Результат — социальная эндогамия, уже встречавшаяся выше. Д... полностью отвечает пословице, что замуж выходят в своей среде.

Греки различали два вида богатств: видимые — «дом» в его материальном аспекте, земля и все, что они на ней производят, орудия труда и рабы; и невидимые — деньги, иногда доходы от состояния. Дочь — это скорее деньги, непостоянство; мужчина — скорее земля, стабильность. Кроме того, мужчина является членом политического сообщества, гражданином.

В записях судебных процессов IV века до н. э.* (не самых бедных горожан) приданое измеряется от одного до двенадцати** талантов. Для большей конкретизации: средняя дневная плата рабочего составляет 1,5–2 драхмы, следовательно, приданое составляет от пятисот до восьми тысяч трудодней (это ежедневная работа больше двадцати лет!). Самое большое известное нам приданое, приданое Гиппареты, составляло 20 талантов, это восемьдесят тысяч трудодней! Но какова его относительная стоимость? Согласно тому же списку, часть состояния отца, используемая как приданое, может варьироваться от 5% до 25% и даже выше. Например, отец, отдающий за дочь 2 таланта, отдает, таким образом, 14% своего состоя-

---

* *Ледюк Кл.* История женщин. Античность. (*Cl. Leduc. Histoire des femmes, l'Antiquité.* Paris, Plon, 1991. P. 302 sq.) (Прим. авт.)

** Один талант стоит 60 минов, один мин — 100 драхм. (Прим. авт.)

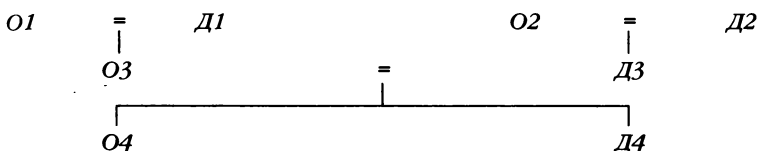
ния. За одну только дочь. А ведь ему придется давать такое же приданое за ее сестер, следовательно, с двумя (или более) дочерьми проблемы станут все более серьезными. Перспектива передать в качестве приданого от 15 до 30–45% состояния ужасает отцов. Если дочерей слишком много и всем им дается приданое, «дом» может лишиться невидимой части состояния, и придется продавать часть видимого богатства, чтобы иметь возможность дать всем приличное приданое (сделать это считается долгом чести). А это не может не нанести ущерба мужскому наследству. Стоило бы об этом подумать заблаговременно (весьма заблаговременно) и растить лишь определенное число дочерей. Другое решение — дать приданое только той (тем), кому хочется, а других оставить чахнуть в глубине «дома», потому что Сократов, берущих жен без приданого, мало.

Не удивляйтесь, но приданое, которое отец дает за дочерью, предназначено не для нее! Но для кого же? Путь приданого полон сюрпризов. Чтобы проследить его, воспользуемся формулой Л. Жене: приданое следует за женщиной *подобно ее тени*. Каким бы ни был ее путь по социальной лестнице после того, как она покинула свой «дом», вернется ли она к отцу или кто-то вновь возьмет ее замуж, один раз или больше, как Д..., на всем протяжении ее жизни, всегда, приданое перемещается вместе с ней. Хотя она не является его владелицей (это ее приданое, но она не может им воспользоваться), а ее муж тем более. Муж хранит приданое, оно является чужим имуществом, он извлекает из него все возможные выгоды, но должен вернуть его в целостности и сохранности, если жена уходит. Вспомним Пенелопу. Она, вдова, собирается вернуться к отцу, и Телемах в этом случае обязан вернуть то, что некогда дал за ней Икарий. Приданое основано на современном экономическом принципе, принципе капитала, вам не принадлежащего, но из которого извлекается прибыль. Муж-капиталист! Возможно, к тому же он плохо вел дела или проявил неосторожность в момент возвращения ка-

питала. Отец блюдет интересы дочери (и косвенно свои), дает предварительные необходимые распоряжения, чтобы иметь возможность вновь вступить во владение приданым, даже если муж оказывается неплатежеспособным или бесчестным. Хитрость заключается в получении авансом некоего залога благосостояния мужа.

Какова же окончательная участь этих денег? Они входят в наследство (отцовское) и переходят к сыну (сыновьям). Приданое Д..., выросшее благодаря вкладам ее предыдущих мужей (по крайней мере Перикла), перешло к Алсибиаду и Клейнию. Схематично это выглядит так:

Д1 дает своей дочери О3 приданое, чтобы она вышла замуж за Д3; если ничего не случится, приданое О3 перейдет к ее сыну Д4. Но когда для Д3 встанет вопрос о передаче приданого О4, он не сможет воспользоваться приданым О3 — сльвя примерным отцом семейства, он должен использовать приданое, полученное в наследство от своей матери О2 (то, которое Д1 дал О3). Муж не отдает в приданое за своей дочерью деньги своей жены. Это согласуется с принципом неизменности стоимости приданого в нескольких поколениях, в идеале за дочерью дается тот же капитал, который получила в наследство ее мать. От одного поколения к другому пути денег пересекаются. Они возвращаются к тому же полу через поколение. Это можно назвать денежным родством, формирующимся по следующей схеме: слева отец — дочь — сын дочери; справа мать — сын — дочь сына. Что касается видимого состояния — особенно земли и дома — они, очевидно, наследуются по мужской линии и переходят, например, в правой линии от Д2 к Д3, затем к Д4. Это означает, что состояние Д3, на-

пример, переходит к О4 и Д4, тогда как состояние О3 переходит только к Д4. На генеалогических древах деньги и земля пересекаются, это пересечение является характеристикой функционирования брака и наследства в Афинах.

Привычные к неполноценности, к социальной подчиненности женщин, мы рискуем здесь упустить повод восстановить на этот раз симметрию ролей, подчеркнутых извлечением прибыли из женского родства. Кроме того, система приданого представляет для женщин огромный интерес. Факт сохранения за ними состояния гарантирует им поиск, а возможно, и повторный поиск какого-то «дома». Разумеется, эта уверенность не является абсолютной и, очевидно, зависит от суммы приданого. Но женятся *не только* из-за приданого. Хотя деньги играют главную роль при выборе супруги, существуют и другие аргументы: дружеские отношения с *kyrios* невесты, его репутация и репутация его «дома» и, самое главное, желание породниться с таким «домом». Для женщины это все или ничего. Брак дает ей крышу, статус, пищу. Женщины без «дома» находятся в городе в большой опасности. Конечно, забота о старых родителях ложится на детей, и это одно из главных оснований их иметь. Но дети могут умереть... Тогда для женщины все ограничивается ее возрастом, пока она способна рожать. Напротив, правила передачи приданого представляют собой узду в социальном устройстве мужчин. В самом деле, отцы вынуждены иногда дожидаться смерти собственной матери, чтобы иметь возможность дать приданое за дочь.

Власть отца и мужа

История, произошедшая с женой Алсибиада, дает нам новые факты. «[Алсибиад] женился на [Гиппарете], сестре Каллия* с приданным в 10 талантов». Гигантское приданое! Согласно договору он должен

---

* См. таблицу 3. (Прим. авт.)

был получить еще «другие 10 талантов по смерти Гиппоника». Словом, жениться на дочери Гиппоника означало обрести огромное приданое. Андоцид, современник (и соперник, оппонент), уточняет, что Алсибиад требовал, чтобы Гиппоник «обещал добавить эту сумму, когда его дочь подарит Алсибиаду ребенка [несомненно *сына*]». Эта история раскрывает истинную причину, по которой отец выдает замуж дочь: отец согласен, чтобы какой-то мужчина дал ему внуков. Но вернемся к Гиппарете, теперь матери.

«[Она] была послушной женой и любила мужа (Плутарх); очень честной (Андоцид). Но, несчастливая в супружестве, видя, что Алсибиад посещает чужестранных и афинских куртизанок (“гетер”) (Плут.); принимает под супружеской крышей куртизанок, рабынь или свободных женщин (Анд.), она покинула его “дом” и вернулась к своему отцу» (Плут.).

Итак, в один прекрасный день она покинула его «дом», чтобы вернуться к своему природному защитнику.

«Поскольку Алсибиад этим не обеспокоился и продолжал распутничать, ей пришлось обратиться с просьбой о разводе к архонту, и не через посредника, а лично».

История вполне последовательна: эту любящую и покинутую жену ничто больше не удерживает и, согласно закону, она подает архонту прошение о разводе, *без посредства какого-либо мужчины*. Перед нами пример мужского лицемерия. Мужчины, с одной стороны, дают супругам возможность освободиться от нетерпимого мужа, а с другой — ставят условия, противоречащие всем ценностям, которые предположительно воплощают женщины. И вот Гиппарета вынуждена идти через весь город, чтобы явиться на суд. Она замужняя женщина, проходит под взглядами мужчин. Поскольку Алсибиад «пригласил друзей», коих у него много по причине его большого состояния.

«Едва Гиппарета исполнила эту законную формальность, Алсибиад бросился к ней, схватил в охапку и унес к себе через площадь, в то время как никто не решался ни противостоять ему, ни остановить».

Алсибиад поступил так потому, что, во-первых, хотел продемонстрировать несвоевременную, но, несомненно, признаваемую афинянами власть мужа, а во-вторых, избежать возвращения приданого Гиппареты... Можно, конечно, вместе с Плутархом утверждать, что в этом нет ничего «незаконного», что это нечто вроде «процедуры примирения» перед судом, с большой долей лицемерия, но тот же Плутарх проявляет себя совсем не пристрастным, когда добавляет, что в этом не было тем более ничего «нечеловеческого». Остаток супружеской жизни Гиппареты был не слишком веселым: «Она жила в “доме” своего мужа до самой смерти, последовавшей короткое время спустя».

От повседневной жизни к демографии: дочери

Юношам легче живется на свете, чем нам, горемычным,
Женщинам, кротким душой. Нет недостатка у них
В сверстниках верных, которым они в откровенной беседе
Могут тревоги свои, боли души поверять,
Или устраивать игры, дающие сердцу утеху,
Или, гуляя, глаза красками тешить картин.
Нам же нельзя и на свет поглядеть, но должны мы скрываться
Вечно под кровом жилищ, жертвы унылых забот.

Агафий «Жалоба женщин». Пер. Л. Блуменау.

Оставим в стороне повторные браки и познакомимся с новобрачной, которую называют нимфой. Портрет ее легко набросать. Очень юная, часто *pais*, она вынуждена в один миг оставить игрушки своего детства. *Parthenos*, разумеется. Кто возьмет лишнюю девственности девушку? Довольно дикая. Первое время после свадьбы станет для нее периодом одомашнивания. Обязательно *thygater*-своего-отца Благонравная *korè*, она знает о мире только со слов своих близких (в идеале — ничего не знает); она несовершеннолетняя, зависимая, не владеющая собой.

Она целиком зависит от отца, которому вдвойне обязана жизнью, поскольку он мог отказаться от нее в момент рождения. Мать особенно требовала от нее быть благоразумной. Юная. Но что имеется в виду? Навсикая подобно «ростку», то есть еще растет. Девушка, которую Гесиод рекомендует брату в жены, должна быть невинна, чтобы внушить ей мудрые принципы. Жене Исхомаха (глава 4) не было пятнадцати, когда она вошла в его «дом». Нет пятнадцати, значит, четырнадцать? По нашим сегодняшним понятиям это весьма юная девушка, скорее девочка. Если следовать советам тех, кто размышляет об идеальном устройстве общества, — Аристотеля и Платона, — подобный возраст является несколько преждевременным для брака: девушки созревают от шестнадцати до двадцати лет. Аристотель рассуждает как врач и опасается любых повреждений, могущих повлиять на потомство будущей матери в слишком скороспелом браке (но когда начинается созревание, если в брак рекомендуют вступать с шестнадцати лет?): слишком молодые (и слишком старые) родители рожают, по его словам, дебильных детей, к тому же он полагает, что слишком юная нимфа может излишне пристраститься к коитусу. В отрывке из «Политики», посвященном этому вопросу, он приводит ответ оракула жителям Трезена, обеспокоенным гибелью детей младшего возраста и их матерей. Оракул, очевидно, знакомый с брачными обычаями, ответил трезенцам в своей обычной манере, то есть двусмысленно: «Не вспахивайте молодое поле», — что Аристотель комментирует так:

«Оттого некоторые связывают с этим данное трезенцам предсказание оракула, которое нужно отнести именно к тому, что у них много молодых женщин погибало вследствие их раннего замужества, а не к собиранию плодов».

«Вспахивать» — мы уже слышали этот глагол из уст отца новобрачной, когда тот советовал будущему зятю: «Отдаю тебе эту девушку, чтобы “вспахать” ее законными детьми», — а также в комедии о любовных приключениях женщин. И мы уже указывали на

параллель, которую комедия проводит между сельскохозяйственными терминами и мужской сексуальностью, между женскими половыми органами и полем или садом. Итак, выслушав ответ оракула, трезенцы поняли, что им не только запрещено «вспыхивать», но и «ранить юных дев» (совокупляясь с ними), в том смысле, что они не принесут больше плодов. Следовательно, надо прекратить брать в жены *слишком* юных девушек. Если сегодня известно, что крайнее понижение детородного возраста отнюдь не способствует плодовитости женщины, то каков же возраст тех девушек, которым вредит сексуальный акт?

Каков возраст девственницы Гиппе, для которой ее родители просили покровительства Артемиды, «чтобы день ее свадьбы [ее *gamos* — брачная ночь] мог стать днем ее материнства», и которая «любит еще играть в бабки»? Каков возраст Тимареты, посвящавшей той же Артемиде

В день свадьбы своей [...] тимпаны и мячик любимый,
Сетку, что кудри держала, и сами кудри девичьи,
И девственные одежды?..

Бабки, тимпан, мячик, детские игрушки, волосы, одежды... Эти девственницы посвящают Артемиде, богине детства, предметы, символизирующие их состояние. У греческой нимфы нет отрочества, она покидает мир детства ради мира взрослой сексуальности и делает это, все еще оглядываясь назад, потому что знает только мир детства. Нигде в греческой литературе этот переход не описан лучше, чем у поэтессы Эринны:

Милая Бавкис, о, как по тебе я горько рыдаю!
В сердце моем не остыли еще наши игры и шутки,
Живы, нетронуты, там остаются забавы и куклы,
Наши с подружками пляски и сон по ночам безмятежный.
[...]
О Гименей, что девам дарует мирное счастье,
Много утех, почему же сменил ты сладкую радость
Горем...
Бедная Бавкис моя!..

«Прялка». Пер. О. Смыки.

Жизнь греческой девочки прекращается в тот момент, когда она становится женщиной. От ребенка к супруге, минуя подростковый период, который проживают мальчики. Она оставляет свои детские занятия и становится хозяйкой «дома», свои детские игрушки меняет на ложе мужчины.

Итак, нимфа, подобно эромену*, является ребенком, но историку важно не только установить, в каком возрасте нимфа вышла замуж, но и выяснить не совсем привычный нам смысл сексуальности новобрачной. Для этого следует изучить законы о брачном возрасте, существовавшие в различных городах Греции.

В Тасосе, например, решили после войны поддерживать сирот, снабдив мальчиков военным обмундированием, а девочек четырнадцати лет приданым, выделенным из общественных фондов. Значит, девушки Тасоса могли выходить замуж в этом возрасте. Также города принимали законы, касающиеся девушек, которых отцы не отдали замуж по завещанию и не имевших братьев. Когда «дом» попадал в женские руки и девушки оказывались на брачном рынке с полным наследством, именно город предписывал им выйти замуж за одного из их родственников, после того как брал на себя за них ответственность. Афиняне решили, что эта процедура будет проходить, когда девочке исполнится четырнадцать лет. Но в Кортине, критском городе, брачный возраст устанавливался с двенадцати лет. Нам следует учитывать тот факт, что греки пользовались инклюзивным способом вычислений, добавляя к числу единицу, и поэтому их четырнадцать и двенадцать соответствуют у нас тринадцати и одиннадцати. Так, например, считалось, что Олимпийские игры проходят каждые пять лет, а на самом деле каждые четыре года. Тринадцать и одиннадцать лет — это очень рано.

Девочка все еще играет в бабки, а ее «сердце все пропитано сладостной беззаботностью». Когда она

---

* Эромен в педерастической паре тот, кого любит взрослый, эраст. (Прим. авт.)

попадает в чужой «дом», ей «все кажется странным», включая супруга. «И вот жене, вступая в новый мир, / Где чужды ей и нравы, и законы, / Приходится гадать, с каким она / Постель созданием делит», — говорит Медея Еврипида. Чтобы представить себе состояние, в котором оказывается ребенок, вошедший в свой новый «дом», вспомним слова «превосходного мужчины», Исхомаха из «Домостроя» Ксенофонта. О своей новой жене он говорит: «...Когда она уже привыкла ко мне и *была ручной, так, что можно было говорить с ней...* я смог начать ее образование». Девочка, не достигшая пятнадцати лет в тот момент, когда пришла к нему в дом, была парализована страхом. Сколько же времени она молчала?

Брак в пятнадцать или в двенадцать лет в корне меняет наши представления об эстетике, эротике, браке в этой стране. Факт, что греки могли жениться на девочках, шокирует. Но раз уж мы смогли признать существование педерастии, придется признать и констатировать следующее: взрослый грек мог жениться на не достигшей половой зрелости девочке одиннадцати, двенадцати, тринадцати и даже четырнадцати лет*. Ранние браки существовали и в романском мире. Однако согласно нашим представлениям, подобный тип брака не является нормой. Тем не менее нам придется принять то, о чем говорится в источниках, и попытаться это понять. Но сперва следует узнать, а что в это время происходило с мальчиками.

А в это время мальчики...

Жизнь мальчиков, в отличие от жизни девочек, представляла собой сплошное ожидание. В Афинах после церемоний, сопровождавших их биологический пубертат, они ждали, когда станут эфебами (в восемнадцать лет), то есть начнут обучаться военному искусству, затем гражданами (в двадцать лет), затем

---

* Греческие врачи в основном отмечали *menarche* в четырнадцать лет, то есть в тринадцать. (Прим. авт.)

возможности публично выступать на собраниях (тридцать лет) и исполнять свои первые обязанности в суде (тридцать и более), после собирать средства, чтобы основать новый «дом», а значит, жениться (это проще сделать после смерти отца), наконец, они ждали денег от приданого матери, чтобы дать приданое дочери... А в Спарте, например, период становления мужчины был еще дольше. До самой свадьбы эти мальчики, эти юноши, эти молодые мужчины могли иметь сексуальные связи либо с мужчинами, либо с продажными женщинами. В общем, мужчины вступали в брак лет в тридцать, а по Аристотелю и Платону, в тридцать пять*. Если нимфе четырнадцать, то разница в возрасте составляла пятнадцать — двадцать (разница, рекомендуемая Аристотелем) лет и более. Подобная разница известна немногим обществам.

Ради божественного Ганимеда Зевс превратился в орла,
Лебедем стал Громовержец, чтобы любить белокурую Леду.
Что предпочесть? Кому-то приятнее первое, кому-то — второе.
Мне же обе страсти по нраву.

Для греков ценны оба вида сексуальности. Мужское тело, как и женское, представляется неизменно с нежной белой кожей. Гладкой, чистой, приятной и ароматной. Как прекрасны мальчики, о которых твердят эпиграммы «Антологии». Белокурые, реже темноволосые, «белоснежные». Сперва описывается взор (пылкий, живой), торс, бедра, ягодицы. «Мальчик с видом девическим, / Просьб моих ты не слушаешь / И не знаешь, что душу ты / На вожжах мою держишь»**. И, разумеется, как первой среди красавиц считается Афродита, среди мальчиков первый Эрос: «Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный дурачится, как мальчик»***. «Если бы крылья тебе, если лук тебе в руки и стрелы, — / Был бы совсем не Эрот

---

* Платон предусматривает наказание не желающим жениться: «Если кто-то не подчиняется добровольно, но, оставаясь необщительным и замкнутым, достигает, не взяв жены, тридцати пяти лет, следует каждый год налагать на него штраф» («Законы», 744а). (Прим. авт.)

** Анакреонт / Пер. В. Ярхо. (Прим. ред.)

*** Алкман. Парфении / Пер. В. Вересаева. (Прим. ред.)

сыном Киприды, а ты» (Асклепиад Самосский. Пер. Ю. Шульца).

«У *parthenos* нет ни сжимающего вас кольца*, ни простого поцелуя, ни этого естественного запаха кожи, ни всех этих похотливых словечек, ни правдивого взгляда».

Оказывается, что все дело в неопытности *parthenos*, являющейся причиной ее второстепенного положения: «Девушка знающая — еще хуже! А взятые в зад, они все холодны! Но самое серьезное вот что: у них нет места, куда положить блуждающую руку». Тем не менее греческий мужчина ценит не только содомский тип отношений и весьма легко переходит от партнера к партнерше, что позволяет ему его полисексуальность. По крайней мере в уме, поскольку в реальности изобилие не всегда хорошо.

«Это больше не любви! Я борюсь с тремя желани-ями; я горю из-за гетеры, *parthenos* и красивого мальчи-ка. И везде одни лишь страдания. С гетерой я устал умолять ее открыть мне дверь, закрытую для тех, у ко-го нет ни единой монеты. На пороге девушки я зами-раю распростертый, всегда настороже, не имея воз-можности одарить ее чем-то, кроме поцелуя. Мое третье желание, как сказать о нем? От него я получаю лишь взгляд и бесплодные надежды...»

Сами боги переменчивы, особенно Зевс, разве не причислил он Ганимеда к бессмертным и к смерт-ным одновременно? А мимолетность вообще являет-ся одной из самых распространенных черт любви к мальчи-кам.

«Двенадцать лет, прекрасный возраст, очаро-вывающий меня! Но дитя тринадцати лет при-влекательнее куда больше! Два раза по семь лет [пубертатный возраст] — и вы имеете самый со-блазнительный цветок Любви. Еще очаровательнее тот, кто только что завершил свое третье пятилетие. Шестнадцать лет — божественный возраст! Сем-надцать не для меня: оставьте его для Зевса! Если

---

* Имеется в виду анальное отверстие. (Прим. авт.)

взять мальчика старше, это уже не детская игра, это «поиски подобия»^{*}.

Когда у мальчика ломается голос, сексуальные отношения с ним прекращаются. Это настоящее страдание: тот, кого любят, стареет, и быстро. «Виски покрываются легким пухом», «на бедрах растет колючий волос». Это конец. Кому нужна «сухая стерня»?

Отчего ты отводишь глаза, мальчик мой, отчего молчишь?
Отчего туника вьется сегодня вокруг лодыжек твоих,
А еще вчера была она у тебя до колена?
Ты обнимаешь меня. Знаем мы оба, что это значит:
Пришла пора нам расстаться, ты вырос.

Что украшает мальчиков? Нежность, мягкость, белокурость, цвет кожи, подобный розам. А девочек? В любовных эпиграммах — кроме взора (как у мальчиков), больше всего упоминаются губы и груди. Часто проводится сравнение с цветами, особенно розами.

В дар посылаю тебе, Родоклея, венок: из прекрасных
Вешних цветов для тебя, милая, сам его сплел.
Есть тут лилеи и розы душистые, есть анемоны,
Нежный, пушистый нарцисс, бледны фиалки цветы.
Ими чело увенчав, перестань, о краса, быть надменной.

Руфин. Пер. В. Печерина.

До нас дошли строки, которые выражают греческий идеал женской красоты:

О, эта ножка! О, голень! О, тайные прелести тела,
Из-за чего я погиб — ах, и недаром погиб!
О, эта грудь, эти руки, и тонкая шея, и плечи,
Эти глаза, что меня взглядами сводят с ума!
Чары искусных движений и полных огня поцелуев,
Звуки короткие слов, сердце волнующих...

Филодем Гадарский. Пер. Л. Блуменау.

Сводят с ума меня губы речистые, алые губы;
Сладостный сердцу порог дышащих нектаром уст;
Взоры бросающих искры огней под густыми бровями,
Жгучие взоры — силки, сети для наших сердец;
Мягкие полные формы красиво изваянной груди,
Что услаждают наш глаз больше, чем почки цветов...

Диоскорид. Пер. Л. Блуменау.

---

^{*} Намек: используются общие молчаливые правила педерастической любви для гомосексуальных отношений, которые рассматривают это как норму. (Прим. авт.)

Красавица жалеет: «О, моя свежая кожа, цветущие груди, гибкий мой стан, изящной формы лодыжки...» Свежесть и белизна, тонкость и изящество. Есть только один враг, от которого следуют избавляться: волосы. «Молочные груди», кожа тонкая, нежная, белая кожа, а главное... безволосая. Поскольку педерастические отношения прерываются с появлением первого пушка на щеках мальчика, женщины стараются приспособить тело к господствующему эротизму — эротизму мужчин, любящих мальчиков, — и, как следствие, прилежно удаляют на теле все волосы, в том числе и на гениталиях, с помощью свечи, ценной невероятных страданий. Прекрасно тело статуи, ребенка. Значит, вот откуда эта огромная разница в возрасте греческих супругов? Детское тело незрелой нимфы, еще не женское, несформировавшееся, и белое, чистое и нежное, как тело мальчика, ничем не отталкивающее мужа. Мальчики и девочки: одна эстетика, одна эротика. Загадка брака девочек с весьма зрелыми мужчинами заключается в идентичности эстетических и эротических качеств двух полов в предпубертатный период. В Спарте было «принято иметь отношения с юными девами (*parthenoi*) согласно педерастической практике», то есть, судя по всему, в задней позиции; в подтверждение этого приводится стихотворение Солона, являющееся недвусмысленно педерастическим:

Если пылает кто страстью, во цвете красы своей юной,
Бедр красотою прельщен, сладкою нежностью уст...

6 (16). Пер. С. Радцига.

Евгеника городов, власть отцов

Отец всемогущ. Проявление его воли столь же действенно как с положительной, так и с отрицательной стороны. Таков, например, образ Гефеста, бога-кузнеца, создавшего при помощи земли и воды Пандору: ему было позволено из ничего *сделать себе* дитя, дитя общественное. Представим мужчину, не имеющего мужского потомства или обреченного

на воздержание без надежды на потомство: он может при помощи процедуры, тождественной усыновлению, *сделать* себе сына, то есть взять ребенка другого мужчины (даже при его жизни). Этого сына признают со всеми вытекающими отсюда последствиями: преемственностью политического статуса и наследованием состояния. Привязанность дедушек к сыновьям дочерей зачастую вызвана усыновлением их подобным образом. Тем не менее гораздо реже мужчины прибегают к подобной процедуре, чтобы *сделать себе* дочерей...

Всемогущий мужчина может «сделать» своим сыном мальчика, имеющего родного отца, а может и отделаться от уже рожденного ребенка, обычно от дочери (внучки). Причем под словом «отделаться» греки подразумевали разные способы устранения ребенка, вплоть до физического уничтожения. Чаще всего отец делал это через подставное лицо, женщин, рабов. Жертвы можно разделить на три категории. Во-первых, «дети любви», плод адюльтера супруги или соблазненной *parthenos* из его «дома»; их участь предопределена заранее, та, что носила дитя, знает, что ей надлежит сделать. Во-вторых, дети, о которых повитухи или присутствующие при родах родственницы говорят, что они слабы, с физическими недостатками, что они отмечены знаками злой судьбы; эти женщины советуют избавиться от такого ребенка, но решение принимает отец. В некоторых городах решение принимал магистрат. Приведенные выше примеры относятся к обоим полам в равной степени. Их демографическая важность не заслуживает внимания.

Но совсем иначе обстоит дело в третьем случае, когда постфактум апеллируют к контролю за рождаемостью. Речь идет о лишнем рте, о девочке, подобно женщине объедающей «дом» (древние предрассудки...), ничего не производящей, требующей приданого, занимающей место мальчика, которого ждут с таким нетерпением... В особой опасности находились перворожденные: не случайно же в большинстве случаев в генеалогических древах, которые мы мо-

жем восстановить, первым всегда рождался мальчик. Во время свадьбы новобрачные афиняне молили бога: «Пусть мой первый ребенок будет мальчиком, а не девочкой!» Один странный документ, правда, более поздний, рассказывает, что некий Полихроний оставляет место в саркофаге для своей жены Мелкиты при условии, что на момент своей смерти она все еще будет его женой. Но почему бы ей таковой не быть? «Мелките не достаточно не разводиться, чтобы остаться женой Полихрония, — пишет комментатор этой записи. — Она должна дать ему ребенка, и не дочь, а естественно сына, мальчика; если же она окажется бесплодна или способна произвести на свет множество дочерей, ей придется убраться восвояси, отказаться считаться женой Полихрония и от места в могиле»*. Сами матери вносят свой вклад в эту валоризацию рождения мальчика:

Калироя принесла эти венцы Афродите, кудри — Палладе, Артемиде — сей пояс; ибо, найдя себе мужа по сердцу, Матерью стала она, на свет сыновей породивши.

А теперь обратимся к цифрам. Когда какой-нибудь город, например Милет, в эллинистическую эпоху принимал к себе новых граждан, он регистрировал их в записях, выгравированных на камне. Эти регистры содержат сотни имен из тысяч, которые должны были бы там находиться. Они выстроены по семьям; здесь все, включая детей, мальчиков и девочек, для каждого пола различают также половозрелых и незрелых. Однако при подсчете половозрелых оказалось, что для нормального *соотношения полов* следовало бы удвоить число девочек. Куда же они делись? По мнению одних историков, их нет в записях, потому что не было смысла их регистрировать. Тогда почему были зарегистрированы остальные? Другие историки полагают, что их нет в записях, потому что они покинули свой «дом», чтобы выйти замуж, и, следовательно, зарегистрированы у своего мужа. Однако соразмерно подсчету не достигших

---

* Robert L. Hellenica, XIII, 1965, 218. (Прим. авт.)

половой зрелости детей (обоих полов), отношение одного пола к другому не меняется сколько-нибудь значительно в связи с отсутствием девочек по причине замужества. Ответ прост: их отсутствие в семье означает их отсутствие в мире (по крайней мере в мире семьи)*. В этих списках не хватает, как минимум, каждой второй девочки. Предположим, что это связано с плохим качеством документа. Но, во-первых, не все нимфы вступали в брак, а во-вторых, даже если избавление от девочек не регулярно достигало подобного уровня, оно тем не менее остается демографическим фактом. Достаточно серьезно, чтобы привести в движение корректирующие ответные действия со стороны общества. Это также вопрос частоты повторных браков и вдовства.

Когда выходят замуж нимфы, соотношение полов среди детей этого возраста изменяется таким образом, что свободных мальчиков оказывается на 50% больше, чем девочек. Между тем для общества это очень вредно. Мужской целибат должен расти как можно меньше: ценятся военная мощь в коммунальном плане и связь между «домами» в плане частном. Один из факторов фиксируется заранее через число выживших; общество может играть именно на числе мужчин (неосознанно, разумеется). Результат достигается замужеством готовых к браку девочек, но их мужьями становятся не мальчики их возраста, а зрелые мужчины: девочка пятнадцати лет отдается мужчине тридцати — тридцати пяти лет. Так решается проблема слишком высокого процента мужского целибата. Столь поздний для мужчин брачный возраст позволяет добиться численности, приблизительно равной численности женщин. Что касается девочек, то этот же феномен проявляется под другим углом: чем позже они выходят замуж, тем труднее разрешить проблему численного спаривания полов. Следовательно, наблюдается тенденция понижения их брачного возраста.

---

* Восстановление списков семей, начиная с ораторов IV века до н. э. в Афинах, дает приблизительно такие же результаты. (Прим. авт.)

Наблюдая подобные вещи, Аристотель дает им другое объяснение. Он считал, что следует избегать того, чтобы в паре один из супругов регистрировался, а другой нет. От социологии его объяснение устремляется к физиологии: поскольку мужчина способен к оплодотворению до семидесяти лет (Аристотель считал это возможным и вероятным), а женщина — до пятидесяти, «необходимо, чтобы союз полов начинался в возрасте таком, который достигает для этих супругов своего предела». То есть девочка должна выходить замуж за мужчину на двадцать лет старше ее.

«Дети перезрелых родителей, так же как и слишком молодых, рождаются и в физическом и в умственном отношении несовершенными, а дети престарелых родителей — слабыми. Поэтому предел следует определить, сообразуясь с порой расцвета умственных сил. Этой поры большинство людей достигает в возрасте около пятидесяти лет.

Соответственно для пары, находящейся в конце назначенного возраста:

...Кто переступит этот возраст на четыре-пять лет, тот должен отказаться от явного деторождения и может продолжать в остальное время жизни вступать в половую связь лишь ради здоровья или по какой-либо подобной причине» («Политика», 1335b 25—35).

Когда будет сделано «достаточно» детей для общества, когда будет исполнена «служба», которую ожидают от каждого, тогда время брака можно будет считать миновавшим. Еще один признак временной концепции брака.

Спарта в отчаянии. Олигантропия? Многомужие? Полигамия?

Известно, сколько риска в древних обществах было связано с родами. Рождение ребенка представлялось как «невыносимое испытание, сопровождавшееся болью и потерей крови», и, несмотря «на защиту Элейфии и Лохии» (богинь — покровительниц родов), оно являлось причиной смерти множества жен-

щин. Однако еще большее число супружеских пар разрушается из-за разницы в возрасте между супругами и из-за войн. Мужья в первой линии. Появляется множество вдов и меньше повторных мужских, нежели женских браков, поскольку богатое приданое всегда с легкостью находит желающих. Так циркулируют женщины и богатства. Но достаточно бедности, чтобы дисквалифицировать множество таких «старух». Они оказываются без настоящего покровителя, лишь их сыновья могут их принять. Это — женщины без мужчин, еще не достигшие менопаузы, но немногим более свободные теперь, когда получили новый общественный статус.

Подобная нехватка женщин может объяснить редкий социальный факт: в Спарте практиковалось многожние. Озабоченная, как и остальные, опасностью извне, Спарта также боялась опасностей внутри себя, она беспокоилась за свое биологическое, а следовательно, и политическое состояние. Больше всего ее заботила опасность дефицита мужчин. В этом полисе, где педерастия была более законной, чем в Афинах, где она забирала из брака слишком много «настоящий мужчин», холостяцкий образ жизни был запрещен или за него взимали штраф. Спарта уделяла пристальное внимание и окружала заботами женщин при зачатии, беременности и родах. Все это делалось с дальним прицелом: дать городу солдат. Именно дети являются «общественной ценностью города». Эта концепция дошла до того, что решено было освободить женщину от работы женщины в «доме», особенно от ткачества. Поскольку образ жизни, предписываемый женщине, ведет к телесной изнеженности, было решено развивать ее способность носить и кормить зародыш.

«Подобно тому, как женщина Ионии хвастает роскошью одной из своих одежд, спартанка демонстрирует своих четырех сыновей, превосходно развитых и сложенных, вот, говорит она, продукция достойной женщины».

Изнеженной ионийке, живущей в роскоши, но и в заточении, противопоставляется спартанская

женщина, активно поддерживающая связь с городом, заботящаяся о своем теле, чтобы вырастить отличное мужское потомство. В Спарте мы видим евгенику в деле.

«У лакедемонян существует общеизвестный старинный обычай, по которому женщина может иметь троих и даже четверых мужей, иногда братьев, чьи дети считаются общими. Так, общеизвестен и признан факт, что мужчина, получив от своей жены достаточно детей, предлагает ее одному из своих друзей».

Он «передает» ее, если мы правильно поняли. Можно сравнить этот текст Полибия с отрывком из Плутарха, в котором зрелый муж в возрасте, имеющий молодую жену, может, если хочет и знаком с красивым и добропорядочным молодым человеком, «привести его к ней, чтобы осеменить ее достойным семенем и сохранить ребенка, который будет рожден, как его собственный». Женщина и ребенок остаются в «доме» мужа. Женщина лишь исполняет роль сосуда для семени отменного качества. А по Ксенофону, наоборот, мужчина может получить от какой-то женщины желаемого отпрыска, убедив ее мужа предоставить ее ему, чтобы сделать это — «без совместного проживания». Мужчина оставляет себе дитя, а жена остается у своего мужа. Основной причиной подобной практики является большая разница в возрасте между супругами.

В Спарте были сильны мотивации, связанные с идеалом евгеники. В смысле «плодитесь и размножайтесь» спартанцы «наставляли своих женщин совокупляться с самыми красивыми мужчинами, как горожанами, так и чужестранцами» (Николай Дамаскин). Тем же, кого подозревали в том, что их дети не смогут удовлетворить физические и моральные требования, предъявляемые к членам общества, запрещалось иметь потомство. Солдаты, которых страх вынудил бежать с поля боя, объявлялись преступниками: считалось позором «дать им жену или получить ее из их рук», трусость отца могла передаваться потомкам. Ничего из того, что нам известно о доми-

нировавшей в Спарте идеологии, не противоречит этой практике многожужия. По Ксенофону, женщина могла иметь даже два «дома». Что касается детей, супруг считал их братьями собственных детей, «они разделяли родство и власть, но не предьявляли права на наследство».

Сократ Афинский

Неравенство между полами: если спартанское многожужие, похоже, свидетельствует о дефиците женщин, то афинский декрет, принятый в период Пелопоннесских войн (431 — 404 гг. до н. э.), декрет, позволяющий «желающим иметь две супруги», выдает дефицит мужчин. Содержание этого декрета нам точно неизвестно, о нем лишь упоминается в текстах, касающихся бигамности Сократа, имевшего двух жен, Ксантиппу и Мирто, от которых у него были дети.

«Афиняне, желая увеличить население из-за недостатка мужчин, приняли закон, гласящий, что жениться можно на одной женщине города, но можно иметь детей от другой».

Этот закон вполне мог быть принят собранием, обеспокоенным будущим города, а значит, и его безопасностью. Факт, что закон сохранял звание супруги только за одной «женщиной города», вполне согласуется с законодательством, действовавшим тогда в Афинах, которое требовало, чтобы афиняне, желавшие обзавестись законными детьми, женились только на одной женщине и только «из города», то есть девушке, имевшей родителей-афинян.

А теперь рассмотрим природу связи гражданина с другой женщиной. Мы знаем, что подобное было всегда и во все времена и что любой мужчина мог спать с той, кого хотел, и иметь с ней детей. Но тогда к чему этот закон? Зачем подчеркивать мотивацию, способствующую повышению рождаемости, если плод такой связи является не гражданином, а бастардом? Дело в том, что до нас дошел сокращенный текст закона. Если речь идет об «олигандрии», выра-

жение «из города» должно рассматриваться как «даже из города»*. То есть и от новой подруги иметь законных детей — не важно, от какой женщины, и (даже) от женщины «из города». Настоящая бигамия могла быть разрешена при условии, что вторая женщина тоже является матерью законных детей, но не супругой. Возможно, после нескольких военных поражений оставшиеся в живых афиняне смирились с подобной мерой, не соответствующей их обычным принципам. Случай Сократа доказывает: эта другая женщина, Ксантиппа, — мать, но не супруга, — прожившая с ним всю жизнь, прекрасно сожительствовала с тем, кто делал ей детей, предписанных законом, а также с «официальной» супругой, той Мирто, которую философ взял без приданого.

Тем не менее Сократ очень скептически относился к браку. Но если он из чистой доброты взял в законные супруги Мирто, несмотря на ее бедность, зачем же он взял еще эту шлюху, лесбиянку, эту невыносимую Ксантиппу, «самую невыносимую из женщин существующих и... тех, что существовали, и тех, что еще будут существовать»? Неужели чтобы повысить рождаемость в обескровленном войной городе? Вероятно, нет, он был далек от коллективного стремления к процветанию в индивидуальном решении организации своей личной жизни. Нет, он жил с ней до брака с Мирто, и поскольку речь шла о сожительнице на манер Аспасии, он мог поступить так только по склонности.

Интермеццо: gamos, ночной праздник

Есть в жизни каждой женщины два дня лучших:
Когда женой берут — и на погост тащат.

Гиппонакт. Пер. В. Ярхо.

Нам осталось теперь «отпраздновать» свадьбу. Мы неоднократно к ней приближались, но никогда

---

* Как объясняет это J. Labarbe «Les compagnes de Sokrate», А. С., 67, 1998, 5–43. (Прим. авт.)

о ней не рассказывали — ни о том, как она проходила, ни о ее завершении — передаче женского тела мужчине. Самое очевидное, это *переезд* супруги из родительского дома в дом супруга. Антропологи довольно быстро обнаружили среди многочисленных церемоний ритуал «передачи». Этот ритуал состоит из трех частей: разделение — нимфа покидает семью, переезд — брачный кортеж провожает ее в новый «дом», вхождение — она входит в новый мир.

Священное, божественное, чистота — словом, религия играет во всем этом огромную роль. А также фольклор, например жест — муж берет юную супругу на руки, чтобы ввести ее в новый «дом», не касаясь порога, или суеверие, когда нимфа глотает гранатовое зернышко в вечер *gamos*. Но как воздействие «магического» на плодовитость, так и страх осквернения находятся в гармонии с восприятием священного.

Познакомимся с нимфой Гиппе, которую мужчина вскоре введет в свой «дом».

Дева Гиппе высоко зачесала короткие кудри своей шевелюры, Виски умастив и лентой украсив. Для нее подошло время

свадьбы.

Прими, Артемида, девичьи локоны в дар от нее. Пусть через волю твою

День этот станет также днем материнства ликомедонки

прекрасной,

Что любит играть в свои бабки.

При переходе в новое состояние (брак для девочки, пубертат для мальчика) обычай предписывал приносить свои волосы (частично или целиком) богиням — покровительницам юности (Артемиде — девочки и Аполлону — мальчики). Гиппе — «Кобылица» — находится в переходном периоде, то есть в особой ситуации. Она *parthenos*, «незамужняя» или «дева», готовая выйти замуж, однако она не обязательно находится в физиологическом состоянии, квалифицирующем ее как «достигшую брачного возраста» (достигшую зрелости) в других культурах. Тем не менее *gamos* связан с зачатием: по воле Артемиды

свадьба и зачатие должны стать для Гиппе одним целым. Происходит поразительное сжатие времени. Эта девочка, которая «любит бабки», отдает свои волосы Артемиде ради успешного зачатия в день собственной свадьбы и готовится стать в одно мгновение женой и матерью. Детские игрушки меняются на взрослую сексуальность и материнство: это происходит с головокружительной скоростью. Едва она расставила своих кукол, как ее уже зовут надеть свадебное платье и ритуальное покрывало и заставляют думать о колыбели! Здесь нет места подростковому периоду, и найдется ли здесь место тому, что мы называем юностью? Чтобы быть взятой мужчиной, нимфа Гиппе оставляет свои «девственные прелести» — прелести Артемиды — ради другого мира, мира взрослой женщины, получающей в удел других покровителей. Приношения Гиппе символизируют предстоящие в ее жизни перемены. Волосы, длинные и распущенные все детство, острижены, чтобы спать с мужем, а затем будут скромно покрыты. А вот что говорят тексты о нижнем белье девочки. «*Parthenoi*, собираясь выйти замуж, приносят свои девственные пояса Артемиде». Эти «пояса» — всего лишь неловкий современный перевод нижнего белья. Тимпаны. Не игрушки, а инструменты, позволявшие ей занимать свое место в религиозных хорах. Так же, как она оставляет свои волосы, одежду и белье, она оставляет девственные хоры ради других культовых групп, обращающихся к богиням с помощью иных средств. Мяч и бабки противопоставляются домашней утвари: жаровне, ситу, ключам, которые она получает в ритуальное владение в «доме» супруга в конце брачной церемонии.

Подчинять с помощью богов

Понадобятся все средства принуждения со стороны этих обществ, чтобы девочка добровольно перешла в новое для нее состояние. И религия, о которой уже много говорилось, играет здесь не последнюю роль. Список божеств, покровителей *gamos*, приво-

дит Плутарх: Зевс Телейос и Гера Телейя, Афродита, Пейто и Артемида. Политеизм имеет собственную внутреннюю строгость, и, видя подобный список, переводчик должен интересоваться не только ролью и функциями каждого бога, но и его связью с другими и всем ансамблем в целом. Уже упоминавшаяся Артемида является богиней, покровительствующей детству, что не мешает ей сопровождать нимфу до родов, поскольку она тесно связана женской физиологией и послеродовой сферой. Вместе с Пейто и Афродитой нимфа переходит из одного состояния в другое, и именно в связи со своей плотской связью с супругом просит она богиню любви о заступничестве. Эти богини помогают добиться сексуального союза. Вызывать желание — дело многозлатной Афродиты, а Пейто ей в этом помогает, ведь она, как и нимфа, является дочерью, согласно Саффо: Гесиод показывает, как Пейто наделяет Пандору соблазнительными прелестями при помощи золотого кольца. Она помогает женщине соблазнить своего мужа. Ребенку понравиться взрослому сложно! Зевс Телейос и Гера Телейя — образцовая божественная чета, «совершенные» (смысл слова *телейос/телейя*) мужчина и женщина, то есть супруги. Таким образом, от Артемиды до божественной супружеской пары каждый этап находится под защитой благосклонного божества. Но какое столкновение времен! Находящееся под покровительством Артемиды детство сталкивается с супружеской эротикой, и вот уже матрона, эта девочка вскоре присоединится к культовым группам, славящим Деметру или Дионису.

Именно через общий образ подчинения, который называется браком, видится сексуальный союз. Быть замужем по-гречески означает «быть в подчинении». Одно из имен Геры, богини-женщины-супруги, *Syzygia* (Покорная); даже Афродита называется *Zygia*, и Плутарх упоминает дельфийцев, называвших Афродиту «богиней супружеской упряжки». Этот образ девочки, рассматриваемой как обязанное подчиняться животное, мы уже встречали — это образ На-

всикаи. В символических метафорах и она выступает как козочка или дикая козочка. Многие героини в предбрачное время носят «лошадиные» имена, а воспитать-приручить этих «дикарок» благодаря Артемиде «домашней» или выдать их замуж — одно и то же.

Кобылица молодая, бег стремя неукротимый,
На меня зачем косишься? Или мнишь: я — не ездок?
Подожди, пора настанет, удила я вмиг накинута,
И, узде моей послушна, ты мне мету обогнешь.
А пока в лугах, на воле ты резвишься и играешь:
Знать, еще ты не напала на лихого ездока!

Анакреонт. Пер. Г. Церетели.

Там, где Киприда в нежной траве
Гиацинты взрастив, лошадей
Под ярмо шлет, всем желанное.

Анакреонт. Пер. В. Ярхо

Таким образом, свадьба — это разрыв со сферой покровительства Артемиды, местом первого приручения неконтролируемых сил подростка, которого тут же начинают муштровать другие силы.

Некогда в Спарте, придя к белокурому в дом Менелаю,
Девушки, кудри украсив свои гиацинтом цветущим,
Стали, сомкнувши свой круг, перед новой расписанной спальней —
Лучшие девушки края Лаконского, счетом двенадцать.
В день этот в спальню вошел с Тиндареевой дочерью милой
Взявший Елену женою юнейший Атрея наследник.
Девушки в общий напев голоса свои слили, по счету
В пол ударя, и вторил весь дом этой свадебной песне.
[...]

Счастлива будь, молодая! Будь счастлив ты, муж новобрачный!
Пусть наградит вас Латона, Латона, что чад посылает,
В чадах удачей; Киприда, богиня Киприда дарует
Счастье взаимной любви, а Кронид, наш Кронид-повелитель
Из роду в род благородный навеки вам даст процветанье.

Феофраит «Эпиталамий Елене». Пер. М. Грабаль-Пассек.

Чтобы попасть в *thalamos* (брачную комнату), следует быть чистой. Отсюда ритуалы очищения водой какого-то источника, какого-то фонтана. Речь идет одновременно о черпании прославленной воды, необходимой, чтобы избавить нимфу от ее нечистоты, и о жертвоприношении богествам,

связанным с этой водой — Нимфам. Нам известна эта церемония, сцена изображена на амфорах особой формы, лутрофорах, которые в Афинах служили для доставки воды в свадебную ванну. Мы видим кортеж, сопровождающий лутрофор от фонтана, где была зачерпнута вода, в дом невесты. Вокруг девушки с факелами, мальчик из этой семьи играет на флейте, затем идет совсем юная девушка, несущая лутрофор. Нимфа идет сзади с опущенной головой, в характерной позе.

Это день *gamos*. Очевидно, на новобрачной парадный наряд. Украшенная венцом, она облачена в великолепные одежды с вышивкой, шедевр ее умения; она обута в нимфиды и скрывает свое лицо под покрывалом. Вероятно, перед брачным пиром происходит принесение жертв богам *gamos*: Артемиде, Пейто и Афродите, Зевсу Телейосу и Гере Телейе. Но в разных городах приношения могли получать и другие боги. Таковы в Афинах Тритопаторы, олицетворявшие предков, от которых зависел генетический успех брака. В Афинах существовал также культ Нимфы, божества, являвшегося не кем иным, как обоженной новобрачной. Все это делалось ради зачатия детей, а божественной помощи никогда не бывает слишком много. Праздничный пир проходит в доме отца новобрачной с семьей супруга. Празднуется сближение «домов» и возникновение между ними обоюдной меновой связи. Разделение полов, похоже, было очень строгим, были столы для мужчин и столы для женщин. Пища, вероятно, была традиционной, но она обязательно включала блюда, признанные способствующими плодовитости, например кунжутные лепешки.

Как и на похоронах, города пытались регламентировать брачные пиры, чтобы ограничить их пышность и число приглашенных, особенно женщин. Возлияния, пожелания, эпиталамы, гимны: музыка не смолкает. Мальчик ходит между приглашенными, раздавая хлеба. В конце обеда нимфу вводят в зал; она вся скрыта под покрывалом и занимает место среди женщин. Наступает момент, когда присутству-

ющие и супруг увидят наконец ее лицо. Снятие покрывала сопровождается вручением подарков от супруга. Он получает девушку, а сам отдает подарки. Снятие покрывала — самый важный момент греческой свадьбы. С этого момента девушка становится замужней женщиной. Теперь она должна покинуть отчий дом и следовать к своему супругу. Кортёж — это публичная часть церемонии. Его основными функциями являются предание брачного союза гласности и физическое исполнение ритуала перехода. Первый аспект очень важен для освидетельствования через социальную группу статуса будущих детей. Одна специфическая деталь: застолье заканчивается поздно, и процессия отправляется к дому супруга в свете факелов, называемых свадебными. Поэтому тайные свадьбы называют «свадьбой без факелов». У дверей дома супругов ожидает повозка (колесница), которую поведет родственник мужа, *parochos*. Глашатай идет впереди, новобрачные следуют за ним, затем семья девушки, все родственники, друзья, дети, увенчанные миртом, и, наконец, музыканты и танцоры. Окрестности оглашаются криками и хорами мальчиков и девочек, хлопками по дверям новобрачных: какой же шум сопровождает потерю девственности!

Горсти яблок кидонских бросали царю в колесницу,
Ворохи миртовых листьев,
Роз и фиалок венки, пучки ячменных колосьев.

Стесихор. «Елена». Пер. Н. Казанского.

Родители новобрачного ожидают кортеж перед своим домом и приветствуют супругов, когда те сходят с повозки. Нимфа является запретным объектом, и ее физический вход в «дом» сопровождается процедурами магического характера: она не должна касаться порога и самостоятельно идти по полу до самого супружеского ложа. Она должна символически принять предметы, определяющие ее новый социальный статус: горшки, жаровню, сито (для муки) и ключи, являющиеся знаком признания ее новой власти над богатствами *oikos*. Наконец, она должна отве-

дать ритуальных *katachusmata*: фиников, лепешек, сушеных фиг, орехов. К очищающим свойствам этих предметов добавляются свойства плодovitости, а в некоторых — фигах, например, — прослеживаются ясные аллюзии с женским половым органом. После этого супруги отправляются в брачную комнату — *thalamos*, дверь которой охраняет один из друзей мужа. Когда ночь *gamos* проходит, родители нимфы приносят подарки. Это также целый кортеж: во главе мальчик, одетый в белое, с факелом в руке, затем канефора* и другие девушки, несущие подарки: вазы, одежду, украшения, горшочки с благовониями, косметикой, гребни, обувь, разнообразные сундуки... Начинается новая жизнь... В эти стены пришла нимфа, но теперь она супруга, а скоро станет и матерью.

Славен будь муж: до свадьбы, столь для тебя желанной,
Дожил, владеешь девою, столь для тебя желанной.

***

Дивен твой образ, дева; сладостней меда взгляды,
Полностью завладела страсть несравненным ликом.

***

«Невинность моя, невинность моя, куда от меня уходишь?» —
«Теперь никогда, теперь никогда к тебе не вернусь обратно».

***

С чем сравнить тебя, о жених счастливый?
С чем сравнить мне тебя, как не с веткой стройной!

Санфо. Пер. М. Гаспарова.

---

* Девушка, несущая корзину с девственной утварью. (Прим. авт.)

ЖЕНЩИНА В «ДОМЕ»: СУПРУГА ИСХОМАХА

«Брак для девушки то же, что война для юноши». Эти слова Жан Пьера Вернана не перестают наводить на размышления о сходстве судеб греческих юношей и девушек. «Выйдя из детства», первые обрекаются на военное обучение (которое подразумевает необходимую культуру тела), вторые могут познакомиться с другим общественным назначением, политикой и приутожить себе другую судьбу только в браке. Обоснованность этого анализа скрывает тем не менее временной дисбаланс между полами, искажающий параллельность, подтверждающуюся только на его концах. «Выйдя из детства», — говорит Ж. П. Вернан; однако в этот самый момент судьбы, уготованные *kouroi* и *korai*, становятся разными. Брак девушки и дальнейшее обучение в ее будущем состоянии уже имеет место или на подходе, в то время как война в жизни юноши приходит гораздо позднее и его образование может длиться еще долгое время. Приблизительно с десяти лет юноша начинает заниматься формированием сильного и закаленного тела, настоящая подготовка к войне начнется только после пубертатного периода; в восемнадцать лет он становится эфебом, то есть посвящается в солдаты. Через два года, по возвраще-

нии с воинской службы, он вступает во взрослую жизнь. По крайней мере он считается взрослым *de jure*, поскольку по сути и содержанию ему еще надо «созреть». Он пока не осмелится взять слово на народном собрании, понадобится еще десять лет, чтобы его признали полноправным гражданином. В тридцать лет он сможет выступать в магистрате, но теперь ему придется ждать получения отцовского наследства; а это произойдет, только когда он обзаведется собственным хозяйством (если подходит данное выражение).

Если мы примем за точку отсчета «выход из детства», мальчику еще предстоит пройти нечто вроде длинного подросткового периода, чтобы привыкнуть с помощью *коллективного* обучения, а уж потом вступить во взрослую мужскую жизнь. Девочка же практически *сразу* превращается во взрослую женщину. Конечно, война и брак представляют для каждого пола «осуществление их естественного предназначения», но эти состояния наступают в то время и в той стадии физического и психического развития, когда один пол долгое время не причастен к другому (перефразируя Ж. П. Вернана). Греческие девочки не выходят за своих сверстников, а мужчины не женятся на своих сверстницах.

Основания для «совместного проживания»

А теперь перед вами два протогониста этой главы, те, кого Ксенофонт выбрал моделью своего «Домостроя»: Исхомах, «прекрасный и хороший», и его жена. Муж — человек зрелый, гораздо старше жены. У него богатый «дом», включающий достаточно большое сельское хозяйство и по крайней мере два дома в обычном понимании этого слова. В городе его считают человеком «прекрасным и хорошим», это и состояние, и качество: принадлежность к зажиточному классу, следование определенному образу жизни, определенное поведение. Как все сограждане, он был в

свое время солдатом, но не простым гоплитом, а служил в кавалерии. Его зовут Исхомах, но имя его жены, как и жены Перикла, не упоминается. Разумеется, в этом появляется личность самого Ксенофонта. Исхомах — всего лишь озвучивает его, он практически не отличается от своего автора: нечто вроде *сельского джентльмена*, предпочитающего скорее активный образ жизни, чем философские рассуждения. Исхомах чаще разъезжает с инспекцией по своим землям, участвует в охоте, проводит время с батальоном гоплитов, чем выступает на столичной агоре. А сейчас нам предстоит проникнуть в интимную жизнь этой пары.

Зачем жениться?

Бальзак дал двадцать шесть вариантов ответа на этот вопрос в «Философии брака», двадцать шесть причин, расставленных в алфавитном порядке, — от *честолюбия* до *усердия*. Это самые точные и наименее правдивые ответы в мире, поскольку никто не согласится с тем, в чем сознается. В Греции Ксенофонта также женились из честолюбия, из жалости, для прикрытия (фиктивно), из интереса... Вопрос, волнующий наших современников: женились ли они по любви? В разговоре с женой по поводу целей брака Исхомах не говорит о любви:

«Когда она уже привыкла ко мне и была достаточно ручной, так, что можно было говорить с ней, я обратился к ней с таким приблизительно вопросом: скажи мне, жена, подумала ли ты, с какой целью я взял тебя и твои родители отдали тебя мне? Ведь не было недостатка в людях: и с кем-нибудь другим мы могли бы спать; это и тебе ясно, и я уверен. Когда я раздумывал о себе, а твои родители о тебе, кого нам лучше взять себе в товарищи для хозяйства и детей, я выбрал тебя, а твои родители, как видно, меня, насколько это зависело от их воли, если когда нам бог пошлет детей, мы тогда подумаем о них, как их воспитать всего лучше: ведь это и наше общее благо — заручиться как можно лучшими помощника-

ми и кормильцами на старость; а теперь вот хозяйство у нас с тобой общее»*.

Оставим теперь в стороне психологический контекст этой речи. Прежде чем ее дослушать, отметим молчание супруги. Ни одна из сторон не приводит здесь ни малейшего доказательства участия девушки в выборе супруга или того, что она хотя бы высказалась по поводу этого поворотного момента своей жизни, каковым является свадьба. Цели брака очевидны, оценены, обсуждены только между ее родителями (прежде всего отцом), думающими за нее, и будущим зятем.

Разумеется, Исхомаху хватало сексуальных партнеров, к тому же его состояние позволяло ему рассматривать и другие партии, не только эту. Кое-что менее ясно в отношении молодой супруги, поскольку понятно, что она не привыкла к выбору партнера, и следует предполагать, что Исхомах имеет в виду, что ее родители могли бы найти другую партию, учитывая, что дочь высоко котировалась на рынке невест. Говоря яснее: ее приданое могло выбрать другого жениха! В Афинах классической эпохи браки заключаются между состоятельными людьми, как, впрочем, вынуждены делать и те, кто состояния не имеет. Мы уже говорили о социальной эндогамии. Зато мы видим, что двум людям может нравиться «спать вместе», их возможные влечения роли не играют. Брак по любви представляется нашим современникам столь очевидным, что следует повторить: любовь и брак — вещи разные по целям и концепциям. Не столько потому, что, согласно Бальзаку, брак — это могила любви, сколько потому, что эти две системы никогда не соединятся. Ни менее, ни более «естественная», чем любая другая, эта концепция имеет право на жизнь. Вспомним, как Сократ наставлял своего сына:

«И, конечно, ты далек от мысли, что люди производят детей ради любовных наслаждений: тем, что может избавить человека от этой страсти, полны

---

* *Ксенофонт. Домострой* / Пер. С. И. Соболевского. (Прим. ред.)

улицы, полны публичные дома» (Ксенофонт «Беседы с Сократом», 2).

Итак, какие достоинства привлекают Исхомаха в его жене? Он вступает в брак потому, что главное слово для него «союз». Через этот акт его родители и он сам вводят нимфу в новое сообщество, *koinonia*. Он называет составляющие этой *koinonia*: «дом» и дети. Исхомах наставляет свою жену на роль союзницы: она будет управительницей в его «доме» и матерью его детей. Именно для этого он взял ее к себе в дом. Если бы мужчины преследовали лишь утилитарные цели, то чаще обходились бы без супруги — слуганок и рабынь вполне хватало бы для их нужд... Если бы речь шла только о «доме», *oikonomia*... но существуют еще дети.

«Дом»? Примечательно, что Греция оставила нам две черты *oikonomia*: вторую, более близкую нам, частично приписывают Аристотелю. Зато мы не знаем произведений, посвященных *philia*, чувствам между супругами, хотя сам Аристотель, так же, впрочем, как и Платон, в своих нравоучительных текстах рассуждает по поводу брака. *Oikonomia* является объектом пристального внимания, Ксенофонт доходит даже до того, что говорит о целой науке, речь идет о размышлениях и предложении решений, чтобы подарить процветание этому замечательному «дому». Итак, справив *gamos*, супруга появляется в новом «доме». Главным в этом замечательном «доме» является супруг.

Что касается детей, то мнение по этому поводу однозначно. Философы утверждают, что мужчины и женщины поступают так же, как животные, и объединяются для продолжения рода. По Исхомаху:

«Боги с глубоко обдуманном намерением соединили эту пару, которая называется “женский и мужской пол”, — главным образом с тою целью, чтобы она была более полезна себе в совместной жизни [знаменитая *koinonia*]. Прежде всего эта пара соединена для рождения детей, чтобы не прекратился род живых существ».

Врачи одержимы навязчивой идеей возможного бесплодия женщин. Граждане, уважающие гигант-

ский «дом», которым является город, тоже озабочены одновременно его мощью, процветанием и, следовательно, его автономностью, и измеряют все это числом солдат. Среди сотни других свидетельств есть одно, представляющее собой брачный контракт. Отцы не довольствуются простой передачей дочерей претендентам, они уточняют, что они должны выполнить: «Чтобы вспахать их законными детьми». По словам Исхомаха, родители его супруги тоже ожидают потомства. Девушка дается мужчине не только для того, чтобы она рожала ему детей, но также для того, чтобы она обеспечила его внуками. Что касается мужа, он берет ее именно для этого, в противном случае он мог бы и отказаться от нее. Впрочем, выбрал ли он ее только для этого? Разве мог он заранее оценить ее качества продолжательницы рода? Оказывается, это вполне возможно. Вот что Сократ говорит своему сыну: «Как всем известно, мы и то еще принимаем в соображения, от каких женщин могут родиться у нас самые лучшие дети: с этими женщинами мы и вступаем в союз для рождения детей» («Беседы с Сократом»). Самые ценные женские качества, по Аристотелю, — красота и рост, темперамент и трудолюбие.

Любящие супруги?

Достаточно ли того, чтобы девушка отвечала критериям евгенического строения, чтобы ее отдали мужчине для рождения законных детей? Нам уже известны мужья — любители анального секса или отдающие предпочтение сожительницам...

Выдержат ли склонность, «натура» конкуренцию с другими видами сексуальности? Как говорил Менандр: «Борьба с блудницей [...] всегда сложна для женщины свободной». Однако в данном случае опасения могут быть беспочвенными. В самом деле, наши герои не кажутся озабоченными подобными проблемами. Они свободно, без аффектации (что нехарактерно для литературы данной эпохи) говорят о чувствах и своих сексуальных отношениях. И из их разговора мы вдруг понимаем, что эти два су-

щества, женившиеся не по любви, а по совершенно иным причинам, эти два существа говорят о любви друг к другу. Да что там, любят друг друга. Но, разумеется, таким образом, каким любили друг друга греческие супруги того времени. «Естественным» образом, как Ахилл любил Брисеиду: «Добродетельный муж и разумный / Каждый свою супругу бережет и любит...» Перефразируя Гомера, можно сказать: «хотя она была отдана мне по договору». Эти слова о любви мы случайно обнаруживаем в конце диалога:

«Скажи мне, жена, спросил я: когда ты считала бы меня, как владельца общего с тобою состояния, более заслуживающим любви, — если бы я показал тебе, что есть в действительности [...] или если б вздумал обмануть тебя? Она сейчас же сказала мне в ответ: Что ты! Что ты! Я не хочу, чтоб ты был таким! Если бы ты стал таким, я не смогла бы любить тебя от всей души. Ну, хорошо, сказал я, мы сошлись с тобой, жена, также и для *телесного общения*? Да, как люди говорят. Так когда, по-твоему, я заслуживал бы больше любви, находясь в телесном общении с тобою, — если бы, отдавая тебе свое тело, я заботился, чтобы оно было здорово и сильно...»

Разумеется, речь идет о сексуальности («телесное общение», говорит он, она не отрицает, но не говорит...), об интимной близости («при вставании с постели», «в тесной близости ванны»), о соблазнении («желание нравиться»; здесь вновь появляется *charis*). Каждый на своем уровне, более или менее стыдливый, каждый в своей роли — разве не колеблется Исомах (он деликатен!), сравнивая прелести своей жены с прелестями какой-нибудь рабыни, — они оба говорят об интересе, который испытывают друг к другу. Он высказывается, она соглашается.

Эти два преимущества (для «дома» и для детей) союза с законной женой записаны в том знаменитом списке гетеросексуальных наслаждений взрослого мужчины, который мы найдем в главе, посвященной связям с другими женщинами: кроме гетер, посещае-мых ради наслаждения, сожительницы, заботящейся

о насущных проблемах его тела, мужчина имеет одну законную жену, хранительницу своего «дома» и мать своих законных детей. Она — союзница, разделяющая заботы жизни материальной, и продолжательница рода. Но «Домострой» хранит и мимолетные следы любви и желания. Однако ничего подобного мы не встретим в диалоге Сократа и Критобула:

«— Вот мы все здесь друзья, так скажи-ка нам всю правду, Критобул: есть ли кто на свете, кому ты поручаешь больше важных дел, чем жене?»

— Никому, — отвечал тот.

— А есть ли кто, с кем ты меньше разговариваешь, чем с женой?

— Есть, но немного».

Конечно, это «сократовский» парадокс, но тем не менее требование правды, подчеркнутое выражением «мы все здесь друзья», дает нам ужасное признание: мужчины говорят чаще с целым светом, чем с собственными женами, являющимися их лучшими союзницами. Можно любить свою *alochos*, но основная часть жизни мужчины проходит без ее участия, среди мужчин. Иллюстрация этого раздвоения читается в сцене, где Сократ, готовясь умирать, *удаляет свою жену*, принимает ванну, приглашает трех своих детей, беседует с ними, дает им указания, затем приглашает... своих друзей. Именно потому, что мужская жизнь занимает всю жизнь мужчины, он не представляет никакой другой жизни, пусть даже очень красивой. Он доходит до того, что боится потерять свою *andreia*, слишком часто посещая женщину в «доме»*. Если он является любовником, даже просто другом женщины, то тайно или, по крайней мере, посмеиваясь над этим. И в этом тоже огромное различие между полами. Если вся жизнь супруги заключена в «доме» и муже, мужчина уделяет жене и «дому» время мимоходом, основную часть жизни проводя в полях, гимназии, на агоре, в военных походах, в общем, ведет в это время холостяцкую жизнь.

---

* Вспомните процесс феминизации и как «сверхмужчина» Геракл прятал ноги Омфалы. (Прим. авт.)

Ценность женщины в глазах мужчины заключается в ее работе (здесь не идет речь о наслаждении) над своим «полем». Поле в системе греческого сельского хозяйства, сохранившейся, как говорят, по наше время, старательно обрабатывается, чтобы подготовить ложе для семян. Мы уже упоминали о сельскохозяйственных метафорах, служащих эквивалентом коитуса, возвышающих роль и место мужчины, активного и деятельного, вносящего *психическое*, и о метафорах для женщины, влажной и уравновешенной, вносящей питательные вещества.

«А женщина после зачатия не только носит это бремя с отягощением для себя и опасностью для жизни, — уделяя ребенку пищу, которой сама питается, но и по окончании ношения, с большим страданием родив ребенка, кормит его и заботится о нем, хотя еще не видала от него никакого добра» («Беседы с Сократом», 2).

Сократ объясняет все это сыну, чтобы тот не сердился, когда на него кричит мать. Он определяет роли двух полов в браке:

«Мужчина содержит женщину, которая в союзе с ним будет рожать детей, и для будущих детей заранее готовит все, что, по его мнению, пригодится им в жизни, и притом в возможно большем количестве».

Итак, мы выяснили тройственную природу брака в его первом функционировании: муж кормит супругу-мать, которая кормит дитя. Возможно, следует даже написать, что он кормит супругу-мать, *чтобы* она кормила дитя. Но чего добивается отец? Каковы цели этих родственных стратегий? Сократ в «Беседах с Сократом», Исхомах в «Домострое» и весь город согласны: чтобы делать детей — чтобы они уважали, заботились, кормили и защищали своих родителей, словом, делали для них то, что когда-то делали для них родители. Исхомах говорит своей жене: «Это и наше общее благо — заручиться как можно лучшими помощниками и кормильцами на старость». И далее продолжает: сексуальный союз позволяет людям «приобретать кормильцев на старость».

Роль детей как опоры в старости является важным фактором социальной сплоченности, и общество пристально следит за этим. Законы карают тех, кто не выполняет этих обязанностей. Но родители не ждут старости, чтобы воспользоваться поддержкой своих детей, «дома» извлекают из них выгоду гораздо раньше. С этой точки зрения два пола не равны между собой, и девочка быстрее приступает к выполнению задач, которым их «женский» характер не мешает быть тягостными и утомительными. Что касается мальчика, от него не ждут продуктивной деятельности. Если он чем-то и занимается, нет никаких сомнений, что это старательно скрывается. Труд марает мужчину, но не женщину.

Любите, если хотите быть любимы, заботьтесь, чтобы заботились о вас. Родственные отношения и отношения любовные готовят тех, кто будет исполнять посмертные ритуалы. А иначе кто позаботится о покойном, о его погребении, кто принесет жертвы, произнесет молитвы, кто будет исполнять различные ритуальные действия «религии» мертвых? Кто из живых сохранит память о покойном? Во всем этом участвуют супруга, друзья, внуки, но организует все сын. Если нет других причин сделать ребенка, то этой вполне достаточно.

Отражение «дома» в городе

Остается главное. В своем «доме» греческий мужчина всего лишь путник (Исхомах: «Я вовсе не бываю дома»). Он все время куда-то стремится: на охоту, в поля, на войну (которая длится несколько месяцев), а особенно в город, чтобы вскоре оттуда вернуться. У него две роли: хозяин в своем «доме», он также участвует (или *может* участвовать) в управлении другим «домом» — городом. Аристотель очень точно формулирует связь между городом и «домом». «Город является совокупностью “домов”, земель и богатств, он может обходиться собственными средствами, чтобы обеспечивать жизнь и благосостояние» («Экономи-

ка»). Аристотель имеет здесь в виду, что политика и город поддерживают между собой такую связь, как экономика (*oikonomia*) и «дом», и что за исключением крупных вопросов мы обнаруживаем в политике и экономике ту же хронологическую последовательность, переходящую от стадии становления и приобретения к стадии принесения пользы.

Наилучший образ политической власти в Греции — тот, в котором взрослые мужчины, граждане, периодически собираются в определенном месте и слушают друг друга. О чем они говорят? О том, что их связывает, что подтверждает их сообщество, их общие дела. Мы не удивляемся тому, что они голосуют за войну, мир, налоги, международные соглашения, рыночные правила, строительство... но нам кажется странным, что они голосуют также за ритуалы и даже за привлечение новых богов, что они регламентируют семейные обряды. В общем, пространно изложив все эти вопросы, они объявляют о своем решении; подобную практику они применяют и в своем «доме». Однако это не значит, что все, что мужчина практикует в «доме», он будет отстаивать в публичном месте. Он может отстаивать вещи прямо противоположные.

Великое дело — дети

Те, кто собирается на площади, — это те, кто защищает территорию и общество: граждане также являются солдатами: они заботятся о сохранении военного потенциала общества. Для этого, как минимум, необходимо восполнять потери. Но всем известно, что брак не является самоцелью молодых людей, любовь к женщинам — не единственное, что их интересует, а женившись, они могут быть несклонны спать со своей женой, и, наконец, даже переспав с ней в тайне *thalamos*, они могут сделать все возможное, чтобы избежать появления потомства. Это-то и подталкивает граждан принимать на собраниях меры, которые мы квалифицировали бы как способствующие рождаемости. Например, борьба с

холостяцким образом жизни с помощью штрафов или других средств. Речь идет о том (и мы видим, до какой степени может дойти проникновение *общественного в частное*), чтобы вынудить мужчину на хотя бы минимальные сексуальные отношения с законной женой. Так, например, один закон, восходящий к Солону (законодатель начала VI века до н. э.) обязывал мужа той, кого называют эпиклерой*, иметь отношения с ней по крайней мере три раза в месяц.

В том мире и в то время женщины, не являвшиеся гражданками, не обладали землей. А ведь городская земля, перефразируя Аристотеля, является землей «домов». Гражданское население — единственное, которое учитывается, — формируется из совокупности глав «домов» и их мужского потомства. Из этого следует, что исчезновение одного из «домов» ведет к потере как минимум одного гражданина (и, очевидно, генного потенциала), и это удостоверяют те, кто собирается на площади и кто против этого борется. Никакая катастрофа не сравнится с гибелью «дома»: это означает конец собственности, конец линии и никакой памяти. И тогда ставится животрепещущий вопрос о передаче. Передаче гражданства и земли. Удовлетворение одного значит удовлетворение другого. Ради укрепления гражданской смены, для поддержки могущества общества, а следовательно, ради его собственной безопасности, следует позаботиться об обеспечении наследника. Правда, те, кто собирается на площади, могут решить, что гражданином-солдатом можно быть и не имея доступа к наследству «домов», разделив два понятия наследования — политический статус и принятие имущества. Но каким бы ни было это изобретение Афин V века до н. э., дети, рождающиеся в «доме» от законной жены, являются преемниками статуса и получают в наследство землю. «Дом» порождает столько «домов», сколько у него наследников. В течение одного

---

* Девушка, не имеющая брата, которую сообщество, опасаясь исчезновения «дома», обязывает выйти замуж за ближайшего родственника ее покойного отца. (Прим. авт.)

поколения может быть изменен социополитический статус гражданина, а также его положение в армии.

Вот стратегия «дома», одолеваемого множеством проблем. Нужны солдаты для города? Он производит их, производя наследников. Однако всегда существует угроза потерять свое потомство, и потому приходится все время заниматься его воспроизводством. Вдумайтесь в принципы экономики любого древнего государства. Принципы античной Греции были не менее жестокими, чем принципы любого другого древнего демократического государства с его постоянными эндемиями (например, ужасные лихорадки и случаи родильной горячки), прибавьте к этому голод, чуму и другие напасти, которые в том мире часто насылали на людей боги. К тому же в любой момент может разразиться война. Перед лицом этой постоянной угрозы «дом» требовал от супруги быть всегда готовой к зачатию. Судя по медицинским трактатам, большую часть пациентов врачей составляли женщины и обращались они к ним главным образом по поводу гинекологии.

Поддержание плодовитости женщины и регулярное совокупление с ней могло привести к тому, что семья слишком разрасталась. Однако врачи утверждали, что женщины знают, как зачать ребенка и как предохраняться. В их распоряжении был целый арсенал специальных средств: от физических упражнений до прерывания коитуса*.

Этот метод заслуживает детального рассмотрения: он является прямой противоположностью современной европейской практике, в которой мужчина контролирует момент наступления эякуляции и выходит из вагины партнерши. У греков мужчина и женщина меняются ролями: женщина, внимательно следя за приближением семяизвержения у мужчины, «препятствует его дыханию» и выполняет движение,

---

* Это недавнее «открытие» принадлежит Л. Бодью (L. Bodiou), изучавшему трактаты врачей и биологов классической эпохи. (Прим. авт.)

при котором партнеры разъединяются, чтобы мужчина эякулировал вне ее. Следовательно, именно она, а не мужчина, контролирует половой акт. Судя по всему, супруги договаривались об ограничении рождаемости, и именно жена наблюдала за исполнением этого решения.

Методов и средств предохранения от беременности было известно довольно много. Они описаны в медицинских трактатах. Например, метод предохранения перед актом (в чем была заинтересована именно партнерша) заключался в введении в глубину вагины предметов, способных «закрыть» матку (жгута, пропитанного оливковым маслом, медом, кедровой смолой, жидкими квасцами...). После акта партнерша садилась на корточки, подмывалась, а потом подпрыгивала и била себя пятками по ягодицам, чтобы из нее вытекла сперма. Она использовала самые разнообразные средства для выкидыша: внутреннее омывание, массаж, ванны или прыжки, энергичная ходьба, катание в повозке, поднятие тяжестей или употребление в пищу препятствующих беременности растений, например цикламена, зерен левкоя, масла хны... Она практиковала ароматерапию (матка очень чувствительна к различным запахам), вводила различные вещества, использовала вагинальные колпачки вплоть до стадий, предшествующих беременности, чтобы помешать оплодотворению*. При нежелательной беременности прибегала к радикальному средству — уничтожению детей.

Вам мальчика или девочку?

Если в семье была только одна девочка, это было трагедией. «Дом», попадавший в женские руки, шел на любые уловки, чтобы выжить, например на усыновление. Или бразды правления таким «домом» брали в свои руки граждане, и общество обязывало

---

* Поскольку греки считали, что оплодотворение происходит через неделю после акта, введение подобных предметов до этого срока не рассматривалось как провоцирование выкидыша. (Прим. авт.)

единственную дочь выйти замуж за самого ближайшего родственника ее отца. Почему так поступали с девочками? Читатель уже и сам может ответить на этот вопрос, учитывая то, что узнал о месте женщины в греческом мире. Можно также привести и другой довод: моральная обязанность обеспечить дочь приданым. По стоимости приданое конкурировало с долей наследства мальчиков...

Не допустить рождения девочки — такова была главная цель противозачаточной стратегии. Считалось, что если связь имела место *в конце* регул — ребенок будет мальчиком, если *во время* регул — будет девочка. Имел значение и способ сношения: член в позиции *удаления* в вагине партнерши означал девочку, *глубоко погруженный* — мальчика. Кого зачать, решал мужчина. Согласно Аристотелю, если мужчина перевяжет себе правое яичко, будет девочка, а если перевяжет левое — будет мальчик*.

Жена Исхомаха — царица пчел

— Скажи, ради богов, где ты бываешь и что делаешь, — спрашивает Сократ Исхомаха... — Ведь не сидишь же ты дома, да и по наружности твоей не видать этого.

— Я вовсе не бываю дома, ведь с домашними делами жена и одна вполне может справиться.

Управлять, руководить, регулировать, растить, кормить... Такова роль супруги, а также смысл глагола *dioikein*, использованный Ксенофонтом, чтобы сказать, что внутри «дома» Исхомах ничем не занимается, что его жена прекрасно справляется с *руководством* «дома». Чаше всего повторяется идея хранителя. Так у Аристотеля и Платона:

«В *oikonomia* роль мужчины отличается от роли женщины; роль мужчины — обеспечивать, роль женщины — хранить» («Политик», III, 4, 1277b). «Добро-

---

* Такое поверье существовало еще в XX веке. (Прим. авт.)

детель жены [...] состоит в том, чтобы хорошо распорядиться «домом», блюда все, что в нем есть, и оставаясь послушной мужу» («Менон», 71е).

Один-единственный глагол воплощает в себе все действия, связанные с работами по «дому». Разве это не отражение общего в частном: управление городом, даже царством, подобно управлению «домом». Чтобы лучше понять предмет обсуждения, послушаем Исхомаха, который в иносказательной форме рисует образ царицы пчел, пытаясь объяснить своей юной нимфе, чего он ждет от нее.

«Согласно этому и обычай соединяет в одну пару и мужчину и женщину: как бог создал их соучастниками в рождении детей, так и обычай сделал их соучастниками в хозяйстве. Обычай указывает также, что для мужчины и женщины приличны те занятия, к которым бог даровал им больше способностей: женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах. Мне кажется, продолжал я, и подобного рода работы, над которыми трудится пчелиная матка, назначены ей богом. Какие же работы у пчелиной матки, похожие на те, которые я должна исполнять? — спросила она. А вот какие, отвечал я, она, сидя в улье, не дает пчелам быть в праздности, но, которым следует работать вне улья, тех высылает на работу, и, что каждая из них приносит, она это знает, принимает и хранит, пока не понадобится употребить это. А когда наступит надобность употребить это, она делит между всеми, сколько кому следует. Она смотрит также за постройкой сотов в улье, чтобы они строились правильно и быстро, и заботится о вскармлении нарождающегося потомства; а когда пчелки вскармлены и стали годными для работы, она выселяет их в колонию под предводительством какой-нибудь пчелки из молодого поколения. Так неужели и мне надо будет это делать? — спросила жена. Конечно, отвечал я, тебе надо будет сидеть дома: у кого из слуг работа вне дома, тех посылать, а кому следует работать дома, за теми смотреть; принимать то, что приносят в дом: что из этого

надо тратить, ты должна распределять, а что надо оставить про запас, о том должна позаботиться и смотреть, чтобы количество, предназначенное для расхода на год, не расходовалось в месяц; когда принесут тебе шерсть, ты должна позаботиться о приготовлении из нее одежды, кому нужна. И чтобы сушеные продукты были хороши для еды, тебе следует заботиться. Но одна из лежащих на тебе забот, продолжал я, может быть, покажется тебе не очень приятной: кто из слуг будет болен, тебе придется заботиться об уходе за ним».

Возможно, нимфе достанет храбрости, с любовью или без любви, справляться с трудностями жизни, но придет время, и она постареет... А если тогда муж откажется от нее? За исключением «глаз, чтобы плакать», ей останется только магия:

«[Я связываю] Аристоцида и женщин, которые будут появляться у него. Пусть он никогда не поцелует другую женщину или другого мальчика!»

Это заклинание, написанное на магической табличке какой-то женщиной, чтобы «связать» мужчину, с которым соединила ее судьба. Судя по всему, речь идет о «связывании» желания или функционирования одного из органов (чаще языка) того, кого она желает завоевать или чью любовь надеется вернуть. Другие женщины, как, например, Симета у Феокрита, прибегают к молитве:

«Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого друга!»

Вертишейка — это колесо, которое быстро вертят, чтобы магическая церемония сопровождалась непрерывным звуком; Симета сжигает муку, лавр, льет расплавленный воск, чтобы ее Дельфис воспылал к ней любовью; она давит саламандру, делает троекратное возлияние, повторяя: «Женщина ль возле него или юноша — пусть он забудет / Также о них навсегда, как когда-то на острове Диис / Разом Тесей, говорят, о кудрявой забыл Ариадне»*. Эта трагедия патетична, желание влюбленной женщины

---

* *Феокрит. Колдуньи / Пер. М. Грабарь-Пассек. (Прим. ред.)*

измеряется, в сущности, не только ее привязанностью к мужчине, но и будущим общественным положением: от этого зависит вся ее жизнь. А вот табличка с текстом, который оставила Фила из Пеллы в Македонии. Отстаивая свое право на жизнь с Дионисофом, она поносит некую Фетиму — «Грязная Фетима, [чтобы она] сдохла!»... Через эту запись я связываю помолвку и брак Фетимы и Дионисофона, как и его брак с любой другой женщиной, как вдовой, так и *parthenos*...

Пусть он не возьмет никакую другую женщину, кроме меня, пусть только мне будет позволено стоять рядом с Дионисофом и никем другим».

Мы уже говорили о сексуальной конкуренции. Кто помешает мужу обратить свой взор на другую женщину, взять более молодую сожительницу, поселить ее у себя в доме, видаться с ней? Что помешает мужчине выбирать партнерш в своем собственном «доме», чтобы, как он говорит, совершать другие «объединения» с его телом? Все жены, даже такие сильные, как Медея у Еврипида, боятся этого.

... завиден

Удел жены, коли супруг ярмо
Свое несет покорно. Смерть иначе,
Ведь муж, когда очаг ему постыл,
На стороне любовью сердце тешит,
У них друзья и сверстники, а нам
В глаза глядеть приходится постылым.
Но говорят, что за мужьями мы,
Как за стеной, а им, мол, копыя нужны.
Какая ложь! Три раза под щитом
Охотней бы стояла я, чем раз
Один родить.

Как избежать этих ловушек, как излечить болезнь, которую можно было бы назвать «старением “дома”»? У Исхомаха, судя по всему, есть ответ на этот вопрос: «Тебе нечего бояться, что с годами тебе будет меньше в доме почета, напротив, ты будешь уверена, что, старея, чем лучшим товарищем для меня и лучшим стражем дома ты будешь, тем большим почетом ты будешь пользоваться в доме».

У женщины есть и преимущества. Ее *physis* не позволяет ей быть такой же отважной, как мужчи-

на, но трусость делает ее внимательной и осмотрительной.

«Но так как бог назначил женщину также и охранять внесенное в дом добро и знал, что для охраны не худое дело, если душа труслива, то он наделил женщину и большей долей трусости, чем мужчину».

Все продумано в этом противопоставлении, и Ксенофонт систематизирует его еще точнее:

«Так как оба пола по природе своей не одинаково ко всему способны, то по этой причине они тем более нуждаются друг в друге, и эта пара бывает тем полезней для себя, что один силен в том, в чем слаб другой. [...] Согласно этому и обычай соединяет в одну пару мужчину и женщину: как бог создал их соучастниками в рождении детей, так и обычай делает их соучастниками в хозяйстве».

Материнская забота является этому наилучшей иллюстрацией:

«Но ввиду того, что в женщину он вложил способность кормить новорожденных детей и назначил ей эту обязанность, он наделил ее и большей любовью к новорожденным младенцам, чем мужчину».

«Холод и жар, путешествия и военные походы» — вот к чему приспособлены «тело и душа» мужчины. Слабость, изнеженность, вялость женского тела заточает ее в помещении. Речь идет об извлечении пользы из этих относительных способностей для приумножения достатка «дома». Именно деятельность мужа обеспечивает «дом» достатком, но женское руководство чаще всего его приумножает. Если все идет хорошо, «дом» процветает, если все идет плохо, «дом» хиреет...

«[Мужчины нужны] для выполнения работ на открытом воздухе: распахивания нови, посева, посадки деревьев, пастьбы скота... С другой стороны, когда [припасы] внесены в крытое помещение, нужен человек для хранения их и исполнения работ, требующих крытого помещения. А крытого помещения требует кормление новорожденных детей, крытого помещения требует также приготовление

хлеба из зерна, а равно и производство одежды из шерсти».

Для женщины лучше остаться в «доме», чем проводить время вне его, мужчине лучше заниматься работами на улице. Девушке, впрочем, позволено ходить к источнику за водой. Женщине — участвовать в религиозных церемониях, похоронах, свадьбах, она может посещать соседок, помогать больным, роженицам. Стоик Гиерокл вынес из этого свою сентенцию: «Мужчине заниматься полями, торговлей, покупками в городе; женщине — работой с шерстью, хлебом, работами по “дому”». Только бедные женщины вынуждены посещать такие мужские места, как агора.

Конечно, нимфа Исхомаха являет все свои способности и показывает хорошие результаты. Она знает, «как распределять между служанками их работу прядильщиц» и, несомненно, многие другие вещи.

«Что же касается еды, — говорит Исхомах, — она была уже превосходно приучена к умеренности, когда пришла ко мне: а это, мне кажется, самая важная наука как для мужчины, так и для женщины».

Снова проявляет себя ненасытная гесиодова утроба! Комедия и постоянно возникающее женоненавистничество приписывают женщине сверхаппетит и любовь к вину. Матери обязаны воспитывать в дочерях умеренность — стыдливость, скромность. Именно они прививают дочерям ценности общества, на которых прочно покоится мужское владычество. «Какое мое умение? — говорит нимфа. — Все в твоих руках, а мое дело, как сказала мать, быть разумной». Благоразумие, *sophrosyne*, признак терпения и самоконтроля, имеет отличия у полов. Для Исхомаха речь идет о том, чтобы быть разумным, как ему советовал отец: поддерживать уровень благосостояния и приумножать его насколько возможно. Для нимфы речь идет о другом: во главе вопроса стоит знаменитая утроба с ее ненасытными желудком и маткой. Именно на них должна распространяться ее воля: сдержанность, воздержание — вот в чем заключается женское благоразумие.

Именно на этой основе наставник Исхомах начинает процесс образования, чтобы сделать из нимфы рассудительную и умелую союзницу. Такова роль воспитателя и хозяина, муж исполняет ее тем лучше, чем он старше. Благоприятный фактор — его авторитет. Зрелый мужчина, уже определившийся в жизни, по крайней мере вдвое старше жены, привычный если не к политическому слову, то, как минимум, к командам, он, естественно, для нее авторитет. Что не мешает ему приносить жертвы богам, прося у них *действовать сообща со своей нимфой*, «чтобы и мне учить ее, и ей учиться тому, что полезнее всего для нас обоих. [...] И [она] горячо обещала перед богами сделаться такой, какой ей следует быть...».

Он, вероятно, ничем не рискует: любые действия нимфы являются всего лишь одобрением и рукоплесканиями в адрес занимательной трудовой программы ее мужа. Вероятно... потому что, по неохотному свидетельству Исхомаха, существуют все-таки кое-какие трудности. Их первый разговор произошел не сразу после свадьбы. Прежде чем он состоялся, прошло некоторое время. «Когда она уже привыкла ко мне и была достаточно ручной, так, что можно было говорить с ней...» Причина ожидания Исхомаха благоприятной возможности начать приучать свою нимфу к труду проста и драматична: до этого момента она молчала. А не разговаривала она, несомненно, из-за морального и ментального потрясения, вызванного переездом в этот новый «дом» и совместной жизнью с незнакомым человеком — от этого она потеряла дар речи. Об этом говорит Медея Еврипида:

И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы, и законы,
Приходится гадать, с каким она
Постель созданием делит.

Свадьба является самым жестоким потрясением в жизни любой греческой женщины. Это еще ребенок; по случаю своего *gamos* она только что поднесла Артемиде свои игрушки: мяч, кукол, бабки... Она ниче-

го не знает, от нее все скрывали, и вот ее приводят в чужой «дом», вокруг нее чужие люди... *Gamos* является насилем: среди криков *Гимен! Гименей!*, музыки и песен, мерных ударов в дверь *thalamos*, она оказывается в постели с мужчиной, которого, возможно, даже не знает, который поражает ее, которому тем не менее ей велят подчиняться и который делает с ней неведомые вещи. Этого вполне достаточно, чтобы потерять дар речи.

Едва введенная в курс дела, едва получившая от своего дорогого хозяина основы основ, она внезапно превращается в хозяйку слуг, рабов, распорядительницу имущества, начальницу тех, кто находится под ее властью. Царица пчел должна приказывать, поучать, руководить рабами: она заставляет их выполнять работу (в «доме» или за его пределами), она также должна награждать, наказывать, кормить. Она за ними надзирает, но также и заботится, даже если, как говорит Исхомах, это ей неприятно. Но та, кто так быстро входит в роль блистательной ученицы-супруги, которая понимает, что такое приумножение «дома», замечает:

«Это [...] для меня в высшей степени приятная обязанность, потому что слуги, за которыми будет хороший уход, будут чувствовать благодарность и станут более преданными, чем прежде».

Новый важный момент: выбор другого главного персонажа дома: *tamia*. Мы довольно рано встречаем ее в греческой литературе, в царских «домах» «Илиады» она играет ту же роль, что и в «доме» Исхомаха: управительница, распределительница, экономка, старшая по «дому». А еще ей надлежит сдерживать женскую ненасытность.

«В экономки мы выбрали после тщательного обсуждения женщину, самую воздержанную, на наш взгляд, по части еды, вина, сна и общения с мужчинами, которая, кроме того, обладала хорошей памятью».

Я указывал ей, что и в благоустроенных городах граждане считают недостаточным издавать хорошие законы, а помимо этого выбирают *блустите-*

лей законов, которые имеют надзор за гражданами: соблюдающего законы хвалят, а кто поступает вопреки законам, того наказывают. Так вот, я советовал жене, чтоб и она считала себя *блюстительницей законов* над всем, находящимся в доме».

Мы знакомимся здесь с совершенством: жена Исхомаха является образцом — литературным, разумеется, но эти категории близки античным читателям Ксенофонта, описавшего повседневный идеал. Однако апогеем являются последние слова Исхомаха о жене: «Тяжелее было бы [...] если бы я налагал на нее обязанность не заботиться о своем добре, чем заботиться о нем». Сократ восклицает: «Клянусь Герой, Исхомах, жена твоя, судя по твоим словам, обнаружила... *мужской* склад ума!» Эти слова потрясают. Мы вспоминаем о невероятно отважных самках, представительницах животного мира у Аристотеля, и вот женщина в своих достоинствах подобна мужчине! Петля затянута.

От этого момента ощущения гордости за свое превосходство, за ощущение себя хозяйкой самой себе до властности всего лишь один шаг. От необходимости укреплять свой авторитет супруга может перейти к домашнему тиранству. Укрывшись за стенами «дома», из-за своей ограниченной способности восприятия и автономности она может решить отказаться от «внешних» взглядов, то есть от взглядов своего мужа. И это несчастье для мужей, как они говорят:

«Вот мужчина, чье счастье каждый нахваливает на площади; но едва переступает он порог своего дома, он самый несчастный из мужчин. Его жена является хозяйкой всего; она командует, она без конца бранится».

Другой персонаж Менандра заявляет:

«Из всех диких животных нет никого более дико-го, чем женщина».

Судя по всему, авторы комедий любят выводить на сцену этих горемык, подчиняющихся своим женам. Несчастному Стрепсиаду, герою Аристофана, пришла в голову глупая идея взять в супруги женщину выше его по положению, некую Алкмеониду, жеман-

ницу, предъявляющую непомерные требования к такому мужлану, как он. «Чудесная, тихая сельская жизнь... среди пчел, вина, оливок и овечьих стад» изменяется с приходом «важной и надутый» дамы*. Несчастный, презираемый, он не может ни выбрать имя своему сыну, ни воспитывать его так, как воспитывали его самого. Стрепсиад говорит сыну: «Вот вырастешь и коз в горах / Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев»; на что жена возражает: «Вот вырастешь, и на четверке, в пурпуре, / Поедешь в город...» Однако это Аристофанов театр: Стрепсиад женится на девушке из богатой семьи только в воображении поэта.

А вот как в конце классической эпохи Менандр передает терзания власти и высокомерие богатой наследницы, пришедшей в новый «дом» с приданым, которое по тем временам можно было бы назвать неслыханным.

«Нет, я не хочу говорить об этой отвратительной ночи, с которой начались все мои несчастья. Горе мне! Стоило ли мне жениться на Греобиле с ее десятью талантами**, женщине, имеющей всего один локоть в высоту. А в придачу невыносимое высокомерие! Во имя Зевса Олимпийца и Афины, это невозможно выдержать! Моя маленькая служанка, такая быстрая, исполняющая мои приказы с полуслова, — она выгнала ее: и что мне осталось?.. Я женился на чудовище с приданым... Именно она принесла мне этот дом и поля; но, чтобы получить все это, надо было взять и ее. Это настоящий всемирный потоп».

*Персонаж *ergatis'a**

Обязанности экономки не освобождают жену от выполнения основных домашних работ, *естественно* присущих женскому полу. Женщина трудится, но это в некотором роде труд, который не считается

---

* Аристофан. Облака / Пер. А Пиотровского. (Прим. ред.)

** Это довольно большое приданое. (Прим. авт.)

трудом. Ни отцами, ни мужьями. Не то чтобы он не был необходимым! Но это труд скрытый, «бесплатный», неявная эксплуатация, без возмущений и уж тем более без принуждения со стороны «деспотов». Он редко рассматривается историками, гораздо реже, чем рабский труд. Дело в том, что эксплуатация пола более банальна, чем эксплуатация раба. Этот труд не выделяется из повседневной жизни, в которой он растворен. Нужно выйти из банального, чтобы его заметить. Иногда об этом говорят, когда женщина умирает. Среди достоинств девушек и женщин, которые отцы и мужья перечисляют в эпитафиях, особенно часто после IV века, упоминается трудолюбие.

Восемь десятков годов

Прожила ткавшая так хорошо и искусно Платфида,
Прежде чем в путь отошла по ахеронским волнам.

Леонид Тарентский. Пер. Л. Блуменау.

Время от времени изобилие работниц ставит перед «домом» определенные проблемы. Предлагаемый ниже эпизод произошел в Афинах после окончания Пелопоннесских войн, когда из-за гражданской войны множество «домов» осталось без мужчин: одни мужчины находились в сельской местности, другие в заключении, третьи укрылись за пределами города. Аристарх жалуется Сократу:

«Когда у нас в городе началось восстание, и многие бежали в Пирей, ко мне сошлись покинутые сестры, племянницы, двоюродные сестры, и столько их собралось, что теперь у меня в доме одних свободных четырнадцать человек. А доходов у нас нет никаких — ни от земли, потому что она в руках противной партии, ни от домов, потому что в городе народа мало. Домашних вещей никто не покупает, занять денег негде...»

Сократ отвечает:

«Почему же Керамон, который содержит много людей, может не только добывать и себе и им средства, но еще столько у него остается, что он даже нажил состояние, а ты оттого, что содержишь много

людей, боишься, как бы вам всем не умереть от недостатка средств?

«Потому что он содержит ремесленников, а я людей, получивших воспитание свободных граждан».

То, что нам известно о женском труде, не дает нам повода предполагать, что Аристарх не представлял себе своих родственниц работающими. Может, все дело в классовом менталитете? Однако женщины из зажиточных классов также умеют месить тесто, например, жена Исхомаха. Самая большая проблема, несомненно, в другом: работать на себя не считается трудом, в то время как работать на других является признаком зависимости, приравниванием свободной женщины к рабам. Сократ более прагматичен, чем его собеседник, и, пытаясь убедить его, он перечисляет список работ, считающихся женскими:

«— Мука полезная вещь?

— Очень даже.

— А печеный хлеб?

— Нисколько не хуже.

— А плащи мужские и женские, рубашки [туники], солдатские накидки [хламиды], рабочие блузы [эксомиды]?

— И это все — очень полезные вещи.

— Неужели твои ничего этого не умеют делать?

— Нет, все умеют, думаю».

Тогда Сократ приводит многочисленные примеры афинян, которые сделали себе состояние, откармливая животных, выпекая хлеб, делая эксомиды.

«— Да, клянусь Зевсом, — отвечает Аристарх, — они ведь покупают и держат у себя варваров, которых могут заставлять работать и делать такие хорошие вещи, а у меня живут свободные, да еще родные.

— И потому что они свободны и твои родственники, ты полагаешь, они не должны делать ничего другого, кроме как есть и спать?»

Эта проблема создает в «доме» напряженную обстановку: согласно Сократу, Аристарх не любит своих родственниц, а те не любят его... Наконец Аристарх решается последовать совету Сократа.

«После этого добыли основной капитал, купили

шерсти; во время работы обедали, после работы ужинали, из мрачных стали веселыми; прежние ко- сые взгляды сменились радостными; они любили Аристарха как покровителя, Аристарх ценил их как полезных членов семьи» («Беседы с Сократом», 2, 7, 1—17).

Супруга богатого человека, жена Исхомаха, присматривает за работой других, как все другие греческие женщины, она лично участвует в приумножении достатка своего «дома». Муж беспокоится при этом о ее здоровье:

«Я советовал ей не сидеть все на одном месте, как рабыне, а с божьей помощью попробовать, как следует хозяйке, подойти к ткацкому станку да поучить служанку, если что знает лучше других, а если что плохо знает, самой поучиться, присмотреть и за пекаршей, постоять и возле экономки, когда она отмеривает что-нибудь, обойти дом и наобшари, все ли на том месте, где должно быть. Это, казалось мне, будет зараз и заботой и прогулкой. Хорошее упражнение, говорил я, также мочить, месить, выбивать и складывать одежды и покрывала. От такой гимнастики, говорил я, она будет и кушать с большим аппетитом, и здоровее будет, и цвет лица будет у нее на самом деле лучше».

А сейчас мы оставим жену Исхомаха, чтобы перейти к документам о женском труде.

Шерсть: прялка и челнок

Конечно, есть мужчины-ткачи, и в конце рассматриваемого периода уже возникают мастерские по производству тканей, но это сущая мелочь по сравнению с теми условиями, в которых производится огромное количество греческих тканей: они изготавливаются в «домах» женщинами. Они прядут, ткут, красят ткани для членов «дома» и, в случае необходимости, как в «доме» Аристарха, на продажу. Почти все происходит там, начиная с доставки грубой шерсти, две основные операции — прядение и ткачество — требуют разной квалификации, особенно умения

работать руками. «Дом» оснащен минимальным количеством необходимого оборудования.

Девочки, ежедневно находящиеся в контакте с опытными старшими женщинами, приобщаются к труду очень рано. Эти мастерские заполняют как женщины свободные, молодые, взрослые и старые, так и рабыни всех возрастов. Мы не знаем, существовало ли разделение труда между свободными и несвободными женщинами. Некоторые изделия большого размера, например покрывала, делились на части, а в конце соединялись в одно целое. Этот общий труд создавал условия для появления женского сообщества в «доме». Как бы там ни было, судя по всему, женщины выполняли множество разных задач и имели немало постоянных забот. Жена Исхомаха кроме изготовления тканей — пока позволяет дневной свет — занимается и другими делами. Однако прядение и ткачество — самая важная женская работа в «доме», самый длительный и утомительный труд. Тем не менее даже в зажиточных слоях общества женщины никогда не освобождались от ткацкого труда. Что касается качества, то это были ткани легкие, тонкие, жатые, разноцветные, вышитые разнообразными рисунками вплоть до тех текстильных шедевров, которые выставляли *parthenoi* во время больших религиозных праздников. Видя красивое платье, мы всегда спрашиваем себя, кто его создательница.

Шерсть, текстильные волокна в целом, со времен Пенелопы по крайней мере, женского рода. *Erga gynaikon*, женские работы — это чаще всего одежда. А шерсть может служить обозначением женского рода даже там, где женского рода нет. Так, в критском городе Кортина мужчина, обвиненный в адюльтере, был приговорен носить на голове пучок шерсти! Выставленный таким образом на всеобщее обозрение, он теперь назывался *gymnis*, женоподобный, и это было оскорбление. Потому что он потерял над собой контроль и предался, подобно женщине, наслаждениям Афродиты. Шерсть в данном случае также указывает, в чем грех этого мужчины.

Неудивительно, что в божественной среде текстильные работы также являются уделом женщин. Можно даже утверждать, что среди богинь умение ткать служит *критерием* в определении сфер влияния. Если выбирать лучшую богиню-ткачиху — это, несомненно, Афина. Утверждая это, мы прекрасно знаем, что другие богини в этом искусстве не отстают от нее: Артемида и Гера, а также героини произведений, например Елена, являются непревзойденными ткачихами. Однако, если выбирать первую, то это именно Афина, одно из имен которой подчеркивает это ее достоинство: *Ergane*, мастерица. От мифа, например о создании Пандоры, в котором именно Афина изготавливает для Пандоры наряд, до ритуалов, где, подобно другим богиням, она чествуется с помощью приносимой в дар одежды, Афина ассоциируется с ткачеством. Она от него «неотделима» по причине ее особой связи с техникой и ремесленными навыками; Афина является изобретательницей ткацких приспособлений и способов; она следит за качеством.

Один из наиболее известных элементов ритуалов, связанный одновременно с ткачеством и Афиной, — знаменитый *peplos*, плащ, который ткали в честь богини и приносили ей каждые четыре года по случаю самого большого праздника афинян Великих Панафеней. Речь идет об огромном и великолепном произведении. Огромном, потому что этот весьма типичный плащ служил парусом кораблю, по этому случаю втаскивавшемуся на половину пути к Акрополю. Великолепном, потому что это подтверждают все свидетельства: это изделие многоцветное, украшенное разнообразными сценами, из которых самые зрелищные представляли войну богов против Титанов. Парча и вышивки украшали этот дар города своей богине-покровительнице. В изготовлении шедевра участвовали три категории женщин-гражданок. Процесс начинался с вступительной речи жрицы Афины, которая «таким образом приступала к работе над *пеплосом* богини». Ее прислужницами являлись две или четыре «архефоры», дочери луч-

ших афинских «домов» в возрасте от пяти до десяти лет. Но, само собой разумеется, поскольку девочкам не под силу подобное грандиозное предприятие, женщины-гражданки других возрастов также участвовали в этом коллективном труде. Сперва в качестве наставниц — матери, мастерицы ткацкого труда; потом приходил черед рабочих рук *ergastines*, *parthenoi*, набранных из десятков лучших семей. Тот же труд, что и дома, то же разнообразие женских возрастов, та же иерархия, та же методика, меняются только размеры и задача. Масштаб требовал разделения и четкой организации труда.

Они кажутся нам слишком юными, эти архефоры, подручные в искусном ткачестве. Однако, возможно, это не так. Жена Исхомаха уже умела ткать плащ, когда пришла к нему. Ей нет еще пятнадцати лет, ей четырнадцать. А благодаря договорам, написанным на папирусах эллинистического Египта, нам известно, что обучение рабыни, чтобы из нее получилась хорошая ткачиха, длится четыре года. Значит, не стоит удивляться, что девочки, рано приступившие к ткацкому ремеслу, также успешно изготавливают в этой мастерской божественный *пеплос*.

Идеальная женщина помимо соблазнительного тела и ума обладает первостепенным достоинством супруги: мастерством и усердием. «Для женщин телесными качествами являются красота и рост; душевными качествами — терпение и трудолюбие, но без угодливости». (Аристотель). Идеал — это та форма «бесплатного» труда, в некотором роде не необходимого тем, кого их участь не обязывает трудиться.

Эпilog с сюрпризом

Итак, что же такое «Домострой» Ксенофонта, как не рассказ о подчинении нимфы мужем? Мы уже видели, как этот образ «работает» на процесс «приручения». Нимфа должна покориться, и та, кого нам показывает Ксенофонт, даже просит об этом своего господина и хозяина. Конечно, он уже застиг ее врасплох, когда она тайком украшала себя; он ее отругал;

она ответила, как следовало, что все это было кокетством, что она принимает его замечания и никогда больше так не сделает, что будет, как учила ее мать, благоразумной. Что мы можем добавить к этой грустной истории? Нельзя же просто так проститься с юной женой Исхомаха.

Мы подготовили вам сюрприз.

«Эпилик был моим дядей... Он умер в Сицилии, не оставив детей мужского пола, а оставив двух дочерей, которых разделили между Леагром и мной. Дядя оставил дела в плохом состоянии... Однако я пригласил Леагра и заявил ему, что в подобных обстоятельствах честные люди должны проявить преданность по отношению к своей семье... “Следовательно, ты должен оставить себе одну, я же возьму другую дочь”. Мы поступили согласно уговору; но, на беду, та, что досталась мне, заболела и умерла. Другая еще жива. Это та, которую захотел Каллий из-за обещанной за ней кругленькой суммы денег и потребовал у Леагра уступить ее. Едва об этом узнав, я прервал молчание и обратился к Леагру... со следующими словами: “Если ты хочешь, чтобы она тебе принадлежала, бери ее и будь счастлив; если нет, требую ее себе”. При этой новости Каллий потребовал наследницу для собственного сына... Что касается этого сына, ради которого он претендовал на обладание рукой дочери Эпилика, узнайте, каково его рождение и как Каллий его признал. Это стоит того, чтобы узнать, сограждане».

Далее читатель поймет, почему его ввели в этот лабиринт афинских споров:

«Он женился на дочери Исхомаха: прожив с ней менее одного года, он взял ее мать, и этот человек, последний из презираемых, жил с матерью и дочерью, жрицей божественных Матери и Дочери*: они вместе жили в его “доме”! Дочь Исхомаха рассудила, что лучше умереть, чем жить в подобном стыде: она попыталась повеситься, но ей помешали; вернувшись к жизни, она бежала из “дома”: мать прогнала

---

* Деметра и Кора. (Прим. авт.)

дочь. Насытившись ею, Каллий отослал ее. Она сказала беременной от него; но когда она родила сына, Каллий не признал его своим. Родственники женщины, приняв ребенка, пришли к алтарю с пожертвованием на праздник Апатуриев и пригласили Каллия начать жертвоприношение... Положив руку на алтарь, он поклялся, что у него нет и никогда не будет другого сына, кроме Гиппоника, рожденного от дочери Главкона, и что, если он солгал, да сгинут он сам и весь его род... Итак, некоторое время спустя он вновь возобновил связь с этой старухой, бесстыднейшей из женщин, перевез ее к себе, а этого сына, уже большого, представил Керикам, заявив, что он его. Каллиадес возразил против того, чтобы он за него ходатайствовал; но Керики проголосовали согласно закону их коллегии, которая позволяет отцу представлять им своего сына, если он клянется, что это его ребенок. Возложив руку на алтарь, Каллий поклялся, что это его законный сын, рожденный от Хрезиллы. Это был тот самый, от которого он раньше отказался...»

Неужели эта мать — нимфа «нашего» Исхомаха? Историки античной Греции — люди осторожные и не решаются идентифицировать мегеру Хрезиллу с нежной безымянной особой из «Домостроя»; к тому же плохо совпадают даты, если считать, что пара является современниками эпохи (около 325 года до н. э.?) написания трактата. Но ничто не мешало Ксенофону выбрать своего Исхомаха за его превосходные управленческие качества из недавнего прошлого, когда Афины, как и составляющие город «дома», процветали. Следовательно, трактат представлял «диалог между прошлым и настоящим»*. Вот как жизнь в «доме» превращает нежную, благоразумную нимфу, любимую и уважаемую, в разбитную вдовушку, гарпию... Можно было бы поверить в поучительную историю Ксенофонта, если бы не случай, руко-

---

* Выражение, заимствованное из комментариев к Ксенофону S. Pomeroy «Xenophon Oeconomicus. A Social and Historical Commentary», Oxford, Oxford University Press, 1994. (Прим. авт.)

водивший связью двух текстов, включивший вторую историю в журнал различных фактов. Хотя вряд ли стоит делать из нее какой-то другой вывод, кроме одного: «дом» существовал и потом... умер. Тем не менее остается осадок от всего того, что говорилось до этого момента о браке. Речь шла о *первом* браке. Вдова же, женщина, уже послужившая какому-то «дому» и переданная в другой «дом», чтобы делать там детей, а следовательно, разведенная, эта женщина, которую ее значительное приданое — в данном случае *очень* большое — делает менее зависимой от мужа, не имеет ничего общего с нежной нимфой. *Отсутствие* девственности, с одной стороны, и воспитание мужа, невинность, огромная разница в возрасте — с другой. Повторные браки встречаются часто. Демографический дисбаланс между супругами, то есть между тридцати-сорокалетними мужчинами и пятнадцати-двадцатипятилетними женщинами, сильно увеличивается благодаря специфической морали мужчин, морали войны, сформировавшейся в эту эпоху в Афинах (откуда перенаселение «дома» Аристарха). Психологические условия, в которых оказываются эти нимфы, не имеют ничего общего с психологическими условиями первой брачной ночи какой-нибудь *parthenos*.

После 451 года до н. э. и того закона Перикла, который впоследствии помешал ему самому, брак в Афинах стал возможен только в системе «домов».

ЖЕНЩИНЫ ВНЕ «ДОМА»: ОТ АСПАСИИ ДО НИРЫ

Воздавая почести супруге, греки, таким образом, хотели сохранить свою общественную систему, и именно чтобы приспособиться к этой определенной иерархии, мы до сего момента отдавали в нашей книге предпочтение супругам и дочерям граждан. Но они составляют лишь видимую часть огромного континента, населенного призрачными женскими тенями. Практически мы ничего не можем узнать о десятках и сотнях тысяч рабынь. Более доступной, а следовательно, более представленной в источниках могла бы быть история женщин «свободных», но не попавших в систему «домов», которые, если им не выпадал шанс выйти замуж, возможно, становились кем-то другим. Но мужчины о них не говорят. Одним словом, в поэзии, театре и живописи шире всего представлены те, кто зарабатывает на жизнь своим телом, кто живет продажей любви. Сохранились истории, анекдоты, портреты нескольких знаменитых гетер. В отличие от жен, куртизанки не анонимны. Мы оставим без внимания их личные качества и рассмотрим другие комментарии, которые пополнят наше представление о греческих женщинах.

В Афинах в IV веке до н. э. шел процесс против куртизанки Ниры. Выступавший на нем оратор так

охарактеризовал роли разного рода женщин, с которыми могут иметь отношения граждане:

«Брак заключается, чтобы производить для себя детей, чтобы вводить своих сыновей [он не говорит: своих детей] во фратрию и дем*, чтобы выдавать замуж дочерей. Куртизанок (*betairas*) мы имеем для удовольствия; сожительниц (*pallakas*) — для каждодневных забот; жен — чтобы иметь законное потомство и верную хранительницу очага» (Псевдо-Демосфен).

Этот текст, похоже, был предназначен для историков, однако представленный в нем перечень возможных сексуальных партнерш(ов) «греческого мужчины» несколько коротковат. В нем недостает мальчиков. Даже если речь идет только о гетеросексуальных отношениях и оратор при этом попытается соблюсти ритрическую благопристойность, все равно отсутствие *pornai*, «проститутки», не позволяет считать перечень полным. Но вполне вероятно, что в данном случае *pornai* поставлены в один ряд с гетерами. Эта приблизительная систематизация сексуальных греческих связей сослужит нам хорошую службу. Начнем с лексики, как мы уже делали в случае с гомеровскими женщинами. Используется три слова, чтобы описать женщин, чье положение и социальные роли очень близки.

Первый — «гетера», термин, несомненно, самый специфический. Этимологически простой, но любопытный, это женский род от *betairos*, «товарищ», «друг». Говоря «гетера», имеют в виду просто «подругу» или «добрую подругу» — смысл прямой и всегда прочувствованный, таким образом, видна некоторая тенденция смещения функции и роли к полюсу платонической любви:

«Я хочу поговорить с вами о гетерах, по-настоящему заслуживших свое название... об этих женщинах, способных на преданную дружбу... об этих женщинах, которые единственные среди женщин

---

* Социальные группы, служащие интеграционными рамками города. (Прим. авт.)

славят доброе имя дружбы, которые поклоняются той Афродите, что зовется в Афинах Афродита Гетера».

Однако часто мы переводим это слово как «куртизанка», имея в виду некую изысканность, хотя можно это сделать и с помощью термина более расплывчатого — «проститутка». Но поспешим тут же уточнить: это проститутка, имеющая довольно высокий социальный статус. Между тем у нас нет уверенности в том, что эвфемизация с помощью денег верна в реальной жизни. Тот же философ, только что выступавший за «лишенную сексуального характера» гетеру, продолжает: «Но мы называем также “доброй подругой” женщину, которой платим; а “сделать доброй подругой” — значит заплатить, чтобы переспать с кем-то». Не вызывает сомнений, что речь идет о женщине, продающей свое тело. Трудно найти в нашем современном языке понятие, адекватное слову «гетера», самое большее, что мы можем сделать, это сравнить ее с японской гейшей. Быть гетерой — значит не быть, каким бы ни было состояние и влияние рассматриваемой персоны, законной женой и считаться скорее кем-то вроде любовницы в буржуазном смысле слова или сожительницей. Изменения роли приводят к изменениям в названии, гетера — «женщина публичная» может перейти в «любовницу» одного мужчины, а потом в «сожительницу». Это вопрос биографии.

Есть также *pallake*, переводимая как «сожительница», то есть та, что «спит с», «любовница». Ее отношения с сожителем характеризуются регулярностью и предпочтительностью: только ему позволено мириться с тем, что ее содержит другой(ие). Существует также и экономическая связь: чаще всего содержание *pallake* осуществляется ее покровителем. Она может быть сожительницей, сожительствовать с мужчиной в его «доме» или другом месте. Подобно детям, рожденным от связи с гетерой, ее дети будут бастардами, даже если *pallake* по происхождению гражданка.

И есть, наконец, *porne*, «проститутка» (*pornos*,

«проституция»). «Продажа своих прелестей» называется *porneia*, но это слово также может обозначать запрещенные сексуальные отношения, например супружескую измену. Во всех словах, образованных от слова *pornosle*, заложена идея продажи: продаться кому-то или продаться проститутке — значит уступить за деньги право на тело другого человека или на свое собственное. Этимология не противоречит этой интерпретации, производящей *porne* из *perneti*, «продавать».

Лексика проституции

Гетер, по словам оратора, мужчины посещают для наслаждения. Но какого? *Hedone* — это «наслаждение» в широком смысле слова, наслаждение, которое получают и дают, «наслаждение» ума и тела; это «желание» во множественном числе. Следует учесть полисемию, которую вносит наш термин «куртизанка»: наслаждение, даруемое гетерой, не только сексуальное. Они обучены другому, развивают другие таланты, кроме общих и ожидаемых, способствующих сексуальному наслаждению: умение слагать стихи, музицировать и танцевать, умение вести интеллектуальную беседу согласно вкусам и просьбам клиентуры. Это самое важно: удовлетворить мужские ожидания, чтобы жить или чтобы выжить, ведь оказываемая услуга приносит деньги, а в зависимости от спроса устанавливается и предложение. Более обеспеченные мужчины повышают «стоимость» гетер. Таким образом, мы оказываемся на территории рынка, где процветает конкуренция. Конкуренция между предложенными наслаждениями, между гетерами, *pornai* (не забываем и мужское предложение) и между всеми умениями и разнообразными прелестями законных супругов. От внимания к клиенту и предлагаемых услуг зависит их доход, поэтому их поведение отличается от поведения супруги, о чем мы читаем у Лукиана и в эпиграммах «Антологии»:

Неужели блудница услужлива больше супруги? Да, и тому есть причина.
Поскольку жена хранится законом и нагло ведет себя в доме.

Из всех качеств гетеры клиенты более всего ценят «услужливость»:

Если пришел ты к красотке в печаль погруженный,
Тут же тебя поцелует она и не так, как целуют врага — стиснув губы,
Нет, как птица, раскрывшая клюв, а после споет, успокоит
И радость вернет...

А вот какие советы дает мать дочери, начинающей свою карьеру:

Станешь ложиться в постель — не играй недотрогу,
Но и «липучку»* не стоит играть. Покорить, привязать
К себе ты мужчину должна.

Существует также зависимость от среды, воспитания, знатности.

Как же изящно она в рот пищи куски отправляет!
Как не похожа она на тех, что, набивши щеки пореем,
С жадностью жрут мясо. Она не такая! Словно юная дева
Милетская едва трогает каждое блюдо она.

Роль бедной гордой девушки с опущенными глазами, борющейся против несправедливой судьбы, также может благоприятствовать контакту, оказывать воздействие на некоторые категории клиентов:

«Тот, о ком я вам говорю, заметил некую куртизанку, жившую по соседству, и был готов в нее влюбиться. Она была из города; у нее не было ни покровителя, ни родственника; а что касается добродетели, поведение ее было золотым. Это была настоящая [то, что я называю] куртизанка. Ибо другие могут своим поведением опорочить это звание; это же поистине прекрасное звание [добрая подруга]».

Итак, опять двусмысленность. Но не попадем в ту же ловушку, что и «Le Robert», приписывающий про-

---

* Неологизм, созданный Жюлем Лафоргом в его переводе Лукиана, используемый у P. Marechaux «Dialogues des courtisanes», Arlea, Paris, 1998, 32. (Прим. авт.)

ституцию исключительно женскому полу. Все гораздо сложнее: взрослый мужчина может быть привлечен мальчиком с прекрасными глазами. Читая отрывок из знаменитого трактата Эسخина: «Вы знаете этих обитателей публичных домов...», можно ожидать, что он станет описывать *pornai* или, в крайнем случае, гетер, а между тем речь идет о «мужчинах, предающихся всем занятиям, которые вам известны...»:

«Что думать о подростке редкой красоты, совсем юным оставившем отчий “дом”, чтобы уйти спать к иностранцам, участвующем, не затратив ни гроша, в изысканных ужинах, окружив себя флейтистами и самыми дорогими куртизанками, играющем, наконец, но позволяя платить за себя другим?.. Дело ясное... юноша, принимающий от других подобные расходы, должен, очевидно, оказывать им в свою очередь некоторые услуги».

Сожительницы, гетеры и проститутки — к какой привычной нам юридической категории можно отнести этих женщин? Чтобы ответить на этот вопрос и лучше понять роль и место, занимаемое ими в обществе, проследим жизненный путь некоторых из них.

Самая известная, «желанная» Аспасия

Аспасия была самой знаменитой куртизанкой античности, такой знаменитой, что другие куртизанки брали себе это имя в качестве псевдонима. Родилась она — возможно около 480 года до н. э. — в Милете, «столице» той Ионии, которой континентальные греки приписывали несметные богатства, изысканность, ученость и некоторую... женоподобность. Об Аспасии известно мало, только что она была дочерью некоего Аксиоха и покинула «милую Ионию» ради Афин, став метеком («проживающим иностранцем»). К чему покидать Милет ради Афин? Почему она занялась проституцией? Оба факта, без сомнения, связаны между собой. Было ли у Аксиоха

достаточное состояние? Возможно, «лишняя» дочь, дочь бедная, она осталась без приданого, позволившего бы ей выйти за кого-нибудь замуж? Можно также предположить, что подобная участь ее не устраивала, что, будучи юной, она готова была соперничать с самой знаменитой куртизанкой Ионии Фаргелией, «необыкновенно красивой и умной, у которой было не менее четырнадцати мужей»*. Последовала ли она примеру Никареты, отказывавшейся от жизни с челноком в руке ради жизни Афродиты?

«Дом» Аспасии

Хорошо жить — значит не голодать, выбраться из дыры, в которой она оказалась из-за мужчины, но также быть независимой — таковы самые явные мотивы подобного выбора. Если вообще речь идет о каком-либо выборе, потому что нам известно о других гетерах, что они были куплены или проданы, то есть в какой-то период своей жизни были рабынями, и, следовательно, у них не было выбора, зарабатывать ли своим телом, чтобы обогатиться самим или обогатить того, кто им обладал. Но вернемся к Аспасии в тот момент, когда ее посещают самый великий мыслитель того времени, Сократ, и самый влиятельный политик Афин, Перикл. Она не извлекает доходов из самой себя, она управляет «домом», который можно рассматривать одновременно и как бордель, и как литературный или философский салон. К тому же, как бы мы его ни назвали, речь идет о настоящем предприятии, функционирующем таким же образом, как другие предприятия того времени (мы это увидим на примере Ниры).

То, что мы узнаем о «доме» Аспасии и о том, что в нем происходит, невозможно сравнить с теми лупанариями, где «находится множество соответствующее»

---

* Четырнадцать мужчин, у которых она была (одновременно?) сожительницей. (Прим. авт.)

щих молоденьких девушек. [Где] дозволено видеть их днем: они греются на солнце, грудь у них открыта, они обнажены, выстроившись в ряд, словно солдаты*. Можно выбирать. Какую желаете? Худенькую? Полненькую? Кругленькую? Высокую? Юную? Старую? Среднюю? Зрелую?.. Дело лишь за личностью... Стариков они называют «папашей», молодых «мужичком». Вы можете легко получить любую, когда угодно, днем, вечером, любым способом.

У одного из клиентов, Сократа, согласно некоему Гермезинаксу, были иные мотивы для посещения Аспасии:

«Разве не целовала она Сократа, который выше всех мужчин, с властностью Афродиты? Но только чтобы изгнать из глубины души эти мучительные думы, особенно о молодежи, он ходил утешаться к Аспасии».

«Утешаться к Аспасии» не значит утешаться с Аспасией, поскольку она имела (что означает, что она получала большую часть вырученных на этом денег) «маленьких шлюх». Их ей доставляли продавцы или перекупщики девочек. Цена зависела от предложения и качества (красота, происхождение) этого человеческого материала. Она могла оставить этих девочек себе для получения дохода или перепродать в Афины или за границу, сразу же или обучив их профессии. Хотя и было некоторое преувеличение в высказывании: «Аспасия, знаменитая подруга Сократа, получает огромную выгоду от торговли девочками. Эллада переполнена ее маленькими блудницами», — ее сводническая деятельность не вызывает никакого сомнения. Говоря о причинах Пелопоннесских войн, Аристофан упоминает о предприятии Аспасии:

Но раз в Мегаре пьяные молодчики
Симету, девку уличную, выкрали.
Мегарцы, распаленные обидою,
Двух девок тут украли у Аспасии.

---

* Образ фаланги, в которой между бойцами в ряду должно оставаться наименьшее расстояние. (Прим. авт.)

Неужели Перикл жаждет тех же «объятий», что и Сократ, когда идет искать к Аспасии то, чего нет у него дома? По слухам, распространявшимся его политическими противниками, степень правдивости которых нам неизвестна, и по свидетельству Плутарха это был «человек сильно склонный к любовным наслаждениям». Но стоит ли верить, будто «он спал даже с женой собственного сына»? Действительно, когда имена Аспасии и Перикла соединяются вместе в тексте, они выступают синонимами разврата. «Геру Распутство рождает ему, наложницу с взглядом бесстыдным. / Имя Аспасия ей». Комические поэты не боятся грубых слов: блудница, путана, сводня, сука (знакомый образ), дрянь. Так Аспасии, обеспокоенной судьбой Перикла Младшего, сына, рожденного ею от Перикла, один персонаж говорит: «Да, был бы мужем он давно, / Но срам страшит его: блуднице он родня». Репутация Перикла способствовала появлению сатирического полотна, создающего впечатление, будто все Афины развратничают, кто во что горазд. Разве не говорят о знаменитом скульпторе Фидии, что он поставлял Периклу свободных женщин. Комические поэты... клеветают на него по поводу жены Мениппа, его друга и второго стратега*, а также по поводу Пирилампа, компаньона Перикла, который разводил птиц и которого обвиняют в тайной поставке павлинов любовницам Перикла.

Но Плутарх, собиравший все слухи, уверен, что они непомерно преувеличены.

Что удивительного в том, что мужчин, обладающих сатирическим складом ума, охватывает желание сочинять измышления против сильных мира сего, когда известно, что Стесимброт из Фасоса сам решил обвинить Перикла в гнусном и бесчестном посягательстве на жену своего сына?

Тогда как же нам составить верное мнение? С одной стороны, мы не можем игнорировать авторов комедий и Платона. С другой — не можем не при-

---

* Стратеги были в Афинах главными представителями военной и гражданской власти. (Прим. авт.)

знать, что Перикл имеет большой вес в глазах современников: это лучший из ораторов. Он настраивает «свою речь, как музыкальный инструмент», «примешивая понемногу, как бы в подкрепление своему красноречию, науку о природе. “Ту высоту мысли и способность творить нечто совершенное во всех отношениях”, как выражается божественный Платон».

Однако дело в том, что не он составлял свои речи, а Аспасия. Она была — сохранилось множество свидетельств по этому поводу — «красива и умна». Подруга Перикла пользовалась спросом, потому что отличалась ученостью и политической мудростью. Именно Аспасия является специалистом в софистике и научила Перикла ораторскому искусству — искусству, в котором, однако, нет ничего женского! У нас нет оснований в этом сомневаться: «Перикл пленился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах». Произошло ли это, потому что куртизанки больше других проникли в мужской мир, мир вне дома, мир слова, что они были более решительными, чем жены? Сквозь эту призму многое видится совсем иначе — из «дома свиданий», «дом» Аспасии превращается в салон, а постоянное присутствие в нем Сократа не объясняется больше его либидо.

Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми, а его ученики приводили к ней своих жен, чтобы послушать ее рассуждения, хотя профессия ее была не из почтенных.

Сократ ходит к Аспасии не ради поцелуев, а чтобы пофилософствовать; Аспасия играет возле Перикла любопытную роль — сочиняет его речи, и Платон выводит ее на сцену, когда она произносит в своем «доме» надгробное слово, торжественную речь, весьма близкую к той, которую ее любовник произносит в конце первого года войны в — 431 году до н. э. — в память афинских солдат, павших в бою... Выходит, в борделе рождались самые знаменитые демократические речи! И афинские граждане не боялись выпускать своих жен из «домов» и приводить их в бордель послушать царицу городских гетер, ведущую изысканную

интеллектуальную беседу. Но, подчеркивая один аспект в ущерб другому, удивляясь ему, а потом отбрасывая его, мы рискуем уйти от реальности. Наслаждения тела и наслаждения ума не исключают друг друга, и афиняне V века до н. э. несколько не смущались от того, что нам представляется смешением жанров. О чем говорит некая Леонтион, гетера, похоже, достаточно известная:

«Она делает дело, она также занимается философией; но она не перестает заниматься любовью... Она спит со всеми последователями Эпикура в садах, и с учителем, и не таясь*».

Из «дома» в «дом»

После рождения двоих детей от Д... Ксантиппа и Парала, Перикл поселяет Аспасию в своем «доме» как сожительницу. В этом нет ничего удивительного. Мы вскоре увидим, что Фринион поступил так же с Нирой. Но что шокирует его современников, так это причина, по которой он взял ее к себе: он ее любит. Но где же, в каких текстах говорится о любви? Факт неслыханный. Как можно объяснять поступок любовью, особенно когда речь идет о человеке из привилегированной части общества? Ведь он доходит до того, что во время процесса, когда на карту поставлено будущее Аспасии в Афинах — ей вменяют «нечестие», — он говорит, что «очень много слез» пролил «из-за нее», «больше, чем когда он сам был в опасности потерять свое состояние и саму жизнь», до того, что умоляет судей! Вот неприличный, недостойный поступок. К тому же оба они доходят до того, что *публично* целуются!

Говорят, уходя из дома и возвращаясь с площади, он ежедневно приветствовал ее и целовал.

Так любить женщину, хотя она была чужестранкой, гетерой, что демонстрировать это публично! Вот пример шокирующей свободы, нонконформиз-

---

* Согласуется с учением циников в этой области; см., что говорил Диоген о мастурбации. (*Прим. авт.*)

ма. А любила ли Аспасия Перикла? Не потому ли, что Перикл так неосмотрительно любил Аспасию, у них родились дети? Неизвестно. Возможно, перейдя с положения гетеры на положение сожительницы, Аспасия меньше стала бояться нежелательной беременности? Этот ребенок, отец называет его Периклом, звался Периклом Младшим. Его сын, да, но не наследник, не преемник своего отца. Это бастард, сын гражданина, но гражданина, уже имеющего двух законных сыновей, Ксантиппа и Парала. Это также сын Аспасии, чужестранки, гетеры, женщины, не отданной своему мужу вместе с приданным отцом в законный брак, но жившей с ним, то ли потому, что она «была взята» им, то ли потому, что отдалась ему. Словом, маленький Перикл является всего лишь сыном сожительницы-чужестранки и на этом основании не может считаться афинским гражданином, хотя он сын первого среди афинян! Родись он несколькими годами ранее, судьба его была бы другой. В 451 году до н. э. — в то время, когда Перикл все еще жил с Д..., он предложил афинскому народу закон об ограничении предоставления гражданства — отныне гражданства удостоивались только мальчики, рожденные от *обоих* родителей-афинян. До этого же момента было достаточно, чтобы афинянином был отец. Конечно, жить и приживать детей с чужестранкой будет все также возможно, но плод этого союза никогда не станет гражданином Афин. Именно при этом режиме родилось дитя любви Перикла и Аспасии; они вырастили его и дали ему имя отца. После процесса против Аспасии разразилась война, а потом ужасная эпидемия, уничтожившая десятки тысяч мужчин и прежде всего «цвет юности». Два законных сына Перикла тоже умерли. Сперва Ксантипп, старший, с которым Перикл не был в хороших отношениях; но он был сражен гибелью Парала, второго сына. Именно в этих обстоятельствах, под угрозой потери «его имени и фамилии», видя свой «дом» в запустении, он подал афинскому народу прошение об отмене собственного закона для своего последнего сына. Его выступление, по словам хроникеров, было

излишне патетическим, и только состраданием можно объяснить согласие совета удовлетворить просьбу Перикла, в то время когда генеральной тактикой Афин являлось скорее ограничение, чем предоставление гражданства. Афиняне сочли, «что просьба так естественна для человека, и позволили ему внести незаконного сына в список членов фратрии, дав ему свое имя».

Перикл скончается от эпидемии некоторое время спустя. Незамужняя, чужестранка, умная, а еще великолепно разбирающаяся в мужских наслаждениях Аспасия покинет «дом» Перикла и вновь обретет независимость. Не известно, перестала ли она держать «дом свиданий»; она могла бы продать его, когда поселилась у Перикла, но ничто не запрещало ей извлекать из него доход. Как бы там ни было, последний известный поступок в ее биографии свидетельствует о той же двойственности, которая является, несомненно, неотъемлемой частью жизни гетер: после смерти «великого человека» она недолго оставалась неутешной вдовой — впрочем, она вообще не была вдовой. Свое знание политики, риторики, свои педагогические дарования она употребила на службе у одного «торговца овцами, человека незнатного и грубого», по имени Лисикл. Остановив на нем свой выбор и, таким образом, несомненно, породив в городе много зависти, она жила с ним и сделала его «первым человеком в Афинах». Любовница торгаша, подруга демагога, обучая его политике, Аспасия и на закате своих дней продолжала строить независимую жизнь.

Другая Аспасия: греческий образец для персидской кокетки...

Говорят, Аспасия пользовалась такой славой, что Кир, который боролся за персидский престол, назвал самую любимую свою наложницу Аспасией.

Плутарх, сообщая об этом в «Жизни Перикла», подтверждает таким образом, что знаменитые гетеры были очень популярны.

История Аспасии «Второй» описана в сборнике Элена «Разнообразные истории». Судьба этой женщины была исключительной, но нас она интересует по двум причинам — как социальный тип и как сугубо греческий идеал, хотя Аспасия «Вторая» связана с персами.

Жила-была фокейка, бедная и добродетельная...

Ее звали не Аспасией — это был ее псевдоним — а Милтó («Киноварь») — возможно, из-за цвета лица. Но мы немного забегаем вперед, потому что свое имя она получила позднее. Итак, вернемся к самому началу. Она была дочерью некоего Гермотима, сиротой по матери, родилась в Фокее, в Северной Ионии, и «росла в бедности, но держала себя в строгости и твердости». «Строгость» и «твердость» — две добродетели, в греческом представлении присущие скорее мужскому полу. Именно таких бедняков предпочитали сентенциозные греки: добродетельных и гордых. *Parthenos*, как Навсикая, она мечтает о браке, в мечтах ее муж предстает «превосходным мужчиной». Но во время деликатного периода полового созревания с ней случается пренеприятнейшая вещь — мерзкая бородавка на подбородке. Отец ведет ее к врачу. Увы! Нет денег — нет врача. О горе! И тогда во сне ее посещает голубка, которая, превратившись в женщину, говорит ей: «Мужайся! Возьми уже высохшие венцы из роз, посвященные Афродите, истолки лепестки и прикладывай это средство на свою бородавку». Так она и сделала, и «благодаря милости прекраснейшей из богинь» дочь Гермотима вдруг преобразилась из дурнушки «[в] самую прекрасную *parthenos* своего возраста». Другими словами, *thygater* Гермотима перешла в возраст, в котором ее тело изменилось, став «прекрасным» и желанным для мужчин. Это достойно описания, как и в случае с Навсикаей. Из описания нашей красавицы мы узнаем, что волосы у нее белокурые и слегка вьющиеся, очень большие глаза, очаровательный орлиный нос, крошечные ушки, алые губы, зубы белее снега.

Цвет лица, разумеется, «подобен розам», кожа «нежная» или «деликатная». В остальном же автор рассчитывает на наше воображение, исключение сделано только для ее лодыжек. Ах! Эти лодыжки дочери Гермотима! «Они были столь тонкими, что Гомер не смог бы удержаться, чтобы не упомянуть их в числе тех, которые он называл *kallisphyres*». Это признак изысканности. Остается голос: «Можно было подумать, это говорит Сирена», — такой он был сладостный и нежный. И все это никогда не обманывало природу, не добавляло «к своей красоте ничего ненужного и лишнего».

Жизнь Милто изменилась в тот день, когда она была приглашена на пир к Киру. Это Кир Младший, сатрап Малой Азии, брат царя Артаксеркса II. Он при поддержке своей матери организовал в 401 году до н. э. экспедицию Десяти Тысяч, о которой Ксенофонт написал в своем «Анабазе». Отец и дочь сопротивляются этому приглашению-приказу. Им хорошо известно, чем может обернуться для добродетельной девушки подобное пиршество. Но применена сила («сатрапы нередко использовали насилие»), и ничего нельзя сделать, чтобы избежать горькой участи. Это пир мужчин, Кир устраивает со своими товарищами попойку, «как любят и делают персы», но обычаи предписывают в точности следовать примеру пирующих греков. «Когда персы наелись, они в полной мере предались наслаждению... Посреди пира к Киру были приведены четыре юные девы, и среди них Аспасия из Фокеи». Греческая в полной мере, *parthenos* проявляет свой гордый характер, сопротивляясь «принятию одежды», что заставляли ее сделать перед тем, как ввести в зал. Итак, у нас есть все для морализаторского противопоставления. С одной стороны, три другие девицы: лживые интриганки, довольные своей судьбой, чья наигранность противопоставляется естественности Милто: они нарумянены, выглядят вызывающе, демонстрируя «все ухищрения, известные гетерам, использующим красоту, чтобы извлечь из нее выгоду». Сколько художников описывало такую же сцену! И кто бы удивился, глядя,

как эти три гречанки позволяют обнимать и целовать себя? Уже согласившиеся, уже служащие наслаждению этих мужчин, уже рабыни... Им противопоставляется Милто. «Она не поднимала глаз, ее лицо приняло оттенок раскаленного железа, глаза ее наполнились слезами». Она согласна пошевелиться только под принуждением. Она отказывается от роскошного плаща, который ее попросили принять, она отказывается даже от бани. Она кричит, она призывает своего отца, потом проклинает его, проклинает саму себя, ссылаясь на двух своих покровителей, Грецию и *свободу*. Это лейтмотив греческого сознания, возникший из связи с варварами, провозглашавшими право на свободный выбор. Милто чувствует себя узницей произвола: «Она была убеждена, что ее по-нуждают к *рабству*». Однако ей приходится уступить и надеть плащ. Принятие одежды, как и принятие имени — вспомните Брисеиду и Хрисеиду и всех тех женщин, которых насилие передало в руки мужчин, — является в этих историях основополагающим, оно эквивалентно принятию определенных функций. Это конец, но она все еще оттягивает срок платежа, сопротивляется необходимости вести себя «не как *parthenos*, а как гетера». Однако маленькая козочка слишком понравилась волку.

Поговорим о том, что нравится Киру. Около него рассаживают трех девиц. Он начинает их щупать. Они позволяют это делать. Но Милто, едва он дотрагивается до нее кончиком пальца, кричит и вскакивает. Он трогает ее за грудь, она пытается убежать. В первый раз «он был очарован ее реакцией», во второй — «восхитился ее благородством». Его компаньоны находят ее не очаровательной (*acharis*, тогда как в начале ее называли полной *charis*), а грубой и дикой. Кир же говорит своему вербовщику: «Она одна из дев, которых ты доставил, свободна и нетронута». Он пытается быть «не персом», а греком. Кира покоряют ее невинность, добродетельность, гордость. Недостаток вкуса у компаньонов Кира объясняется просто: они слишком персы и привыкли к покорности и смирению других. Значит? Значит любовь! «С

этого момента Кир ценил Аспасию больше других женщин... Он сильно любил ее и... *это чувство ему было возвращено*». Только любовь, похоже, способна объяснить резкую перемену взглядов Милто/Аспасии. Из последней она становится первой. Основные добродетели Аспасии очень греческие, и в роли просвещенного принца Кир тоже выглядит совершенным греком.

Плутарх сравнивает этих двух «прекрасных и мудрых» иониек, двух Аспасий. Он говорит, что именно в память о предшественнице Кир назвал Аспасией Милто, дочь Гермотима, свою первую наложницу. Подобно Периклу, бравшему у своей Аспасии уроки политики и красноречия, Кир ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ней. Знаменитая, как никакая другая женщина (по единодушному признанию греческих и персидских женщин), «мудрая», «образованная» (те же слова использовали для описания первой Аспасии), отличающаяся «возвышенностью чувств», «царственная» (так называл ее возлюбленный). Судя по всему, мало озабоченная своей внешностью, она заслужила восхищение своим благородством. В ней суммировались черты, обычно приписываемые... мужчинам.

Все выше и выше

Но жизнь Аспасии протекает не в неге и спокойствии. В 401 году до н. э. Кир начинает авантюрную военную экспедицию против своего брата, царя Артаксеркса II, рассчитывая занять его место, и терпит неудачу, армия греческих наемников и персидские войска, набранные Киром, разгромлены в битве при Кинаксе. Известно, как поступают с проигравшим. Аспасия, подобно Брисеиде и Хрисеиде, становится военной добычей. Царю-победителю Артаксерксу известно о «мудрой и прекрасной» греческой наложнице брата. Обнаружив ее на поле битвы, царь негодует из-за того, «что ее заковали», и приказывает, «чтобы ей принесли великолепные одежды». Далее следует волнующая сцена. Мы помним, что в конце

концов Аспасия полюбила Кира, но сейчас, уже в других декорациях, повторяется та же сцена, что и некогда на пиру. Аспасия отказывается, она плачет, она умоляет. Умер Кир, ее любовь! За что ей такие бедствия!!! «Однако в праздничном уборе она была самой прекрасной из женщин, и Артаксеркс тут же воспылал к ней любовью». Принятие одежды, вот что превращает самую добродетельную из женщин в царскую наложницу. Царю придется немного подождать, но он своего добьется. Любовница младшего брата-сатрапа Аспасия взлетает еще выше — становится любовницей Царя царей.

Через некоторое время после этого, согласно традиции, существующей у династии Ахеменидов, наследник Дарий просит своего отца о подарке, в котором тот, согласно той же традиции, не может ему отказать. Дарий просит Аспасию. Взятый за горло, царь отвечает, что отдаст ее, но при условии, что сама женщина не будет против. Ее просят прийти, и она выбирает... Дария, демонстрируя по крайней мере постоянство: свою любовь к конкурентам. «Мудрая и прекрасная» обладает, как мы видим, политическим мышлением, и мы без удивления обнаруживаем в ней гораздо больше ловкости, чем непосредственности. Обычай есть обычай, и царь на время уступает свою наложницу сыну.

Но он не замедлил вернуть ее обратно, назначив ее жрицей Артемиды Экбатанской, которую персы называли Анаитис, чтобы она провела остаток своих дней в целомудрии.

Таким образом, используя священное требование непорочности, царь нашел прекрасную защиту одновременно от желания своего сына и от собственного увлечения той, что некогда была бедной, маленькой и некрасивой фокейкой.

Завершает рассказ странный эпизод. Поскольку автор рассказа грек, он описывает в нем скорее собственные взгляды на предмет сексуальности, чем обычаи персов.

Некоторое время спустя умер внук Теристес, самый красивый и очаровательный юноша во всей

Азии. Он завершил жизнь в начале своего расцвета, едва выйдя из детского возраста. Рассказывают, что царь страстно его любил. Он был сильно опечален его потерей и страдал от невыносимой боли. По всей Азии был объявлен всеобщий траур, поскольку все пытались таким образом угодить царю. Однако никто не решался приблизиться к нему и попытаться его утешить... Когда миновало три дня, Аспасия надела траурные одежды и в тот момент, когда царь отправился в баню, остановилась пред ним, плача и скорбя.

Тронутый таким сочувствием, царь «приказал ей идти ожидать его к себе в комнату. Она подчинилась. Когда он вошел, то велел Аспасии одеться евнухом поверх ее черной одежды». Еще одно принятие одежды, но на этот раз не столько для изменения статуса, сколько ради смены пола, если мы правильно поняли текст. «Переодевание в мальчика очень ей пошло, и ее красота еще больше расцвела в глазах возлюбленного». Аспасия знала, какую двусмысленную роль ей надо исполнять. Перейдя в роль эромена в педерастических отношениях, она вызвала еще большее физическое желание у опечаленного царя.

Нира на приступе «домов»

Жизнь Ниры позволяет воссоздать самый достоверный портрет греческой куртизанки. Эту женщину — стойкую, независимую, рабыню, хорошую мать, пытающуюся сохранить за собой место под солнцем, оратор Аполлодор обвиняет во всех недостатках, считая ее антагонистом женщины-супруги в системе «домов». В чем же она виновата? В том, что она проститутка, клятвопреступница, воровка, лгунья, распутница, иностранка и нечестивица? Ничего подобного!

На судебном процессе, состоявшемся около 340 года до н. э., Ниру обвиняли в том, что, будучи *чужестранкой*, она вышла замуж за афинянина Стефана.

За это она должна быть продана в рабство (так наказывалась узурпация гражданства), а тот, кто отдал чужестранку замуж за афинянина, заявив, что она его дочь, лишен гражданских и имущественных прав. Обвинители (личные и политические враги Стефана, например сам Аполлодор), наказывая Ниру, метили в Стефана. Но для приведения приговора в исполнение необходимо, чтобы обвинитель доказал, что она является чужестранкой и одновременно супругой Стефана. Для этого он изучил ее биографию, которую мы сейчас и рассмотрим.

Никарета

История эта начинается в Коринфе в начале IV века до н. э. Главным персонажем является гетера, некая Никарета. Она была рабыней одного жителя Эллиса по имени Харисий, затем освобождена и вышла замуж за знаменитого повара Гиппиаса. Прекрасный союз для того, кто должен обслуживать пиры! Эта Никарета была весьма сведуща в своем «ремесле»: она обладала способностью «различать с первого взгляда будущую красоту у маленьких девочек, чтобы растить их и воспитывать». «Этими созданиями она зарабатывала себе на жизнь». В один прекрасный день Никарета купила семь девочек: Антею, Стратолу, Аристоклею, Метаниру, Филу, Исфмию и Ниру.

Нам довольно трудно уточнить их возраст. В литературном переводе слова, обозначающие девочек, дают обобщенный образ, это «маленькие *paides*» (множественное число от *pais*). Каким путем попали к Никарете эти дети? Неизвестно. Были ли они дочерьми куртизанок (часто дочери наследуют своей матери)? Или это были дети брошенные, выставленные из дома, наконец, являющиеся собственностью «покровителя»? А может быть, это были жертвы насилия, войны, пиратства. Эта специализированная торговля была легальной*, и Никарета знала, где найти то,

---

* Одна пантомима Герондаса (III век до н. э.) называлась «Торговец девочками». (Прим. авт.)

что ей необходимо. Девочки продаются на рынке: разумеется, они являются рабынями, потом проститутками: образование получают на практике.

Сколько лет детям, в которых Никарета видит «будущую красоту»? «Маленький ребенок» — это может означать девочку от семи до десяти лет. Как бы там ни было, Нира еще не достигла полового созревания, когда ее купила Никарета. Отправляясь в Афины на праздник Панафеней, она берет с собой Метаниру и Ниру, ребенка, но уже проститутку. Совокупность иллюстраций подтверждает присутствие на многочисленных пиршествах девочек с неразвитым телом. Этих проституток называют *hypoparthenoi*. Нет, не полудевственницы, а «недодевственницы», несозревшие проститутки. Факт, что существует выражение для их обозначения, доказывает, что их предлагают клиентам. Заведение Никареты располагает разнообразной продукцией, в ее списке фигурируют проститутки всех возрастов. Другое слово — это словоиндекс *thygater*. Мы помним, что этот термин, означающий, скорее всего, «дочь такого-то», появляется, когда встает вопрос о матримониальных отношениях. Аполлодор пишет, что сводня Никарета взяла за привычку называть своих «девочек» *thygater*, «чтобы заполучать самые большие суммы от тех, кто хотел считать их свободными». Это, очевидно, более пикантно, потому что редко встречается и усиливает тягу к запретному — приятно думать, что наслаждаешься прелестями дочери какого-нибудь гражданина. Этот обманный прием, судя по всему, довольно классический, поскольку мы обнаружим, что он позднее использовался Стефаном и Нирой.

Ремесло

Выражение, которое служит для описания того, чем занимается Нира — «работать своим телом»*, подразумевает отношения между рабом и хозяином;

---

* Предпочтительнее, чем «проституировать», чтобы уважать подобие выражения между этим трудом и всеми другими работами, оплачиваемыми или нет. (Прим. авт.)

тот, кто покупает тело другого (или овладевает им насильно или согласно договору), определяет его как орудие, которое он собирается употреблять в деле. Эта Никарета, приобретя в собственность детские тела, сделала их телами гетер. «Нира принадлежала Никарете и работала своим телом, получая плату от тех, кто хотел заниматься с ней любовью». В этой фразе оратора сказано все о функциях и ремесле девушки. Нира «работает» над оснащением своего тела, ее рабочего инструмента, который она умело использует в любой желаемой технике согласно *modus operandi* для удовлетворения мужских желаний. Подобно девицам из одной эпиграммы:

«Три куртизанки тебе предлагают, Киприс счастливый,
Эвфро свои ягодицы, Клейо — то, что женщине всякой пристало,
Атгис же то, что имеет во рту. Ты же взамен первой дай то,
Что мальчик желает, второй — то, что женщина, третьей же —
Третье».

Ловим греков на слове: это настоящий труд. Артемидор считает, что «торговать блудницами, воспитанными в борделе... хорошо для всякого заведения», «ибо некоторые называют этих женщин “работницами”, и они трудятся, ни от чего не отказываясь». Весь словарь проституции является словарем ремесленника. С этими представлениями о проститутках, как о рабочих, трудящихся на ниве секса, согласуется и система оплаты: Нира получает лишь часть денег клиента, основная же часть достается Никарете, и это в порядке вещей, что девушка официально или незаконно удерживает часть от своей аренды.

Нет необходимости измерять расстояние, разделяющее мир Аспасии и мир Ниры. Здесь нет никакого благородства, не идет речь ни о философии, ни о риторике. Нира и ее подруги по несчастью могли бы сказать, что у них «других занятий не было... кроме как себя намывать, натирать, вытирать, украшать, вновь и вновь умащивать, румянить и наряжать». В том мире было принято передавать девушек посреднику с правом аренды. Контракты, с помощью которых собственник освобождается от прямой эксплу-

атации раба за треть суммы, были широко известны, например на рудниках. А оратор использует такой аргумент против Ниры: «Когда женщина находится под руководством другого и в распоряжении того, кто ей платит, скажите мне, что может она сделать, как не подчиниться всем желаниям тех, кто ее использует?» Две ситуации зависимости, подчинения объединяются: по отношению к тому, кто ее купил, и к тому, кто ее использует. Сводня обладает властью эксплуататора, клиент — властью, которую ему предоставляет договор об «аренде» тела, передающего ее в его распоряжение. Проститутка, таким образом, находится в двойной власти.

Кто владеет «домами свиданий»?

В конечном счете мы являемся свидетелями незаконной торговли детьми, разворачивающейся в так называемых «домах свиданий». Их работницы имеют цену, их услуги тарифицированы («Платит за раз пять талантов прелестнице некоей некий... / Лисианасе же я отдаю лишь пять драхм...») «Может за драхму Европу, гетеру из Аттики, всякий / Без пререканий иметь...»); управляющий заведением должен учитывать изнашиваемость человеческого материала и обновлять его. Остается вопрос о статусе Никареты и содержателей в целом. Рабского происхождения, Никарета была освобождена на момент интересующих нас событий. Вряд ли она могла быть владелицей дома, поскольку земля, земельный налог в античной Греции являлись привилегией гражданина. В Афинах, по крайней мере, это была привилегия мужчин. Как и Аспасия, Никарета, следовательно, не может владеть домами, в которых устроены бордели. Гораздо более вероятно, что они принадлежат гражданам, сдающим их в аренду, и то, что нам известно о социальных связях в античном греческом городе, позволяет представить этого собственника как настоящего предпринимателя от проституции. Мы располагаем несколькими примерами, вот один из них:

«Эвктемон дожил до девяноста шести лет; во время большей части своей жизни его можно было считать счастливым человеком; он обладал значительным состоянием, детьми, женой...» (Изей «Убийство све-крови»).

Помимо других источников дохода он имел в Пирее «дом свиданий». У него была «одна вольноотпущенница, от его имени управлявшая домом». Подобно Никарете, именно она набирала новых «рекрутов». Эта Алке за время своего долгого пребывания в «доме» родила детей от одного вольноотпущенника. «Приближаясь к закату своих дней, она перестала заниматься ремеслом». Эвктемон, несомненно, довольный своей управляющей, сделал ее, как было принято, держательницей другого заведения «в Керамике (афинский квартал), возле лавки торговца вином».

Никарета привозила девочек (по крайней мере Ниру и Метаниру) с собой в Афины на большие празднества: Элевсинские мистерии* и большие Панафиней**. Нира разъезжала по всему Пелопоннесу, жила в Коринфе, Мегаре, объездила «Фессалию, Магнезию с Симоном из Ларисы и Эвридамасом... почти всю Ионию вместе с Сотадом Критянином, когда она была нанята Никаретой, которая была к тому же ее хозяйкой».

Обычно она останавливается у клиентов из города, но те часто находят способ поселить ее у своих неженатых друзей, чтобы избежать неприятностей с женщинами «дома». Повсюду Нира «участвует в пирах и праздниках, как может это делать куртизанка». Она и ее подруги очень много путешествуют.

Нира

В один прекрасный день Никарета решает удовлетворить просьбу двух любовников Ниры, Тиманорида из Коринфа и Эвкрата из Левкада, которые, найдя

---

* Религиозные празднества в честь Деметры и Персефоны. (Прим. ред.)

** Празднества в честь Афины. Великие Панафиней проводились раз в четыре года, Малые — раз в год. (Прим. ред.)

слишком завышенной «одноразовую» оплату Ниры, предложили Никарете выкупить ее. «Они предлагают ей 30 мин [как мы увидим, эта сумма будет периодически повторяться] за Ниру, покупку которой они совершают исключительно в местное пользование [Коринф], чтобы иметь ее в своей собственности как рабыню». Но назначенная Никаретой цена высока, и лучше поделить ее на двоих. Сделка включает также передачу власти, и отныне, вместо того чтобы платить, они сами станут извлекать из ее тела доход. Никарета предпочла уступить им, потому что знала, что с некоторого возраста девочки уже не так интересуют клиентов, опять же увеличивается риск беременности. К тому же, заработав на Нире кучу денег, она могла приобрести на рынке новый товар.

Это был первый неожиданный поворот в жизни Ниры. Она, возможно, еще не знала о продаже свободных граждан или о «домах свиданий», деятельность которых регламентируют сами города. На острове Фасос, например, народ проголосовал против продажи свободных женщин, также женщинам было запрещено «подниматься на крыши выходящих на улицы домов, чтобы *показать себя*». С этой покупкой заканчивается богемная жизнь, заканчивается и бесконечный список клиентов: Нира покидает бордель Никареты и обретает некоторую независимость, хотя и не экономическую. Именно в этом новом положении она представляет настоящую сексуальную конкурентку для жен из «домов», невидимого врага, который может позволить себе даже играть с мужчинами. Начиная с этого времени, она работает одна или с теми, с кем предпочтет вступить в союз: танцовщицами и флейтистками. Не принадлежа больше «дому», она может отныне не работать на улице и проводит время на пирах у знакомых Тиманорида и Эвкрата. Но эта новая ситуация временна. Вскоре оба приятеля решают жениться и великодушно хотят даровать ей свободу. Для этого Нира должна — таков обычай — погасить 30 мин, которые они заплатили за нее. Это довольно большая сумма, поскольку известно, что редко за какого раба дают больше 10 мин, что квалифицированный рабочий стоит 3–5 мин, а рабочие на рудни-

ках — 180 драхм. Все эти цены, очевидно, пропорциональны доходам, которые собственник может рассчитывать извлечь из них. Но в античной Греции можно было сколотить огромное состояние, эксплуатируя человеческую сексуальность.

Борьба Ниры за свой статус

«[Нира тогда] заставляет приехать в Коринф множество своих бывших любовников и между прочими Фриниона... который вел жизнь расточительную и развратную... она передает ему деньги, собранные ею со своих бывших любовников и которые она получала в качестве добровольного взноса ввиду ее свободы; она добавила к ним свои сбережения; она просила Фриниона дополнить сумму 20 минами и вернуть все это Эвкрату и Тиманориду в качестве цены за ее освобождение».

Эта удивительная история требует двух уточнений. Первое — когда ни собственник, ни сам раб не способны набрать необходимую сумму, они могут заключить союз — *eranos*, — дающий возможность собрать деньги. Второе замечание касается концепции самой продажной любви и связей, которые она предполагает между проституткой и ее клиентами. В самом начале мы уже говорили о клиентах Аспасии, Никареты и Ниры. В реальности, в судебных записях, все эти мужчины именуются любовниками (*erastes*). Конечно, мы не должны забывать о самом важном аспекте: торговле и физической зависимости одного человека от другого. Однако только принятие в расчет некоего чувства, некоей формы привязанности клиента к гетере, учитывая использование слова *erastes* — «тот, кто любит», позволяет понять, почему бывшие любовники Ниры финансировали ее освобождение. Фринион везет ее с собой в Афины. Новый поворот судьбы: смена места жительства, смена статуса и — свобода, которой Нира не замедлила воспользоваться. Аполлодор, чтобы оказать воздействие на судей, цитирует свидетельства очевидцев, которые видели, что во время одного пира, который давал

Хабрий Аксионский после победы своей квадриги в Пифийских играх*, «когда она опьянела, и Фринион заснул, множество людей попользовались ею — включая слуг Хабрия, прислуживавших за столом». Гнусность из гнусностей — со слугами! Именно в этих обстоятельствах, недовольная тем, как с ней обращается Фринион («он не подчиняется ее желаниям»), Нира пытается обрести независимость. Впервые она принимает решение в одиночку, уезжает из Афин в Мегар (соседний город), прихватив с собой «то, что было в доме Фриниона, всю одежду и украшения, которыми он ее осыпал, а еще двух служанок Фаттру и Коккалину». Ее на мякине не проведешь!

Но дела идут плохо: это не Афины и не Коринф. Аполлодор объясняет это тем что, «мегарец скуп и прижимист!» К тому же идет война и чужестранцы редки. А поскольку Нира очень расточительна, «работы своим телом ей недостаточно, чтобы вести дом на широкую ногу». Именно тут появляется Стефан, самый важный персонаж конца ее жизни, тот, против которого в действительности направлен процесс. Прибыв в Мегар, он «явился к ней как к гетере и имел с ней оплаченную связь». Нира живет на свои собственные доходы, в своем собственном доме. Она хозяйка самой себе и руководит другими (у нее есть рабы, девушки). Тем не менее она не полностью свободна. В городах свобода вольноотпущенников ограничена, они находятся в зависимости от «покровителя», чаще всего бывшего хозяина, играющего роль опекуна. Бывший хозяин в данном случае — это Фринион! Нира мечтает от него избавиться.

С мужчиной в «доме»: Нира в качестве супруги?

Она решает вернуться в Афины и «взять в покровители Стефана». Договор, заключенный между Стефаном и Нирой, довольно прост: она приносит в «по-

---

* Пифийские игры вторые по значению после Олимпийских игр спортивные состязания античной Греции. Они проходили в Дельфах и включали конные соревнования. Выставить в таком соревновании квадригу — признак большого богатства. (Прим. авт.)

дарок Стефану то, что взяла у своего любовника», но оставляет за собой свое имущество, красоту, умение, ремесло и... «трех маленьких детей». Со своей стороны он предоставляет ей «дом». Он добавляет к этому обещание: защищать ее от гнева Фриниона, а потом жениться на ней, «вести ее сыновей в свою фратрию»*, чтобы сделать их гражданами. Мужчина, дети... словом, «дом» со всеми признаками нормального «дома». Это важная ступень в восхождении Ниры по социальной лестнице, она добилась статуса супруги. К тому же этот сценарий сильно напоминает афинский брак по всей форме, а украденное у Фриниона имущество играет роль приданого. Стефан берет Ниру с богатствами! С этого момента мы расцениваем действия Стефана как действия сутенера. Он не только извлекает выгоду из тела Ниры, но и организует работу и даже доходит до того, что принимает в ней участие.

«Ее милости шли [отныне] по еще более высокой цене, теперь, когда она имела дом и мужа. Будучи ее соучастником, Стефан использовал шантаж: когда ему попадался наивный, богатый чужестранец, он обвинял его в измене с женой и требовал с него крупную сумму».

Как и Никарета, лгавшая клиентам, что ее малышки были от рождения свободными, заведение Стефана — Ниры расставило ловушку для одного из бывших ее любовников, использовав дочь Ниры, Фано. Они заставили приехать Эпайнета из Андроса в деревню под предлогом некоего жертвоприношения, и «там Стефан поймал его на очевидном преступлении [соблазнении] с дочерью Ниры и вытребовал у него путем угроз 30 мин». Вероятно, и холостяки, и женатые мужчины имели особое пристрастие к «благородным женщинам», благодаря чему последние могли «получать как можно большую цену за [их] услуги»**. Но прошлое настигает

---

* Форма социальной организации, члены которой вели происхождение от одного рода. (*Прим. ред.*)

** A. Schnapp «Le Chasseur et la Cite. Chasse et erotique dans la Grece ancienne», Paris, Albin Michel, 1997. (*Прим. авт.*)

Ниру. Фринион хочет вернуть свою женщину, сперва силой, а затем организует судебный процесс. Дело, впрочем, улаживается полюбовно: судьи решают, что женщина останется свободной и хозяйкой самой себе; вещи, взятые ею у Фриниона, будут ему возвращены, за исключением одежды, украшений и служанок, купленных для ее личного обслуживания.

Затем следует заключение: «Она может вступать в отношения с любым, каждый день при условии договоренности с той и с другой стороны; супруг позаботится о содержании жены». Нет сомнения в том, что это решение было оплачено (Аполлодор говорит об этом: «Они ходили ужинать к каждому из них, когда была его очередь иметь Ниру; сама она принимала участие в пирах и пила с ними, как куртизанка, какой она была»). В завершение этой истории на сцену выходит дочь Ниры, Фано.

Фано: наконец, осуществить!

Эту Фано Стефан выдал замуж «как собственную дочь за одного афинянина Фрастора» (он заявил, что она не от Ниры, а от его предыдущей супруги-афинянки); «она принесла приданое в 30 мин»*. Что касается домашнего хозяйства, то Фрастор, экономный и работающий, не «находит у нее ни умения, ни покорности»; «все, что ей требуется, это вести себя как мать и жить той распушенной жизнью, которую она вела у нее». Фрастор, кроме того, подозревает, что Фано дочь не Стефана, а Ниры и «злится от всего этого, и, рассудив, что он обманут, через год брака указывает на дверь беременной жене, не возвращая приданого». Юридические разбирательства, следовавшие за этим эпизодом изгнания Фано без приданого, заканчиваются прекращением дела.

«Немного времени спустя... он заболевает; состояние его очень серьезное, он при последнем издыхании. Между ним и его близкими была старая ссора,

---

* Все время одна и та же цифра. В списке приданого 30 мин ставят Фано в ряд с самыми богатыми наследницами. (Прим. авт.)

ненависть и злоба; но вместе с тем он остался без ребенка. Заботы, которыми окружили его тогда Нира и ее дочь, умаслили его. Они приходили к нему во время болезни, когда у него не было никого, кто бы о нем позаботился; они приносили ему необходимые лекарства, следили за ним; сами знаете... как нужна женщина у изголовья больного. Тогда ребенка, которого родила дочь Ниры... он признал... своим сыном».

Мальчика, но не жену! Вероятно, Фано сама больше не хотела возвращаться к Фрастору. Но какая разница! В самом деле, в этот момент победа Ниры кажется такой близкой. Тогда стоит ли усматривать расчет в поведении матери и дочери? Кто может утверждать, что Нира и ее дочь не выказали искреннего участия к больному? Мужчинам хорошо известно, что они могут найти у гетер «предупредительность», которой, по их словам, недостает супругам. И в то же время, разве нельзя сказать, что весь этот сценарий скорее подстроен, чем случаен? Фрастор нужен для того, чтобы перевести на внука Ниры наследство. В Афинах признание отцовства — поэтапный процесс, побуждающий того, кто желает сделать какого-то ребенка *своим*, совершать множество поступков и ритуалов вместе с общественными группами, членом которых он является и в которые желает ввести своего сына. Чтобы голосование членов этих групп было благоприятным, необходимо, чтобы были соблюдены некоторые условия: что это ребенок был от этого отца, рожденного в законном браке с афиняжкой, тоже рожденной в законном браке — согласно правилам — от отца-афинянина, самого женатого на женщине — дочери афинянина и афинянки... Нире все это известно. Однако сын не принят во фратрию, члены группы ссылаются на то, что когда Фрастор обещал признать ребенка своим, то делал это под воздействием болезни (они могли бы еще добавить «любовной болезни»^{*}). Но Фрастор не отступает и

---

* Можно оспорить ментальное здоровье человека, если доказать, что данная персона действует «под давлением женщины». Слишком большая любовь вызывает подозрение в применении магии. (Прим. авт.)

из-за этого отказа возбуждает процесс. Однако когда «требуется... поклясться при жертвоприношении, что он признает ребенка своим сыном, рожденным от законной жены-афинянки», он устраняется. Нира — через Фано — проигрывает эту битву.

Старый Эвктемон тоже оказывается примерно в такой же ситуации. С тех пор как он поселил Алке в заведении в Керамике, он сам не свой. Старик ходит туда «при всяком удобном случае [чтобы получить причитающееся ему]; он проводит там большую часть своего времени, часто даже ест с этой девицей, забросив жену, детей и дом. Печаль его жены и сыновей не оказывает воздействия на его поведение; и в конце концов он окончательно поселился там и впал в такое состояние под действием наркотиков, болезни или по какой-то иной причине, что позволил уговорить себя этой девице ввести в свою фратрию старшего из двух ее детей под своим собственным именем». То есть усыновил сына бывшей проститутки, ставшей сводней и «покровительницей» старика. Маневр не удался, поскольку его собственный сын воспротивился этому, так же как члены фратрии. Именно мужчины довольно эффективно сопротивляются попыткам внедриться в систему «домов», и Алке через своего старшего сына, подобно Нире через дочь и ее детей, не удастся туда проникнуть.

*Религиозное сообщество: пол, принадлежность
к обществу и нечистота*

Продолжая искать мужа для своей дочери, Нира и Стефан замечают некоего Феогенеса «благородного рождения, но бедного и без образования». Этот мужчина был отмечен судьбой — ему суждено было стать царем*. Стефан помог ему, дав денег в тот момент, когда Феогенес вступал в должность, получил

---

* Называемым также архонтом-царем. Архонты — высшие должностные лица в городах-государствах Древней Греции. (Прим. авт.)

от него место для себя, а «затем заставил жениться на этом создании, дочери Ниры, которую отдал ему по договору, как свою собственную дочь»*. И Фано взлетает так высоко, как она еще никогда не поднималась: она супруга царя. Нира торжествует. Статус Фано позволяет ей участвовать в одном из самых величественных ритуалов Афин.

Это происходит на второй день праздника цветов, Анфестериев, посвященного Дионису. В этот день город празднует бракосочетание Диониса с «царицей». Эта *hieros gamos*, божественная свадьба, которая свершается в «Буколеоне», иначе говоря, «стойле быков», считавшемся древней резиденцией царя. Неизвестно, что там происходило в точности, это ритуал мистический и тайный, и как другие мистические ритуалы, его хранили в секрете. В чем заключается это «священное совокупление»? Кто символизирует партнера «царицы» — статуя бога, или жрец, или сам царь исполняет роль бога? Мы не знаем. Как бы там ни было, в символическом плане ритуал понятен: город чествует Диониса, предлагая ему ритуальное совокупление. И вот наша Фано, дочь маленькой блудницы Никареты, оказывается в самом центре одной из религиозных мистерий. Аполлодор рассказывает:

«Итак, эта женщина приносила тайные жертвоприношения от имени города. Она видела то, чего не имела права видеть, будучи чужестранкой. Женщина подобная ей проникла туда, куда не проникает никто из всех афинян, кроме жены царя. Она получила клятву жриц, сопровождавших царицу в религиозной церемонии. Она была отдана замуж за Диониса. Она исполнила от имени города традиционные ритуалы перед богами, ритуалы многочисленные, священные и мистические».

А ведь первое требование, предъявляемое к участникам этих ритуалов, которое помогает избежать

---

* Феогенес вынужден был принять от Стефана жену, юную, но опытную, а также, поскольку это брак формальный, деньги; таким образом было куплено отцовство, делающее из него отца внука Ниры, будущего гражданина.

божественного гнева, — это чистота. И царица заставляя жриц дать клятву: «Я чиста, свободна от любой грязи, особенно от союза с мужчиной». В Греции любой поступок, публичный, частный, гражданский или политический, имеет религиозное значение. Из этого следует, что некий проступок, который мы можем расценивать только как гражданский, в греческой интерпретации может расцениваться как кощунство. Вот почему беспутная жизнь, а особенно супружеские измены, пятнающие Фано, считаются религиозными преступлениями и вот почему эти проступки бесповоротно отстраняют ее от основополагающих актов культа. Это, если хотите, отлучение от церкви. Общество убирает ее с пути, ведущего к священному, во-первых, потому что она не имеет на это право, а во-вторых, потому что это представляет для общества опасность. Ведь женщины испытывают «естественные» затруднения при следовании правилам морали (по причине их слабости *sui generis*), особенно в сексуальной области, так что мужчины не могут им доверять, потому что из-за них грех «осквернения и кощунства» падает на все общество. Чтобы бороться с их распущенностью, необходимо безжалостное законодательство, предоставляющее, например, право неприкосновенности тому мужу или «первому встречному», кто налагает на виновную в супружеской измене «любое наказание, какое пожелает», — иными словами, *вплоть до смерти*.

Кто тебя высек нещадно и голою выгнал из дому?

Зрения был он лишен? Сердце из камня имел?

Может, вернувшись не в час, у тебя он любовника встретил?

Руфин. Пер. В. Печерина.

Закон предписывает женщинам испытывать страх, оставаться честными, не совершать проступков, быть верными хранительницами очага*, он предупреждает их, что если они не будут ему подчиняться, то будут тут же изгнаны из супружеского «дома».

---

* Отзвук слов Аполлодора. (Прим. авт.)

Закон о супружеской измене запрещает мужу любое проявление слабости, он предписывает ему больше не жить с женой. А если муж воспротивится, то будет лишен своих прав и исключен из политического сообщества. Что касается супруги, то ей, подобно рабыне или чужестранке, запрещается участвовать в публичных культовых церемониях, изменившая мужу жена из них изгоняется. Аполлодор грозит судьям: не забывайте, когда будете голосовать, что вы ответите «вашей жене, вашей дочери, вашей матери», когда они спросят о вашем вердикте. Захотите ли вы сказать: «Мы ее простили»?

«Следовательно, было бы лучше, чтобы этот процесс не имел место, чем видеть, что он закончился оправданием, поскольку отныне проститутки получают полную свободу выходить замуж по своему желанию и заставлять принимать их детей неизвестно за кого: законы будут бессильными, а фантазии куртизанок станут законом.

Подумайте об афинских женщинах, страшась, что дочери бедных граждан не найдут больше мужей. Сегодня, даже когда они оказываются в стесненных обстоятельствах, закон обеспечивает их достаточным приданым, если только природа не наградила их каким-нибудь недостатком. Но, когда после вашего оправдания закон превратится в насмешку и перестанет быть направляющей силой, проституция распространится на дочерей граждан, на всех тех, кто не может выйти замуж из-за отсутствия денег. С другой стороны, куртизанки будут возвышены до свободных женщин, когда получат привилегию иметь законных детей и участвовать в мистериях, жертвоприношениях и прерогативах граждан».

Политическое и религиозное сообщество — это одно и то же.

«Пусть каждый из вас, свидетельствуя свое одобрение, скажет себе, что речь идет о его жене, дочери или матери, городе, законах, религии: не надо, чтобы честь этих женщин ставилась в один ряд с блудницей; тех, кого родители вырастили в добродетели

(*sophrosyne*) и со столь большой заботливостью, тех, кто вышел замуж согласно законам, не следует приравнивать к женщине, занимавшейся непристойным делом множество раз в день и со множеством мужчин и по желанию каждого».

Этот процесс затеян не для смеха. Аполлодор атакует слабое место Стефана, его частную жизнь, его любовницу, его так называемую супругу. Нира рискует понести от этого убытки. Если она в самом деле будет признана виновной, если судьи признают, что четверо детей рождены от нее, а не от Стефана, что она лгала и, будучи чужестранкой, претендовала на звание супруги Стефана, она «будет передана закону, а ее дети признаны чужестранцами». Так и случилось — Нира, уже пожилая женщина, теряет все.

Несмотря на всю свою настойчивость, она потерпела неудачу в упорном стремлении внедриться в «группу политического воспроизводства», афинскую систему «домов». А ведь были такие, кто смог неподобающим образом попасть в эти социальные группы. Почему то, что оказалось возможным для других, не получилось у Ниры и ее детей — особенно у ее внука? Была ли это ошибка Стефана? Возможно, у них не хватило денег, чтобы купить достаточно голосов? Или пятно чужестранки и труженицы на ниве секса было слишком ярким, а Нира — слишком известной? Настало время вспомнить очень похожий случай. Положение детей и внуков Ниры и Перикла Младшего юридически является тождественным, но нам неизвестны имена тех, кто отказал в натурализации сыну Аспасии, потому что это могло угрожать добродетели супруг граждан. Возможно, в Афинах в классическую эпоху произошло «усиление морали»? Очень может быть, но подобное различие в подходе к этой проблеме скорее объясняется социальной и культурной дистанцией между обществами, воспитавшими Аспасию и Ниру.

Чужестранка, труженица, держательница заведения, рабыня, женщина, Нира внушает страх. Мужчины призывают защищать общество от грязи, опасаются разложения женщин из системы «домов».

Окружим наших жен и дочерей санитарным кордоном, а она пусть отмывается и возвращается туда, откуда пришла. Но когда накапливаются пороки и пятна, на которые в прошлом вы не обращали внимание, трудно устоять на ногах.

Как с ними расстаться?

Книга, которую вы сейчас закроете, не научная, во всяком случае, она таковой не выглядит. Книга, без сомнения, критическая, но общающаяся непосредственно с первоисточниками. И уж тем более не идеальная, не утопический итог «всего сказанного», а способная предоставить читателю возможность составить свое мнение об изложенных в ней фактах, не поддавшись субъективному мнению автора. Следовательно, книга профессиональная. В выборе персоналий мною руководила история, но я хотел избежать ученого спора. И потому выбрал Ниру и Навсикаю, а не нечто среднее между ними. Памятуя печальные школьные привычки, я обращаюсь к студентам с призывом избегать серого компромисса, когда одни источники говорят о белом, а другие о черном. По этой же причине я постарался, чтобы эта книга не стала только алгебраической суммой прочитанного мною.

Что подвигло меня к изучению жизни древнегреческих женщин?

Как только культура умирает, она становится объектом исследования. Но это не значит, что с высоты нового, современного знания историки способны решить оставленные ею проблемы. История не родилась подобно Афине из головы своего отца уже полностью сформировавшейся и вооруженной.

История зарождается в настоящем. Она связывает сегодняшнее (не историческое) событие со вчерашним событием (потому что оно отошло в историю). Вот и мой интерес к женщинам моего мира увлек меня к женщинам прошлого. Я попытался максимально приблизиться к ним и, чтобы показать их вам в

«первозданном» виде, предоставил слово грекам, жаль, что не гречанкам.

И прощаясь с этим женским миром, я хочу еще раз услышать их голос, словно приоткрыть дверь и позволить войти тихой музыке стихов Сапфо*:

Нет, она не вернулась!
Умереть я хотела бы...
А прощаясь со мной, она плакала,
Плача, так говорила мне:
«О, как страшно страдаю я.
Сапфо, бросить тебя мне приходится!»
Я же так отвечала ей:
«Поезжай себе с радостью
И меня не забудь. Уж тебе ль не знать,
Как была дорога мне!
А не знаешь, так вспомни ты
Все прекрасное, что мы пережили:
Как фиалками многими
И душистыми розами,
Сидя возле меня, ты венчалась,
Как густыми гирляндами
Из цветов и из зелени
Обвивала себе шею нежную.
Как прекрасноволосую
Умощала ты голову
Миррой царственно-благоухающей,
И как нежной рукой своей
Близ меня с ложа мягкого
За напитком ты сладким тянулася.
И ни жертвы, ни.....
Ни..... Не было,
Где бы мы.....
И ни рощи священной...»

---

* Пробелы в тексте соответствуют лакунам в рукописи. (Прим. авт.)

** Пер. В. Вересаева. (Прим. ред.)

Я использовал в своей книге труды Гомера, Аристотеля, Гиппократы и его последователей, Плутарха, Платона, Ксенофонта, Аполлодора, Плиния, Фукидида, «Антологию античной лирики», Аристофана. Кроме этого, предлагаю вашему вниманию другие работы, посвященные в той или иной мере рассмотренной мною теме:

Berard Cl. "L'ordre des femmes" in "La Cité des images", Lausanne, Paris, Nathan, 1984, 85—103.

Blundell S. "Women in Ancient Greece", Londres et Cambridge Mass., 1995.

Bonte P. ed. "Épouser au plus proche: inceste, prohibitions et strategies matrimoniales autour de la Méditerranée", Paris, EHESS, 1994.

Brisson L. "Le Sexe incertain", Paris, Les Belles Lettres, 1997.

Bruit-Zaidman L. "Les Filles de Pandore" in P. Schmitt ed., "Histoire des femmes. L'Antiquité" sous la dir. De G. Duby et M. Perrot, Paris, Plon, 1991, 363—403.

Brulé P. "La Fille d'Athènes. La Religion des filles à Athènes à l'époque classique: cultes, mythes et société", Paris, Les Belles Lettres, 1987.

Brulé P. "Des femmes au miroir masculin" in "Mélanges Pierre Leveque", Paris, Les Belles Lettres, 1, 1989, 49—61.

Brulé P. "Des osselets et des tambourins pour Artémis" in "Clio, Histoire, Femmes, Société, Le temps des jeunes filles", № 4, 1996, 11—32.

Calame Cl. "Les Chœurs de jeunes filles en Grèce archaïque", 2 vol., Rome, Ateneo, 1977.

Calame Cl. "L'Éros dans la Grèce antique", Paris, Belin, 1996.

Cantarella E. "Selon la nature, l'usage, la loi: la bisexualité dans le monde antique", Paris, La Découverte, 1991.

Cohen D. "Law, Sexuality and Society: The Enforcement of Morals in classical Athens", Cambridge University Press, 1991.

Cox Ch. "Households interest Property, Marriage Strategies, and Family Dynamics in Ancient Athens", Princeton University Press, 1998.

Dean-Jones L. "Women's Bodies in Classical Greek Science", New York, Oxford, University Press, 1994.

Demand N.J. "Birth, Death and Motherhood in Classical Greece", Baltimore et Londres, 1994.

Dover K.J. "Homosexualité grecque", Grenoble, La Pensée sauvage, 1982.

Dowden K. "Death and the Maiden. Girls'Initiation Rites in Greek Mythology", Londres, 1989.

Flacelière R. "L'Amour en Grèce", Paris, 1960.

Flacelière R. "La vie quotidienne en Grèce à l'époque de Périclès", Paris, Hachette, 1978.

Foley H.P. "Reflections of Women in Antiquity", New York, 1981.

Foucault M. "Histoire de la sexualité", 2, "L'Usage des plaisirs", Paris, Gallimard, 1984.

Frontisi-Ducroux Fr. "Éros, le désir et le regard" in "Sexuality in Ancient Art", N.B. Kampen ed., Cambridge UP, Cambridge, New York, Melbourne, 1996, 81—100.

Golden M. "Children and Childhood in classical Athens", Baltimore, John Hopkins University Press, 1990.

Gourevitch D. "Le mal d'être femme: la femme et la médecine dans la Rome antique", Paris, 1984.

Halperin D.M., Winkler J.J., Zeitlin F. "Before Sexuality: the Construction of Erotic Experience in the Ancient Greek World", Princeton, Princeton University Press, 1990.

Henderson J. "The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy", 2 ed., New York, Oxford University Press, 1991.

Herfst P. "Le Travail de la Femme dans la Grèce ancienne", Utrecht, 1992.

Hoffmann G. "La Jeune Fille, le pouvoir et la mort dans l'Athènes classique", Paris, De Boccard, 1992.

Humphreys S.C. "The Family, Women and Death", Ann Arbor, Much University Press, 1993, 2 ed.

Jameson M. "L'espace privé dans la cité grecque" in O. Murray, S. Price "La Cité grecque d'Homère à Alexandre", Paris, La Découverte, 1992, 201–29.

Keuls E. "The Reign of the Phallus", New York, University of California Press, 1985.

Leduc Cl. "Comment la donner en mariage?" in P. Schmitt-Pantel ed. "Histoire des femmes, L'Antiquité" sous la dir. de G. Duby, H. Perrot, Paris, Plon, 1991, 259–316.

Lissarrague Fr. "Femmes au figure" in P. Schmitt-Pantel ed. "Histoire des femmes, L'Antiquité" sous la dir. de G. Duby, H. Perrot, Paris, Plon, 1991, 159–251.

Loroux N. "Les Enfants d'Athéna", Paris, Le Seuil, 1981; 2 ed., 1990 avec postface.

Loroux N. "Les Expériences de Tirésias", Paris, Hechette, 1989.

Loroux N. "Qu'est-ce qu'une déesse?" in P. Schmitt-Pantel ed. "Histoire des femmes, L'Antiquité" sous la dir. de G. Duby, H. Perrot, Paris, Plon, 1991, 31–62.

Mossé Cl. "La Femme dans la Grèce antique", Paris, Complex, 1999.

Pomeroy S.B. "Goddesses, Whores, Wives and Slaves. Women in class. Antiquity", New York, Schochen Books, 1975.

Pomeroy S.B. "Women in Hellenistic Egypt from Alexandre to Cleopatra", New York, Wayne State University Press, 1984 (reed.) 1989.

Pomeroy S.B. "Xenophon Oeconomicus. A Social and Historical Commentary", Oxford, Oxford University Press, 1994.

Pomeroy S.B. "Families in classical and hellenistic Greece", Oxford, Oxford University Press, 1997.

Préaux Cl. "Le statut de la femme à l'époque hellénistique, particulièrement en Égypte" in "Recueil de la société Jean-Bodin, La Femme", Bruxelles, 1959, 129–73.

Rousselle A. "Porneia. De la maîtrise du corps à la privation sensorielle", Paris, PUF, 1983.

Saïd S. "Feminin, femme et femelle dans les grands traités biologique d'Aristote" in "La Femme dans les sociétés antiques, Colloque de Strasbourg", ed. Levy E., 1981, 93–124.

Schmitt P. "La différence des sexes, Histoire, anthropologie et cité grecque" in "Une Histoire des femmes est-elle possible?" sous la dir. de M. Perrot, Marseille, Rivages, 1984, 98–119.

Schmitt P. ed. "Histoire des femmes. L'Antiquité" sous la dir. de G. Duby, H. Perrot, Paris, Plon, 1991.

Sissa G. "La Famille dans la cité grecque (V–IV siècle)" dans

- A. Burguiere, C. Klapisch-Zuber, Ségalen, M. F. Zonabend (ed.)
"Histoire de la famille", 1, Paris, Plon, 1986, 163—194.
- Sissa G. "Le Corps virginal", Paris, Vrin, 1987.
- Sissa G. "L'Âme est un corps de femme", Paris, Odile Jacob, 2000.
- Thébaud Fr. "Écrire l'histoire des femmes", Paris, ENS Editions,
1998.
- Vatin Cl. "Recherches sur le mariage et sur la condition de la femme
mariée a l'époque hellénistique", Paris, De Boccard, 1970.
- Verilhac A.-M. "Antiquité", coll. "Travaux de la Maison de l'Orient",
Lyon, Maison de l'Orient méditerranéen, 10, 1985, 85—112.
- Verilhac A.-M, Cl. Vial "Le Mariage grec du VI siècle à l'époque d'
Auguste", Athènes-Paris, École française d'Athènes, 2000.
- Vernan J.-P. "Le mariage" *in* "Mythe et société", Paris, Maspéro, 1974,
57—81.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Как с ними встретиться?</i>	7
Глава 1. ЖЕНСКИЙ ПОЛ, ЖЕНЩИНЫ И СВЯЩЕННОЕ	12
Женщины-богини	12
Смертные в поисках божественного	21
Кого лучше слышат боги?	22
Женщины говорят на ритуальном женском языке ...	27
Это «борьба полов»?	34
Интермеццо: у истоков греческого женоненавистничества	37
Бестиарий для демонстрации женских пороков	38
Гесиод и его Пандора, греческая Ева	41
Женщина-ловушка	43
Греческое женоненавистничество имеет будущее ...	45
Пинок ослицы	48
Глава 2. ЖЕНЩИНЫ ГРЕЧЕСКИХ ЭПОПЕЙ	49
Женщины «Илиады»: Брисеида и Хрисеида	50
Вслушаемся в их имена... ..	50
В поисках определений: женские имена	53
Хрисеида, дитя и дочь-своего-отца	55
От девушки к женщине, от свадьбы к смерти	57
От koure-своего-отца до божественной девственницы	60
Женщины «Одиссеи»: Навсикая, Parthenos	62
Красота parthenos	64
Укрощение parthenos	68
Дочь «дома» и «дом» дочери	69
И Пенелопа: женщина одного мужчины	71
Состязание женихов	72
Цена свадьбы: покупка и продажа	74
Что делают «благородные женихи» в «доме» Одиссея?	76
Пенелопа у себя «дома»	79
Девушки и женщины эпопей	80
Глава 3. ТЕЛО И ПОВЕДЕНИЕ	82
Слово «специалистам»	83
Самки и самцы	84
Полы наоборот	86
Женщины и мужчины: разные голоса	88
Жидкости и их значение	89
Основная физиология	91
Воспроизводство	93
Об эмбрионе и сроке его созревания у обоих полов ...	95
Сравнительная таблица полов	97
Сексуальность	99
Полиморфная любовь	99
Фантастическая антропология	101
Закоренелые холостяки	104

Женщины и мужчины: виды или полы	106
Мужской способ заниматься любовью с женщиной ..	109
Неудержимое возвращение женоненавистничества ..	111
Феминизация	114
Женские способы заниматься любовью	117
Что же в них происходит?	121
Глава 4. «ДОМ» ПЕРИКЛА: РАДОСТЬ И БЕДЫ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ	124
Из рук в руки: круговорот женщин в знатных семьях ...	126
Брак в классическую эпоху: соглашение между мужчинами	131
Юридические и социальные аспекты	131
Приданое	134
Власть отца и мужа	138
От повседневной жизни к демографии: дочери	140
А в это время мальчики... ..	144
Евгеника городов, власть отцов	148
Спарта в отчаянии. Олигантропия? Многожурье? Полигамия?	152
Сократ Афинский	155
Интермеццо: gamos, ночной праздник	156
Подчинять с помощью богов	158
Глава 5. ЖЕНЩИНА В «ДОМЕ»: СУПРУГА ИСХОМАХА	164
Основания для «совместного проживания»	165
Зачем жениться?	166
Любящие супруги?	169
Отражение «дома» в городе	173
Великое дело — дети	174
Вам мальчика или девочку?	177
Жена Исхомаха — царица пчел	178
Хрупкость нимфы	184
Персонаж ergatis'a	187
Шерсть: прялка и челнок	190
Эпилог с сюрпризом	193
Глава 6. ЖЕНЩИНЫ ВНЕ «ДОМА»: ОТ АСПАСИИ ДО НИРЫ ..	197
Лексика проституции	200
Самая известная, «желанная» Аспасия	202
«Дом» Аспасии	203
Из «дома» в «дом»	207
Другая Аспасия: греческий образец для персидской кокотки... ..	209
Жила-была фокейка, бедная и добродетельная... ..	210
Все выше и выше	213
Нира на приступе «домов»	215
Никарета	216
Ремесло	217
Кто владеет «домами свиданий»?	219

Нира	220
Борьба Ниры за свой статус	222
С женщиной в «доме»: Нира в качестве супруги?	223
Фано: наконец осуществить!	225
Религиозное сообщество: пол, принадлежность к обществу и нечистота	227
Как с ними расстаться?	232
Библиография	234

Брюле П.
Б 89 Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху / Пер. с фр. Т. А. Левиной. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 239[1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02786-8

Как жили женщины Древней Греции? До нас дошло не так уж много источников, благодаря которым можно было бы установить истину. С помощью Гомера, авторов комедий и медицинских трактатов, а также греческой мифологии французский историк Пьер Брюле попытался рассказать в своей книге, что представляла собой их повседневная жизнь. Прежде всего речь идет, конечно, о горожанках, поскольку о них мы знаем больше всего, а также о женщинах-рабынях и гетерах. Картина, которая предстает перед нашим взором, оказывается много экзотичнее и ярче, чем этого можно было ожидать.

УДК 94(38)-055.2
ББК 63.3(0)32

Брюле Пьер

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. И. Никифорова**

Художественный редактор **А. Ю. Никулина**

Технический редактор **Н. И. Михайлова**

Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. А. Мещерякова**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 30.12.2004. Подписано в печать 22.08.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 12,6+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 53004.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsej@gvardiya.ru

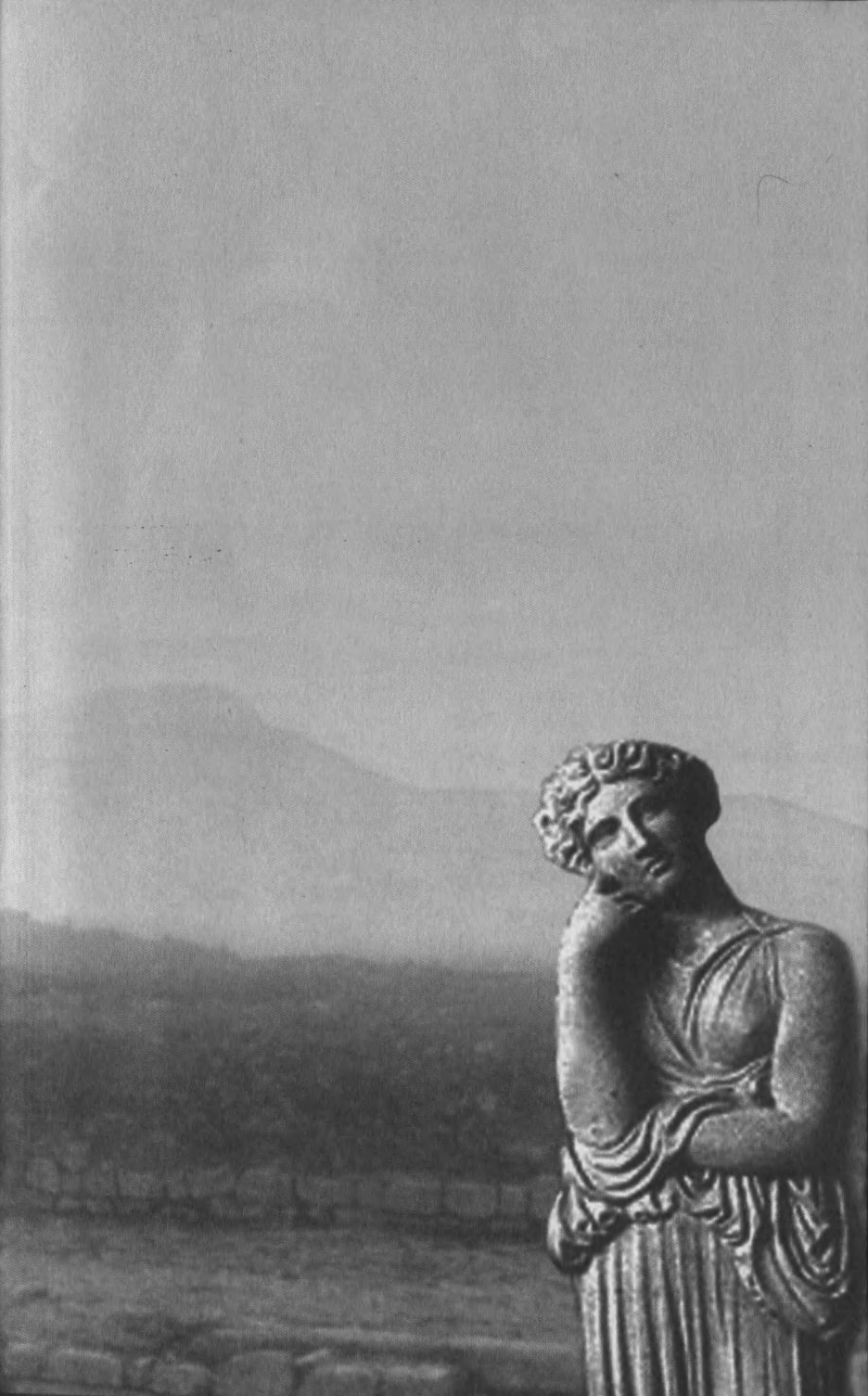
Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02786-8

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Е. Лаврентьева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

В. Антипин †
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Ю. Рябинин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКОВСКИХ
КЛАДБИЩ

Э. Бартон
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АНГЛИИ ВО ВРЕМЕНА
ШЕКСПИРА

Н. Старосельская
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО
КИТАЯ

ISBN 5-235-02786-8

9 785235 027862 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ